Успенский
А.А.
На войне.

Каунас, 1932.

ИИЛ—Библиотека
ЦР
У 781

А. А. Успенский

На войне

ЦР
У781

А. А. УСПЕНСКІЙ

НА ВОЙНѢ

Восточная Пруссія—Литва 1914—1915 г.г.

ВОСПОМИНАНІЯ

(Съ приложеніемъ четырехъ схемъ)

Библиотека
М.К.В.К.П.(б.)
340 ф1
Зар.Б
У-77.

ИЗДАНІЕ АВТОРА
Литва, Каунасъ, Калнечу г-ве № 10
1932 годъ

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Alle Bechte vorbehalten.

Tous les droits pour tous les pays sont reserves par l'auteur.

Copyright by the author.

ЦР
У781

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1088866

сф
29792

Съ заказами просятъ обращаться къ самому автору по адресу: Lietuva, Kaunas, Kalniečių g-ve № 10 but. 4 — Ats. Pulkininkui A. Uspenskiui.

Печатано въ типографіи „STARS", Латвія, Рига, Ключевая 33

2012

— Война подобна шахматной игрѣ, — сказалъ князь Андрей, — только въ шахматахъ надъ каждымъ шагомъ ты можешь думать сколько угодно...

— Успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ, въ каждомъ солдатѣ...

— Сраженіе выигрываетъ тотъ, кто твердо рѣшилъ его выиграть.

„Война и Миръ" Л. Н. Толстого.

I.

Мобилизація.

1914-й годъ. Іюль мѣсяцъ. Мирная лагерная жизнь 27-й п. дивизіи (близъ ст. Подбродзе, Вилен. губ.) шла своимъ размѣреннымъ темпомъ, по расписанію, утвержденному начальствомъ. Вставали въ 5 ч. утра, потому что въ 6 ч. стрѣляющая часть уже должна открыть огонь по своимъ учебнымъ мишенямъ, а до стрѣльбища полчаса ходу.

Вообще, тогда занятія были продолжительныя и тяжелыя и на полигонѣ и въ окрестностяхъ мѣст. Подбродзе, въ пескахъ подъ жгучими лучами солнца, или подъ дождемъ безотмѣнно.

Хорошо обученная, любимая генераломъ Ренненкампфомъ, 27 пѣх. дивизія высоко стояла, какъ по стрѣльбѣ, такъ и по строевымъ успѣхамъ.

Въ субботу, 12-го іюля *), 106-й Уфимскій полкъ стрѣлялъ на полигонѣ съ 6 ч. у. до 12 ч. дня. Я тогда командовалъ 16-ой ротой. Желаніе

*) Всѣ даты по старому стилю.

Государя Императора, чтобы войска стрѣляли „отлично“, обратилось въ строгое требованіе Командующаго войсками (генерала Ренненкампфа) округа выбивать на стрѣльбѣ много „сверхъотличнаго“. Роты, выбивавшія сверхъотличную оцѣнку, расхваливались и ихъ ротные командиры выдвигались по службѣ, а соревнованіе въ стрѣльбѣ между ротами, вообще, поддерживало энергію и духъ не только офицеровъ, но и солдатъ.

На стрѣльбищѣ, несмотря иногда на страшную жару, время летѣло быстро. Успѣхъ или неуспѣхъ роты при подсчетѣ попавшихъ въ мишени пуль самимъ командиромъ полка, любимымъ нами полковникомъ Константиномъ Константиновичемъ Отрыганьевымъ (стрѣльба шла „смотровымъ“ порядкомъ), его похвала или строгое замѣчаніе взвинчивали нервы офицеровъ. Чисто физическое утомленіе чувствовалось только послѣ окончанія стрѣльбы, когда нужно было возвращаться съ ротой со стрѣльбища въ лагерь.

Тамъ нужно сходить въ хозяйственную часть полка, получить деньги, письма, посылки въ роты; затѣмъ—обѣдъ въ полковомъ офицерскомъ собраніи и послѣ обѣда—короткій, прямо мертвецкій сонъ. Въ 4 ч. в. уже опять нужно учить роту въ полѣ—очередныя по расписанію занятія — до 6—7 ч. веч. (а если таковыхъ нѣтъ, то ночное ученіе съ 11 ч. до 2—3-хъ ч. ночи). Вечеромъ, до сна нужно прочитать приказъ по полку, сдѣлать по немъ необходимыя распоряженія по ротѣ для занятій слѣдующаго дня и, наконецъ, самому поужинать. Раньше 11 ч. веч. трудно было лечь

спать, а утромъ съ 5 — 6 ч. уже опять на ногахъ.

А зимнія занятія? Они бывали еще утомительнѣе, потому что приходилось вести ихъ не только на воздухѣ, но и въ душной казармѣ; вкладывать всю душу для обученія молодыхъ солдатъ, чтобы изъ простого деревенскаго, неповоротливаго, умственно слабо-развитаго парня сдѣлать воина—бойца, защитника своей Родины.

Зимой, обыкновенно, было очень много занятій и съ ротой отъ 8 до 12 ч. и офицерскихъ тактическія занятія отъ 1 ч. до 3-хъ часовъ, а послѣ занятій (отъ 3-хъ до 6 часовъ) въ ротахъ, нужно вечеромъ отъ 7 ч. иногда до 10 ч. в. выслушать лекцію офицера генеральнаго штаба въ гарнизонномъ собраніи; такъ что часто офицеру для своихъ личныхъ дѣлъ не оставалось времени!

Да, какъ глубоко неправы были разные г.г. соціалисты, называя тогда насъ, офицеровъ, „дармоѣдами"! Эти „просвѣтители" народа, пролагавшіе путь большевизму, забывали, что почти всѣ новобранцы, взятые изъ темной, совершенно неграмотной среды, возвращались съ военной службы не только грамотными, но и сознательными патріотами, любящими свою Родину!

Эти солдаты на войнѣ, въ первыхъ же бояхъ доказали на дѣлѣ всю любовь къ родинѣ, храбро сражаясь и умирая за нее! Я говорю здѣсь о кадровыхъ солдатахъ, нашихъ воспитанникахъ и ученикахъ, а не о той фабричной массѣ, которую

просвѣщали своей агитаціей на погибель Россіи г.г. соціалисты и, К°... Но продолжаю...

Въ субботу, 12-го іюля, вечеръ я закончилъ въ своемъ лагерномъ офицерскомъ собраніи. Была репетиція любительскаго спектакля. Участвовали, подъ моимъ режиссерствомъ, полковыя дамы, барышни и офицеры. Ставилъ я „Медвѣдя“ и „Предложеніе“ Чехова. Репетиція прошла оживленно. Послѣ репетиціи очень весело поужинали, и часовъ въ 12 ночи проводили мы нашу добрѣйшую мать—командиршу съ дочерьми—до ея барака. Крѣпко заснулъ я у себя только въ 1-мъ часу ночи.

Рано утромъ, часовъ въ 5, раздался громкій стукъ въ двери и крикъ моего вѣстового: „Ваше Высокоблагородіе! Вставайте“! „Тревога“! И дѣйствительно, отчаянные, рѣзкіе звуки дежурнаго горниста неслись по всему лагерю, слышались бѣготня и крики солдатъ въ разныхъ направленіяхъ.

Я быстро одѣлся и, на бѣгу къ своей ротѣ, успѣлъ узнать отъ полкового адъютанта, что дивизія, по телеграммѣ Военнаго Министра, должна къ завтрашнему утру быть въ мѣстѣ своей штабъ-квартиры, т. е. въ Вильнѣ.

Кѣмъ-то оброненное роковое слово „война“, начало передаваться изъ устъ въ уста, волнуя какимъ-то особеннымъ, острымъ, и радостнымъ и вмѣстѣ жуткимъ, чувствомъ наши сердца...

Не больше, какъ черезъ 10 минутъ съ момента „тревоги“, полкъ уже стоялъ готовый къ выступленію. Командиръ полка поздоровался.

Команда: „Смирно! Подъ знамя слушай на краулъ“! Блеснули шашки и штыки...

Раздались торжественные и красивые звуки музыки... Полкъ замеръ: вдали показалось свышевѣковое (100-ій юбилей полкъ отпраздновалъ въ 1911 г.) знамя, плавно заколыхалось передъ рядами полка и стало на свое мѣсто впереди знаменной роты...

Сколько разъ за свою долгую военную службу я всегда съ особымъ наслажденіемъ любилъ переживать этотъ чудный моментъ отданія чести полковому знамени! Мысленно передъ моимъ взоромъ проносились картины славныхъ боевъ, гдѣ это знамя въ теченіе 100 лѣтъ водило полкъ къ побѣдамъ и славѣ! Невольно задумался я теперь, глядя на него: осѣнитъ ли оно полкъ новыми побѣдами? или...

Но вотъ слышится команда стараго командира: „къ ногѣ“, „на молитву! Шапки долой!“ Молчаливая, или шопотомъ произносимая молитва, мельканіе крестнаго знаменія 2-хъ тысячъ рукъ солдатъ и офицеровъ... „На-кройсь!“ „Полкъ на плечо!“ „Шагомъ маршъ!“ И, подъ веселые звуки своего полкового марша, полкъ двинулся въ путь!

Помню встревоженныя лица и личики полковыхъ дамъ и барышень, выскочившихъ прямо съ постели провожать свой полкъ. Хорошенькія дочери подполковника Пархоменко наивно кричали мнѣ: „Александръ Арефьевичъ, а какъ же нашъ спектакль?! Когда же слѣдующая репетиція?“ Я со смѣхомъ крикнулъ имъ: „на фронтѣ!“ Хотя я

самъ не отдавалъ себѣ отчета, почему я такъ пошутилъ? Вѣдь никто еще точно не зналъ, будетъ ли война и, быть можетъ, просто дивизія вызывается въ Вильно, ввиду какихъ-нибудь безпорядковъ, ж.-д. забастовки и т. п.

Переходъ изъ лагеря въ Вильно, болѣе 50 верстъ въ одинъ день, былъ очень тяжелый даже для такого, втянутаго въ марши и крайне выносливаго полка, какъ нашъ полкъ; тѣмъ болѣе, что днемъ стояла сильная жара. Быстро двигаясь и сдѣлавъ одинъ большой привалъ на пару часовъ, полкъ, съ разсвѣтомъ 14-го іюля, уже входилъ въ Вильно, въ свои казармы на Снипишкахъ.

Здѣсь узнали, что весь огромный гарнизонъ Вильно прибылъ изъ мѣстъ своихъ лагерей. Потомъ, значительно позднѣе, узналъ я, что это невѣроятно быстрое сосредоточеніе всѣхъ гарнизоновъ пограничныхъ округовъ Россіи произвело въ Германіи огромное впечатлѣніе! Вѣдь въ это время происходилъ обмѣнъ телеграммами между императорами 2-хъ огромныхъ монархій.

Въ Вильнѣ уже распространились слухи, что будетъ война, но мало кто этому вѣрилъ и жизнь шумнаго большого города шла своимъ темпомъ.

15-го іюля была получена телеграмма, начать подготовительную мобилизацію, т. е. выполнять домашнія работы для настоящей мобилизаціи. Отъ ранняго утра до поздняго вечера мы работали въ полковой канцеляріи, цейхгаузахъ и у себя въ ротахъ. Наконецъ, 17-го іюля, поздно вечеромъ, получена была въ полку телеграмма

начать мобилизацію, первый день считать 31-го іюля.

Командиръ полка полковникъ К. К. Отрыганьевъ собралъ всѣхъ офицеровъ, врачей и чиновниковъ въ канцеляріи, прочиталъ телеграмму, роздалъ намъ всѣмъ мобилизаціонные пакеты и, сказавъ горячую рѣчь о честномъ выполненіи всѣми своихъ обязанностей, поздравилъ съ походомъ.

Помню вдохновенное выраженіе его мужественнаго лица... Торжественные звуки оркестра: „Боже, Царя храни!“ Крики: „ура!“ Прощаніе офицеровъ 2-го баталіона, получившаго особое назначеніе и отправлявшагося на фронтъ сейчасъ же (въ г. Маріамполь).

Съ полученіемъ Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Германіей, въ городѣ начались патріотическія манифестаціи. Несмотря на національное и религіозное различія населенія, взрывъ негодованія противъ Германіи, объявившей войну Россіи, былъ общій. Это доказывали манифестаціи и шествія по городу съ національными русскими флагами, въ которыхъ принимали участіе всѣ слои населенія.

Война! Сколько разъ за время своей службы задумывался я надъ этимъ словомъ! Война — экзаменъ для каждаго офицера, повѣрка всѣхъ военныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ за время своей службы.

Но война съ такимъ серьезнымъ противникомъ, какъ Германія, объ арміи которой мы столько прослушали лекцій нашихъ офицеровъ ге-

неральнаго штаба, а о послѣднемъ нѣмецкомъ строевомъ уставѣ дѣлалъ сообщеніе въ полковомъ собраніи я самъ, — „Впередъ на врага, во что бы то ни стало!“—красной нитью идетъ черезъ всю II-ю часть этого устава („Наступленіе“). Правда, русская армія болѣе 100 лѣтъ не дралась съ нѣмцами, послѣ того, какъ она взяла Берлинъ, но тѣ же нѣмцы разбили французскую армію и въ Версалѣ продиктовали свой миръ!

„Главное, — думалъ я, — не опозориться, не осрамиться со своей ротой, а умереть — все равно — суждено только одинъ разъ и, вѣдь, такъ красиво умереть за Родину на полѣ брани! „Нѣтъ больше сея любви, какъ душу свою положить за други своя“, вѣдь, именно, эта евангельская фраза самого Іисуса Христа была написана на стѣнѣ въ моей 16-ой ротѣ, вокругъ кіота съ ротнымъ образомъ! А на этомъ образѣ изображенъ былъ Св. Первомученикъ, Архидіаконъ Стефанъ, убитый разъяренной толпой язычниковъ за свою проповѣдь о Христѣ и, значитъ, первый положившій душу свою за Самого Христа!“

Всѣ эти мысли волновали меня въ тѣ дни: и во время работъ по мобилизаціи, и по вечерамъ, когда въ городѣ встрѣчалъ я шумныя манифестаціи, и дома у себя въ рѣдкіе часы отдыха.

Мобилизація шла гладко и спокойно. Полностью прибыли на пополненіе, до рядовъ военнаго времени, запасные солдаты, пополнился конскій составъ. Каждая рота стала выглядѣть, какъ баталіонъ. Много прибыло сверхъ штата запас-

ныхъ унтеръ-офицеровъ и большинство заслуженныхъ, часто съ георгіевскими крестами и медалями за Японскую войну. Какъ было досадно ставить этихъ героевъ старшихъ унтеръ-офицеровъ на отдѣленія вмѣсто взводовъ, а младшихъ унтеръ-офицеровъ старшими въ звенѣ, а то и просто рядовыми за неимѣніемъ вакансій!

Кромѣ того благодаря необдуманной организаціи, съ объявленіемъ войны, должны были идти и пошли въ бой полностью всѣ кадровые унтеръ-офицеры, люди опытные, прекрасно знающіе свое дѣло обученія молодыхъ солдатъ. И горько вспоминать, что весь этотъ цвѣтъ русской арміи, всѣ эти храбрые маленькіе начальники погибли въ первыхъ же бояхъ!

Конечно, еще болѣе жаль было кадровыхъ офицеровъ, особенно ротныхъ командировъ и младшихъ офицеровъ, которые являлись ближайшими воспитателями и учителями арміи. Они выступили съ начала войны буквально всѣ (по 4—5 чел. на роту) и въ первые же мѣсяцы войны были перебиты, тяжело ранены, или попали въ плѣнъ. И очень, очень скоро, уже съ начала 1915 г., армія стала пополняться на фронтѣ и въ тылу не настоящими офицерами, а прапорщиками, т. е. молодежью, совершенно неопытною въ военномъ дѣлѣ, а главное по своему духу, въ большинствѣ случаевъ, противниками всего военнаго; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ были заражены теоретической утопіей соціализма и, конечно, разлагающе дѣйствовали на психику солдатъ.

Не та организація была у нѣмцевъ. Въ пер-

выхъ бояхъ и далѣе у нихъ участвовали только 1/4 всѣхъ кадровыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, а 3/4 въ строю были запасные. Остальные 3/4 кадровыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ несли дома трудную работу по подготовкѣ частей къ бою.

Славныя загорѣлыя лица запасныхъ, прибывшихъ въ мою роту, мнѣ нравились. Большинство изъ нихъ были трезвые, опрятные хлѣбопашцы, а не фабричные заводскіе, тронутые пропагандой и кабацкой „культурой". Ознакомиться со всѣми ими такъ близко, какъ зналъ я своихъ солдатъ, не было теперь возможности. Настроеніе у солдатъ было бодрое. Болѣе скучно и задумчиво вели себя еврейчики.

Со своей 16-ой ротой я сжился очень хорошо, командовалъ ею уже 5-ый годъ. На войну рота шла въ составѣ 240 нижнихъ чиновъ при 3-хъ младшихъ офицерахъ: поручикъ Кульдверъ, поручикъ Бадзенъ и подпоручикъ Врублевскій. Всѣ трое—прекрасные строевые офицеры. Фельдфебель былъ сверхсрочной службы подпрапорщикъ Нагулевичъ—необыкновенной расторопности.

На должности взводныхъ командировъ въ ротѣ были: одинъ сверхсрочный подпрапорщикъ Карпенко (1-й взводъ), старшіе унтеръ-офицеры: Афанасьевъ (2-й взводъ), Калининъ (3-й взводъ) и Комаровъ (4-й взводъ); всѣ—мои воспитанники съ момента поступленія ихъ въ роту; поэтому и я ихъ отлично зналъ, и они мои служебныя требованія понимали быстро; а требованія, предъявляемыя въ то время начальствомъ къ ротнымъ

командирамъ относительно подготовки роты къ бою, были очень велики.

Командующимъ округа былъ тогда генералъ-адъютантъ Ренненкампфъ, — „желтая опасность", какъ его прозвали офицеры: онъ носилъ желтые лампасы и мундиръ Забайкальскаго казачьяго войска, пожалованный ему за боевыя отличія; ну а „опаснымъ" онъ былъ вслѣдствіе своего крутого характера.

Еще будучи нашимъ корпуснымъ командиромъ, онъ высоко поднялъ боевую подготовку 3-го армейскаго корпуса: постоянными маневрами, пробными мобилизаціями, кавалерійскими состязаніями, боевой стрѣльбой съ маневрированіемъ даже въ морозы, состязаніями въ походномъ движеніи и т. п., причемъ войска всегда видѣли его среди себя на конѣ, несмотря ни на какую погоду, красивымъ, „лихимъ", простымъ въ обращеніи! Заканчивая состязанія между ротами на наступленіе, генералъ Ренненкампфъ отличившагося командира роты называлъ „королемъ наступленія", а командира, рота котораго выбивала наибольшій процентъ сверхъ „отличнаго"—„королемъ стрѣльбы"!

Сколько продѣлано было въ лагерное и зимнее время такихъ „наступленій" и „оборонъ" и днемъ, и ночью, и на ученьяхъ, и на смотрахъ противъ обозначеннаго противника! Сколько разъ моя рота стрѣляла по мишенямъ, въ близкой къ бою обстановкѣ, и стрѣляла почти всегда „отлично", а послѣдніе 3 года подрядъ „отлично", а такихъ ротъ въ полку было только 3! „И вотъ,—

думалъ я,—предстоитъ теперь послѣдній „смотръ“ въ настоящемъ бою съ могучимъ противникомъ!“

Бодро и весело, какъ то особенно старательно, распоряжались во время мобилизаціи, исполняли мои приказанія и вообще вели себя мои унтеръ-офицеры, всѣ эти мои любимые изъ любимыхъ солдатъ, мною поставленные маленькіе начальники, въ огромномъ значеніи коихъ на войнѣ я крѣпко убѣдился въ первыхъ же бояхъ.

Вотъ, наконецъ, послѣдній день мобилизаціи.

Полкъ, болѣе 3500 штыковъ, съ развернутымъ полковымъ знаменемъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ—4-хъ ротнаго состава каждый, при пулеметной командѣ (8 пулеметовъ), ротѣ службы связи и полковомъ оркестрѣ, выстроился на Снипишской площади „покоемъ“ для напутственнаго „на брань“ молебна.

Люди въ полномъ походномъ снаряженіи, вещевые мѣшки солдатъ съ полной выкладкой, патронныя сумки полныя патроновъ, кромѣ ротныхъ патронныхъ двуколокъ.

Составъ офицеровъ полный, т. е. 75 чел. Командиры баталіоновъ и ротъ—верхомъ.

Не могу забыть, какъ въ это время явился на службу изъ отставки славный поручикъ Н. Н. Нечаевъ, пулеметчикъ, ушедшій изъ полка годъ тому назадъ, вслѣдствіе потери одного глаза, совершенно выбитаго отъ взрыва ракеты (несчастный случай). Разрѣшеніе одноглазому офицеру вступить въ ряды родного полка было дано не сразу, а по особому ходатайству командира полка. Какимъ огнемъ любви къ родинѣ го-

рѣлъ этотъ выдающійся офицеръ, впослѣдствіи во время боевъ сражавшійся и умершій настоящимъ героемъ! Вѣчная ему память!

Въ это же время подалъ прошеніе на Высочайшее Имя о принятіи его вновь на службу въ полкъ отставной полковникъ А. Н. Соловьевъ, прослужившій въ нашемъ полку непрерывно 36 лѣтъ! Онъ прибылъ на фронтъ уже въ концѣ 1914 года.

Командный составъ полка, выступившаго на войну, былъ слѣдующій:

Командиръ полка, всѣми нами любимый и глубокоуважаемый Полковникъ Константинъ Константиновичъ Отрыганьевъ.

Командиръ 1-го баталіона—Георгіевскій кавалеръ, участникъ японской войны — Подполковникъ Борзинскій.

Командиръ 2-го бат. Подполковникъ Сацукевичъ.

Командиръ 3-го бат.—Подполковникъ Симоненко, Георгіевскій кавалеръ японской войны.

Командиръ 4-го бат.—Подп. Красиковъ, переведенный изъ 105-го Оренбургскаго полка.

Начальникъ хозяйственной части — Подполковникъ Войцеховскій.

Подполковники: Байковъ и Гензель — при штабѣ корпуса.

Полковой адъютантъ Шт.-Кап. Цихоцкій.

Командиры ротъ:

1-ой Капитанъ Епикацеро.
2-ой „ Пясецкій.
3-ей „ Кемпинскій.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1088866
39772

4-ой Капитанъ Комарницкій.
5-ой „ Пузиновскій.
6-ой „ Гарнышъ.
7-ой „ Серебренниковъ.
8-ой „ Костомаровъ.
9-ой „ Трипецкій.
10-ой „ Цитовичъ.
11-ой Шт.-Кап. Баллодъ.
12-ой Капитанъ Соловьевъ.
13-ой „ Барыборовъ.
14-ой Шт.-Кап. Сазоновъ.
15-ой Капитанъ Гедвилло.
16-ой „ Успенскій.

Пулеметной команды—Штабсъ-Кап. Страшевичъ.

Нестроевой роты — Штабсъ-Капитанъ Приходько.

Проводить полкъ на войну и помолиться за него явились всѣ семьи и знакомые офицеровъ, сверхсрочныхъ подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ и много народу. На аналоѣ положенъ, принесенный изъ полковой церкви, большой позолоченный образъ Святого Великомученика Димитрія Солунскаго, Покровителя 106-го Уфимскаго полка и образъ Уфимской Божіей Матери въ ризѣ, чудной работы изъ жемчуга, поднесенный нашему полку отъ гор. Уфы въ день 100-го юбилея.

Полковой священникъ, заслуженный протоіерей о. Вас. Вас. Нименскій уже облачился.

Командиръ полка поздоровался съ полкомъ.

Команда: „на молитву—шапки долой, пѣвчіе передъ полкъ“ и начался молебенъ.

Много повода для толковъ и суевѣрія дало случайное паденіе полкового образа съ аналоя во время молебна, причемъ разбилось стекло кіота. Недобрая примѣта, въ дѣйствительности, на войнѣ оказалась для полка роковой!..

Прекрасное слово о мужествѣ и небоязни смерти произнесъ нашъ полковой священникъ, всѣми уважаемый пастырь. При цѣлованіи Креста онъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ окропилъ освященной водой.

Затѣмъ—горячее слово Командира полка, напомнившаго о присягѣ, о любви къ Царю и Родинѣ, „ура“, оркестръ играетъ „Боже, Царя храни“! У многихъ на глазахъ слезы въ эту торжественную минуту. Сейчасъ же, послѣ молебна полкъ двинулся къ вокзалу.

Прощаніе съ семьей. Жена благословила меня и повѣсила на шею образокъ Остробрамской Божіей Матери, зашитый въ ладонкѣ. Я глубоко вѣрю, что ея молитвой я спасенъ былъ во многихъ бояхъ. Помню слезы ея и моихъ трехъ дѣтей: 2 сыновей—кадеты Полоцкаго корпуса (каникулы еще не окончились и они были дома) и дочери — гимназистки 5-го класса Виленской Маріинской гимназіи. Какъ тяжело было съ ними разставаться! Въ послѣдній разъ я благословилъ ихъ, поцѣловалъ жену и дочь, вскочилъ на коня и догналъ роту. Мальчики мои провожали меня до самаго вокзала, идя рядомъ со мной и съ ротой. Я ѣхалъ верхомъ на „Янусѣ“—полукровкѣ.

Въ образцовомъ порядкѣ совершилась посадка полка въ вагоны: вѣдь столько разъ учили мы роты этому въ мирное время!

Послѣднее прощаніе, послѣдній свистокъ кондуктора какъ эхо — откликъ паровоза и... прощай, Вильна—красивая столица Литвы! Прощай, славный городъ Гедимина, гдѣ прошла почти вся моя жизнь: дѣтство, юность и мужество!.. Какъ въ калейдоскопѣ промелькнули воспоминанія: дѣтства, ученья, юнкерства, производства въ офицеры, мои увлеченія сценой, женщинами, любовь, женитьба, семья, дѣти... служба...

Что-то дальше будетъ?!. И колеса подъ вагономъ мѣрно выстукивали, словно повторяя вслухъ мои мысли: „что-то будетъ? что-то будетъ?“

Проѣхали ст. Ораны, гдѣ всегда въ буфетѣ можно было скушать необыкновенно вкусные пирожки, а сейчасъ на этой станціи стояли 3 воинскихъ поѣзда, ожидая своей очереди отправленія и къ буфету трудно было добраться. Изъ Оранъ свернули на ст. Артиллерійскую и далѣе на ст. Симно, куда прибыли 25 іюля.

Окрестности Симно были пунктомъ средоточенія всей 27-ой дивизіи; авангардъ же (105-ый полкъ) уже занималъ въ это время г. Кальварію, а части кавалеріи двинуты были на германскую границу.

Симно—небольшое мѣстечко съ красивымъ озеромъ. Здѣсь полкъ выгрузился и расположился по хатамъ и сараямъ, причемъ сейчасъ же было къ западу выслано сторожевое охраненіе: усиленные заставы и дозоры.

II.

1-й бой — Сталупененъ.

Усиленное патрулированіе въ сторону нѣмецкой границы продолжалось, но о противникѣ свѣдѣній не поступало и полкъ простоялъ здѣсь недѣлю. Эта недѣля не пропала даромъ. Мы усиленно, съ утра до вечера, занимались со своими ротами разсыпнымъ строемъ и полевой службой. Крайне необходимо было „подравнять" боевую подготовку запасныхъ подъ своихъ кадровыхъ. А особенно „приналечь" на стрѣлковыя боевыя упражненія (съ учебными патронами), какъ наиболѣе приближающіяся къ боевой обстановкѣ, а также на обученіе штыковому бою съ преодолѣніемъ препятствій и т. п.

Наконецъ, полученъ былъ приказъ 1-ой арміи: 1-го августа начать наступленіе къ нѣмецкой границѣ не ожидая концентраціи и даже окончанія мобилизаціи нѣкоторыхъ частей, какъ, напримѣръ, нашей тяжелой артиллеріи, потому-то въ первыхъ бояхъ она у насъ и не участвовала. Объяснялась такая спѣшка тѣмъ, что въ это время на западномъ фронтѣ нѣмцы обрушились на французовъ; послѣдніе просили насъ, скорѣе отвлечь на себя силы нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, наша дивизія двумя походными колоннами, съ ранняго утра 1-го августа двинулась черезъ Кальварію въ раіонъ южнѣе Вержболово. Шли три дня, дѣлая по 25—30 верстъ въ день. Конечно, для запасныхъ солдатъ, отвыкшихъ отъ походовъ, путь этотъ былъ тяжелый, тѣмъ болѣе, что, придя на ночлегъ, многимъ приходилось не спать, а идти въ сторожевое охраненіе: заставы, посты и дозоры.

Помню эти тревожныя ночи, когда зорко вглядываясь въ ночную даль, нервно ожидаешь противника. Мои унтеръ-офицеры и солдаты шутками и смѣхомъ поддерживали бодрость запасныхъ. Повѣряя этими ночами свои посты и заставы, я ни разу не находилъ спящихъ: всѣ понимали, (хотя о противникѣ точныхъ свѣдѣній еще не было), серьезность обстановки.

Наконецъ, 3-го августа, вечеромъ мы подошли къ германской границѣ и въ первый разъ услыхали вправо, вдали орудійную канонаду: это наша кавалерія вела бой съ нѣмцами у Вержболово. Полкъ остановился.

Поздно вечеромъ полученъ былъ 1-й боевой приказъ: 3-му корпусу 4-го утромъ, съ разсвѣтомъ вторгнуться въ Пруссію, на югъ отъ Сталупенена. Нашей 27-й дивизіи приказано взять м. м. Герритенъ и Допененъ. Въ частности—нашему полку взять Герритенъ.

Поздно вечеромъ, часу въ 11-мъ мы, офицеры 4-го баталіона, собрались въ одной хатѣ и читали этотъ приказъ, отмѣчая у себя въ полевыхъ книжкахъ и на картахъ направленіе для

атаки каждой ротѣ; роты въ это время отдыхали, многіе, быть можетъ, послѣднимъ сномъ, набирая силъ для грознаго утра! Настроеніе у насъ, офицеровъ, было приподнятое, хотя и бодрое.

Помню въ эту ночь шутки убитаго на другой день шт.-капитана Михаила Константиновича Попова. Участникъ и герой Японской войны, русскій всей душою, всегда веселый и остроумный, онъ органически ненавидѣлъ нѣмцевъ; всегда возмущался ихъ засильемъ въ русской арміи, особенно на ея верхахъ.

Вспоминается по этому поводу случай на смотру въ 105-мъ пѣх. Оренбургскомъ полку, когда на вопросъ Инспектора пѣхоты Генерала Зарубаева „кто у тебя начальники?“ солдатъ началъ называть слѣдующія фамиліи:

„Командующій округомъ—Генералъ фонъ-Фрезе. Корпусный командиръ—Генералъ Ренненкампфъ. Начальникъ дивизіи — Генералъ-Лейтенантъ Флейшеръ. Командиръ бригады—Генералъ-Маіоръ фонъ-Торклусъ“ и когда солдатъ сказалъ: „Командиръ полка — Полковникъ Россійскій“, то генералъ воскликнулъ:—„Слава Богу, хоть одинъ есть россійскій!“

Шт.-капитанъ Поповъ не стѣснялся, гдѣ только можно, ругать нѣмцевъ, даже въ присутствіи Командира полка изъ нѣмцевъ полковника Беймельбурга. Во время тактическихъ занятій, когда въ полковомъ офицерскомъ собраніи собирались всѣ офицеры, онъ въ присутствіи того же полковника Беймельбурга читалъ заранѣе вырѣзанные имъ изъ „Новаго Времени“ сатирическіе

стихи на нѣмцевъ, или полныя сарказма, статьи противъ нѣмцевъ талантливаго Меньшикова. Конечно, это ему не прощалось: Беймельбургъ не аттестовывалъ его для командованія ротой, несмотря на то, что это былъ заслуженный офицеръ, отличившійся въ бояхъ съ японцами.

Придя въ нашу хату, „Мишель" шутя началъ пророчествовать, что сулитъ война каждому изъ насъ? Капитану Барыборову сказалъ, чтобы тотъ не ѣлъ сейчасъ такъ много (тотъ аппетитно ужиналъ), потому что, если ранятъ въ животъ и желудокъ переполненъ пищей,—смерть неминуема! Барыборовъ засмѣялся, но ѣсть пересталъ. Одному капитану сказалъ, что будетъ генераломъ и т. д. А когда мы спросили его, что дастъ война ему, онъ серьезно сказалъ: „деревянный крестъ, потому что въ японскую войну я не получилъ его".

Дѣйствительно, всего черезъ 7—8 часовъ онъ былъ первымъ изъ офицеровъ полка убитъ въ бою! Капитанъ Барыборовъ былъ раненъ въ животъ, но выжилъ. Остальныя предсказанія его не сбылись, да и не помню ихъ всѣхъ.

Нѣкоторые изъ насъ обмѣнялись своими домашними адресами, чтобы скорѣй дать знать роднымъ офицера, въ случаѣ смерти послѣдняго. Несмотря на утомленіе, мало кто изъ насъ спалъ въ эту ночь.

4-го августа, въ 4 ч. утра полкъ поднялся и въ полутьмѣ построился въ походную колонну. Высланы впередъ походныя заставы и дозоры. 27-ая дивизія двинулась въ направленіи Будвей-

ченъ, Герритенъ и Допененъ, двумя колоннами: правая—нашъ 106-й полкъ, лѣвая — 105-й полкъ, справа—боковой авангардъ—107 полкъ съ половиной всей артиллеріи дивизіи; 108-й полкъ шелъ сзади въ резервѣ, за лѣвымъ флангомъ. Сосѣдняя справа 25-ая дивизія держала направленіе на Сталупененъ, а сосѣдняя слѣва (по заданію) 40-я дивизія застряла гдѣ-то сзади далеко, что заставляло сильно безпокоиться штабъ дивизіи, находившійся въ это время въ дер. Матлавкѣ.

Въ такомъ порядкѣ дивизія переходила границу. Мелькнули пестрые, пограничные столбы съ двуглавыми русскими и далѣе, съ одноглавыми нѣмецкими орлами.

Солнце давно поднялось, было часовъ 9 утра. На маломъ привалѣ офицеры закусывали, чѣмъ Богъ послалъ; шутили, что уже идутъ усиленныя суточныя деньги, такъ какъ границу перешли, Россія уже позади.

Солдаты наши съ изумленіемъ смотрѣли на нѣмецкія, уютныя крестьянскія усадьбы съ черепичными крышами и красивыя шоссе, вездѣ обсаженныя фруктовыми деревьями. Удивлялись, что висятъ фрукты и никто ихъ не трогаетъ! Жителей нигдѣ не было видно, ни одного человѣка.

И вотъ, когда нашъ полкъ сталъ спускаться въ долину и подходить къ д. Платенъ, тишина сразу огласилась нѣмецкими орудійными выстрѣлами, въ воздухѣ надъ рядами нашего полка начала рваться нѣмецкая шрапнель, а далеко по-

зади и „чемоданы“, какъ мы прозвали снаряды тяжелой артиллеріи.

Полкъ быстро сталъ переходить изъ походнаго движенія въ боевое. 3-ій баталіонъ выслалъ цѣпи и быстро продолжалъ движеніе впередъ. 1-й, 2-й и 4-й баталіоны не трогались и стали въ резервѣ. Артиллерія выѣхала на позицію и открыла огонь, пулеметы тоже. Бой начался.

А утро было такое прекрасное! Яркое солнце, ясное, безоблачное небо, пестрые цвѣты на лугахъ, сонное жужжаніе осы, высокая рожь съ васильками, среди которой очутился нашъ баталіонъ и... рѣжущіе звуки шрапнели, свистъ и вой гранатъ, звуки летящихъ пуль, такіе ласковые, пѣвучіе, тонкіе: „ти-и, ти-и...“ (а вѣдь главныя потери въ бою отъ нихъ!), „таканье“ пулеметовъ и потрясающіе всю окрестность взрывы „чемодановъ“! Какой контрастъ!!

Въ этотъ моментъ среди полка явился со святымъ Крестомъ и Евангеліемъ нашъ полковой священникъ—престарѣлый о. Василій Вас. Нименскій. Спѣшно, спѣшно прикладывались къ святынямъ православные воины, и каждаго онъ окроплялъ святой водой, напутствуя ободряющими словами. Ушедшія же впередъ цѣпи онъ издали осѣнилъ святымъ Крестомъ. Это была невыразимая картина!

Между прочимъ въ концѣ боя 4-го августа о. Нименскій со своимъ церковникомъ въ темнотѣ сбились съ дороги, попали въ Сталупененъ, здѣсь переночевали, но на утро были захвачены нѣмецкимъ разъѣздомъ въ плѣнъ.

Позднѣе, уже въ 1922 году этотъ почтенный старый протоіерей не побоялся въ Петербургѣ выступать на политическихъ состязаніяхъ о вѣрѣ съ безбожниками-коммунистами (тогда еще большевики это допускали) и, обладая громадной научно-духовной эрудиціей и ораторскимъ талантомъ, громилъ большевиковъ съ полнымъ успѣхомъ. О дальнѣйшей его судьбѣ не знаю.

Продолжаю.

Приказаніе—„4-му баталіону перейти въ наступленіе лѣвѣе 3-го баталіона". Я разсыпалъ свою роту въ цѣпь, правѣе меня — цѣпи 13-й и 14-й ротъ, 15-я рота—въ резервѣ.

И вотъ, какъ только мы поднялись на гору съ 3-мя соснами и наши цѣпи открыли огонь по нѣмецкимъ окопамъ на опушкѣ, нѣмцы засыпали насъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Здѣсь произошло внезапное замѣшательство: упалъ на самой горѣ, раненый въ животъ, Командиръ 13-й роты капитанъ Барыборовъ; послышались стоны и крики еще нѣсколькихъ раненыхъ солдатъ. 13-ая рота заколебалась, залегла на самой вершинѣ горы, а главное, почти прекратила огонь... и вотъ, въ это время, является замѣститель, выбывшаго изъ строя Командира роты, штабсъ-капитанъ М. К. Поповъ.

Какъ сейчасъ вижу: выходитъ „Мишель" впередъ передъ роту, беретъ ружье у ближайшаго солдата и громко кричитъ: „Что вы, братцы, чего испугались? Нѣмца?! Да онъ самъ васъ боится! Стрѣляйте, не прячьтесь! Смѣлѣе! Смотрите, вотъ какъ надо бить его!" Прикладывается, прицѣли-

вается и стрѣляетъ стоя. Вся рота, какъ одинъ открываетъ огонь! И въ этотъ моментъ нѣмецкія пули поражаютъ героя и штабсъ-капитанъ Поповъ, держа ружье на „изготовку“, падаетъ навзничь, какъ подкошенный. Какая красивая и завидная смерть! Вѣчная ему память!

Командиръ баталіона подполковникъ Красиковъ командуетъ: „роты впередъ“ и цѣпи, несмотря на сильный огонь, по нашимъ командамъ: „цѣпь впередъ, бѣгомъ“, быстро двигаются впередъ, словно на ученьи, даже не окапываясь на остановкахъ.

Вспоминаю мое личное впечатлѣніе и самочувствіе въ этотъ первый моментъ боевого крещенія. Врагъ не виденъ, но огонь его ужасенъ: сверху сыплются осколки рвущейся шрапнели, съ какимъ-то особеннымъ блеяніемъ звучащіе въ воздухѣ, (подполковникъ Соловьевъ по этому звуку прозвалъ ихъ „козодуями“), нѣжные, жалобные звуки летящихъ и больше всего разящихъ пуль, свистъ и вой гранатъ, разрывающихся при ударѣ съ особеннымъ трескомъ! Огромные фонтаны земли, камней, песку и дыма отъ взрыва „чемодановъ“, крики и стоны раненыхъ, корчи и агонія умирающихъ...

И вотъ, чувство ужаса и страха смерти невольно овладѣло мною! Мысленно я прощался съ жизнью и изступленно молилъ Бога, (вотъ когда ярко вспыхнула вѣра!) если на то Божья воля, — сразу отнять мою жизнь, чтобы не мучиться тяжело раненымъ...

Но, вотъ, мы перебѣжали на новую позицію...

Нужно: скорѣе открыть огонь, указать взводамъ цѣли и напомнить о прицѣлѣ, пополнить патроны и т. д. Значитъ, предаваться страху некогда, да и чисто эгоистическая мысль, что, вотъ я остался живъ, — такъ Богу угодно, — поддерживаетъ мою бодрость...

Направленіе, согласно заданія, я далъ своей ротѣ на лѣвую опушку дер. Герритенъ, но у самаго Герритена большія проволочныя загражденія, волчьи ямы и даже рвы, наполненные водой, остановили насъ... Очевидно нѣмцы, ожидая насъ, хорошо приготовились. Много здѣсь потеряли мы убитыми и ранеными, пока преодолѣли эти препятствія: ножницъ для рѣзки проволоки было въ ротахъ мало.

Но, вообще, наше быстрое продвиженіе впередъ къ этимъ проволочнымъ загражденіямъ, а главное — фланговое движеніе и огонь цѣпей Троицкаго полка, заставили нѣмцевъ бросить свои окопы у Гериттена и наши цѣпи, преслѣдуя отступающаго противника огнемъ, ворвались въ Герритенъ. Здѣсь завязался уличный бой. Нѣмцы, не выдержавъ штыкового боя уфимцевъ, очищали дома и улички селенія. Фланговый огонь троицкихъ цѣпей, наступавшихъ съ юга въ обхватъ Герритена, довершилъ нашъ успѣхъ и Герритенъ былъ взятъ нашимъ полкомъ.

Какъ полагается, пробѣжавъ селеніе до его западной, холмистой опушки, мы залегли и открыли огонь по отступающимъ нѣмцамъ. Я оглянулся назадъ. Какъ пріятно было сознавать этотъ

1-ый успѣхъ захвата позиціи врага! Въ 12 ч. 30 м. было послано донесеніе о взятіи Герритена.

Командиръ 4-го баталіона даетъ ротамъ направленіе вдоль шоссе, для движенія далѣе. Самъ подполковникъ Красиковъ, скомандовавъ: „4-ый баталіонъ впередъ“ выходитъ открыто на шоссе среди своего баталіона, но въ это время нѣмецкая пуля ранитъ его въ ногу. Сдѣлавъ тутъ же, при помощи санитара, скорую перевязку, онъ не оставляетъ строя до конца боя.

Нѣмцы въ это время особенно усилили огонь своей артиллеріи. При нашемъ дальнѣйшемъ наступленіи, ихъ артиллерія начала стрѣлять японскими „шимозами“, начиненными ужасно противными, удушливыми газами съ дымомъ сѣро-зеленаго цвѣта. Въ дальнѣйшихъ бояхъ этихъ „шимозъ“ мы не видѣли.

Въ это, именно, время произошла катастрофа съ 105-ъ Оренбургскимъ полкомъ, наступавшимъ лѣвѣе насъ на Будветченъ. Овладѣвши Будветченомъ, а также Сансейченомъ, доблестный командиръ 105-аго полка — Полковникъ Комаровъ, не имѣя впереди себя противника, измѣнилъ подъ большимъ угломъ направленіе своего наступленія, съ цѣлью помочь нашему полку овладѣть Герритенъ. Этимъ воспользовались нѣмцы.

Они знали (благодаря своей прекрасной развѣдкѣ), а полковникъ Комаровъ не зналъ (по винѣ Штаба Корпуса), что наша 40-ая сосѣдняя слѣва дивизія опоздала на цѣлый переходъ (20 в.) и, такимъ образомъ, образовалась пустота. Сюда нѣмцы и двинули, во флангъ и тылъ 105-му пол-

ку, отрядъ изъ полка пѣхоты съ 5-ью батареями и 2-мя эскадронами.

Первое движеніе этого отряда полковникъ Комаровъ принялъ за движеніе нашей, долженствующей здѣсь быть, 40-ой дивизіи; такъ, именно, онъ и сказалъ своему адъютанту на его докладъ о движеніи нѣмцевъ. „Какіе нѣмцы, что вы?! Это же наша 40-ая дивизія!“ Но когда нѣмцы открыли огонь изъ своихъ орудій и пулеметовъ въ тылъ и флангъ, 105-ый полкъ дрогнулъ и, подъ страшнымъ близкимъ огнемъ, началъ безпорядочно отступать. Командиръ полка успѣлъ крикнуть: „знамя! знамя! спасайте знамя!“ и самъ палъ, пронзенный пулями пулемета. Знамя успѣли вынести, но большая часть полка была окружена нѣмцами, потерявъ всѣ пулеметы (8) и попала въ плѣнъ.

Необходимо здѣсь упомянуть слѣдующій фактъ. Въ виду спѣшности, — въ 3-хъ дневный срокъ,—мобилизаціи, 105-ый Оренбургскій полкъ при выступленіи получилъ пополненіе мѣстными запасными изъ гор. Вильно, т. е. получилъ 2500 еврейчиковъ. Командиръ полка передъ выступленіемъ подалъ рапортъ, что его полкъ, благодаря этому, сдѣлался небоеспособнымъ и, дѣйствительно, эти еврейчики почти всѣ сдались въ плѣнъ во время упомянутой катастрофы. 14 офицеровъ было убитыхъ, еще болѣе раненыхъ и попавшихъ въ плѣнъ.

Катастрофа со 105-мъ полкомъ имѣла бы роковыя послѣдствія для исхода всей Сталупененской операціи, потому что паника быстро отсту-

павшихъ оренбургцевъ начала передаваться по всей линіи наступленія, цѣпи дрогнули и, подъ натискомъ нѣмцевъ, мѣстами уже начали отступать, — но Начальникъ 27--ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Адариди быстро локализировалъ этотъ неуспѣхъ: приказано было 108-му Саратовскому полку, стоявшему въ резервѣ у д. Пемилаукенъ возстановить положеніе лѣваго крыла, а артиллеріи сосредоточить огонь противъ артиллеріи противника.

Наши батареи засыпали здѣсь нѣмцевъ, еще до подхода цѣпей 108-го полка. Знакомые звуки нашихъ летящихъ гранатъ: „ту—у"! „ту—у"! „ту—у"! какъ-то особенно радостно щекотали слухъ, и солдаты моей роты весело заговорили: „дай, дай имъ, матушка!" „Держись теперь, нѣмцы!"

И въ слѣдующихъ бояхъ усиленный огонь своей артиллеріи, независимо отъ результатовъ его, всегда поднималъ настроеніе пѣхоты, а молчаніе нашихъ пушекъ прямо подавляло духъ ея.

Съ холма у Допенена мнѣ видно было, какъ красиво, торжественно, словно на парадѣ, двигались цѣпи 108-го Саратовскаго полка, сначала шагомъ, потомъ перебѣжками, вступили въ общую линію нашего наступленія. Это было уже часовъ въ 5—6 вечера.

Скоро огонь съ обѣихъ сторонъ по всей линіи усилился. Нѣмцы особенно упорно „долбили" своей артиллеріей отдѣльныя зданія: усадьбы и сараи, за которыми по старой маневренной привычкѣ старались накапливаться и укрываться нѣ-

которыя наши группы. Конечно, здѣсь несли онѣ огромныя потери отъ точнаго прицѣльнаго огня нѣмецкихъ батарей по этимъ зданіямъ; раненія увеличивались отъ массы осколковъ и камней, летящихъ во всѣ стороны при разрушеніи этихъ построекъ, пока онѣ не загорались отъ огня гранатъ. Увеличивалось число убитыхъ и раненыхъ въ открытомъ полѣ.

Какъ сейчасъ вижу фигуру командира роты капитана 99-го Ивангородскаго полка, раненаго въ грудь, плечо и бедро. Кровь сочилась у него по всему френчу, его перевязывалъ ротный санитаръ индивидуальнымъ пакетикомъ! Когда, не выдержавъ страшнаго огня, кучка ивангородцевъ начала отходить, капитанъ поднялся во весь ростъ со страшной раной на груди — весь окровавленный и, со сверкающими глазами, закричалъ своимъ солдатамъ: „Куда? ошалѣли! гдѣ противникъ? — Вонъ гдѣ! — Ивангородцы, впередъ!“

Одинъ видъ и жестъ этого героя, показывающаго окровавленной рукой въ сторону нѣмцевъ, заставилъ сконфуженныхъ солдатъ остановиться и повернуться въ сторону противника!

При начавшемся безпорядкѣ и отходѣ нѣкоторыхъ цѣпей: нашего полка, сосѣднихъ: 99-го Ивангородскаго и 100-го Островскаго, среди цѣпей неожиданно появился командиръ 100-го Островскаго полка полковникъ Заринъ. При помощи ближайшихъ офицеровъ ему удалось остановить начавшееся отступленіе, указавъ этимъ ротамъ новую позицію, фронтомъ къ сѣверо-за-

паду и приказавъ на этой позиціи укрѣпиться — окопаться.

Быстро вырыты были здѣсь окопы, и неожиданно наступившій съ сѣвера во флангъ намъ противникъ, силою не менѣе баталіона, въ сомкнутомъ строю, былъ встрѣченъ нами сильнымъ ружейнымъ огнемъ и отбитъ. Очевидно, это была частная попытка нѣмцевъ развить свой успѣхъ, причемъ, при отходѣ нѣмцевъ къ сѣверу, слышны были команды и какой-то красиво звучащій сигналъ (на рожкѣ).

Именно здѣсь, когда совершенно стемнѣло, свои отходившія цѣпи были приняты за нѣмцевъ и открытъ былъ по нимъ огонь, который съ трудомъ удалось намъ остановить. Крики, ругань: „свои! свои! черти, не стрѣляйте!“ не сразу были услышаны. По счастью, благодаря темнотѣ и нервной стрѣльбѣ, никто не пострадалъ.

Врачебная помощь въ первомъ нашемъ бою оказалась очень слабой: перевязочные пункты были далеко, санитаровъ съ носилками для переноски раненыхъ совершенно не было видно.

Не могу забыть нѣкоторыхъ тяжело раненыхъ вблизи меня офицеровъ и солдатъ съ разорванными внутренностями или перебитыми ногами, страшно кричавшими и стонавшими. Такъ, одинъ молоденькій солдатъ, когда я во время перебѣжки добѣжалъ до него, корчась въ агоніи, кричалъ: „мама, мама!“ Другой, тяжело раненый въ животъ (всѣ кишки у него вылѣзли), вперилъ въ меня свой страшный взглядъ и почему-то хрипѣлъ одно слово: „товарищъ!“ „товарищъ!“

Никогда не забуду я этихъ предсмертныхъ криковъ!

Стемнѣло. Наше продвиженіе впередъ прекратилось, и огонь со стороны Герритена затихъ. Кругомъ горѣли дер. Платенъ, Будвейченъ, Пельшлаукенъ и отдѣльныя нѣмецкія усадьбы, зажженныя артиллерійскимъ огнемъ, а вдали видно было зарево въ сторонѣ Эйдкуненъ.

Итакъ, съ такимъ трудомъ взятый нами Герритенъ мы оставили, но и нѣмцы прекратили бой.

Разбросанныя по полю цѣпи начали въ темнотѣ собираться въ роты, баталіоны и полки и отходить нѣсколько назадъ.

Когда части 13-й, 14-й и 16-й ротъ подъ моей, какъ старшаго, командой, отходили къ полку, въ темнотѣ издали послышался крикъ: „Братцы, помогите, спасите, сюда!“ Я задержался, послалъ унтеръ-офицера узнать въ чемъ дѣло?

Оказалось, что это кричалъ артиллерійскій прапорщикъ (я забылъ его фамилію) 1-й батареи 27-й артиллерійской бригады, прося помочь вывезти 3 орудія, застрявшія здѣсь на первой позиціи во время боя, въ то время, когда остальныя орудія батареи переѣхали на 2-ую позицію: прислуга и наводчики (кромѣ одного наводчика, фейерверкера) и лошади были перебиты и ранены; прикрытіе — пѣхотная рота, вѣроятно, ушла съ батареей впередъ.

Прапорщикъ страшно волновался, чтобы орудія не были захвачены нѣмцами: вѣдь почти на его глазахъ разыгралась неожиданная, отдѣльная

атака нашихъ ротъ во флангъ нѣмцами, уже послѣ прекращенія общаго боя.

Я остановилъ роты, и мы всѣ, усталые и изнуренные, вытащили на шоссе и прокатили на рукахъ 3 орудія и зарядные ящики версты полторы, пока не сдали ихъ, пріѣхавшему съ запасными лошадьми и ѣздовыми, артиллерійскому офицеру. Офицеръ этотъ, конечно, горячо благодарилъ насъ, записалъ для доклада своему начальству фамиліи всѣхъ офицеровъ, руководившихъ увозомъ съ поля боя оставленныхъ орудій.

Идя къ штабу полка, мы догнали нашихъ раненыхъ и въ ихъ числѣ помогли дойти раненому подполковнику Красикову: оставаясь все время при своемъ баталіонѣ только съ легкой перевязкой, онъ теперь уже не могъ самъ идти. По дорогѣ мы оживленно-нервно обмѣнивались впечатлѣніями перваго боя.

Потери полка, сравнительно, были небольшія: такъ, напр., у меня въ ротѣ изъ солдатъ: убитыхъ было 6 человѣкъ, раненыхъ 12, но безъ вѣсти пропавшихъ 22. Такъ какъ въ наши роты влились сейчасъ приставшіе солдаты другихъ полковъ и даже дивизій (особенно Ивангородскаго полка), то, вѣроятно, и наши солдаты въ темнотѣ пристали къ другимъ полкамъ, что впослѣдствіи и подтвердилось, когда они вернулись въ свои части; но были и такіе „вояки“, которые въ паникѣ прямо бѣжали съ поля боя и, очутившись далеко въ тылу, верстъ за 10, эти герои разсказывали въ обозахъ всякія небылицы, особенно о

гибели офицеровъ и тѣхъ ротъ, откуда они сами бѣжали!

Изъ офицеровъ убитъ одинъ штабсъ-капитанъ Поповъ и 5 человѣкъ раненыхъ, большинство—легко.

Всѣхъ насъ занималъ вопросъ, что дѣлаютъ нѣмцы? Гдѣ они? И что будетъ съ наступленіемъ утра?

Собравъ и устроивъ на ночлегъ въ ближайшихъ сараяхъ роты, накормивъ солдатъ изъ походныхъ кухонь, сами мы заснули въ какомъ-то дырявомъ сарайчикѣ на грязной соломѣ. Не было физическихъ силъ ночью бродить и выбирать лучшій ночлегъ.

Всѣ мы были страшно нервно-потрясены пережитыми впечатлѣніями боя. Я сказалъ—„заснули", но это былъ не сонъ, а кошмаръ-бредъ ужасами боя. Во снѣ мы вскакивали и кричали, какъ полоумные... продолжая видѣть пережитое... Только съ разсвѣтомъ я заснулъ настоящимъ сномъ.

Сторожевое охраненіе въ ту ночь несъ 108-й Саратовскій полкъ, какъ наименѣе пострадавшій въ бою.

III.

Гумбиненскій бой.

Утромъ 5-го августа, часу въ 8-мъ, поднялись роты; выяснялись потери вчерашняго боя. Командиръ полка обходилъ роты и опрашивалъ командировъ баталіоновъ и ротъ о подробностяхъ боя на разныхъ участкахъ полка, о потеряхъ убитыми и ранеными.

Самъ раненый, командиръ 4-го баталіона, подполковникъ Красиковъ еще былъ при баталіонѣ и только по настоянію командира полка, узнавшаго отъ врача о серьезности его раненія, сдалъ командованіе 4-мъ баталіономъ капитану Гедвилло, командиру 15-й роты и былъ эвакуированъ въ полевой госпиталь.

Этотъ храбрый офицеръ впослѣдствіи былъ въ бояхъ еще разъ раненъ и затѣмъ убитъ. Вѣчная ему память!

Продолжаю: подполковникъ Красиковъ доложилъ командиру объ отбитіи атаки нѣмцевъ въ концѣ боя и о вывозѣ 3-хъ орудій съ поля боя. Полковникъ Отрыганьевъ благодарилъ и хвалилъ роты за первыя молодецкія дѣйствія въ бою. Какъ пріятно было выслушать эту похвалу изъ

устъ любимаго командира! Я видѣлъ, какъ сіяли лица солдатъ моей роты и особенно подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ. Послѣ ухода командира полка шутки и буйное веселье все время до выступленія царили въ ротѣ!

Но высшее начальство, оказалось, было сильно недовольно исходомъ боя. Былъ полученъ приказъ командующаго 1-ой арміей генерала Ренненкампфа, съ угрозой предать полевому суду тѣхъ командировъ полковъ, кои не удержали уже занятыя въ бою позиціи, если сегодня же не овладѣютъ ими снова.

Приказъ командира корпуса генерала Епанчина опредѣленно указывалъ начать немедленно наступленіе и взять Герритенъ, Допененъ—Будвейченъ.

Итакъ, послѣ обѣда, 27-ая дивизія двинулась впередъ со всѣми мѣрами охраненія. Каково же было наше общее изумленіе и радость, когда при продвиженіи впередъ мимо мѣстъ вчерашняго боя, мы противника не нашли! Прошли всѣ мѣстечки, въ томъ числѣ и Герритенъ—нѣмцы пропали!

Мы видѣли на полѣ еще не убранные трупы убитыхъ нашихъ и нѣмцевъ. Особенно ужасное зрѣлище представлялъ участокъ къ югу отъ м. Іогельна, гдѣ вчера разыгралась катастрофа съ 105-мъ полкомъ! Убитые лежали вперемѣшку, и русскіе и нѣмцы. Здѣсь же лежали убитые офицеры 105-го полка во главѣ со своимъ храбрымъ несчастнымъ командиромъ! Несчастнымъ, благодаря винѣ высшаго начальства—штаба корпуса,

который—это точно установлено —могъ и не далъ знать, что 40-я дивизія отстала, и тогда полковникъ Комаровъ не принялъ бы нѣмцевъ за русскихъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ...

Кто знаетъ?.. Быть можетъ, тогда гораздо выгоднѣе для насъ окончился бы этотъ первый бой?

Между прочимъ, убитый полковникъ Комаровъ лежалъ безъ сапогъ. Значитъ, уже появились проклятые „шакалы", которые подъ прикрытіемъ ночи грабили убитыхъ!

Когда мы проходили Герритенъ, кто-то замѣтилъ на одномъ вѣтвистомъ густомъ деревѣ привязанное высоко кресло; оказывается, здѣсь 4 августа сидѣлъ во время боя наблюдатель и корректировалъ стрѣльбу артиллеріи, какъ намъ сообщилъ нѣмецкій плѣнный унтеръ-офицеръ.

Жителей въ мѣстечкахъ и усадьбахъ совершенно не было, но видно было, что они бѣжали недавно. Въ домахъ мы заставали еще теплую плиту, еще не остывшее жаркое, неоконченную на швейной машинѣ работу; гуляющихъ около домовъ лошадей, коровъ, свиней и много домашней птицы, которая и попадала тогда въ ротный котелъ!

Вообще, во время перваго нашего наступленія въ Восточную Пруссію, помимо сытнаго, обильнаго въ то время казеннаго довольствія, солдаты питались гусями, индюками и свининой въ разныхъ видахъ!

Между прочимъ, въ походѣ до перваго боя, многіе (изъ запасныхъ) солдаты моей роты, какъ

доложилъ мнѣ фельдфебель, легкомысленно растеряли свой шанцевый инструментъ и въ первомъ же бою за это нѣкоторые изъ нихъ и поплатились, когда на остановкахъ цѣпи нечѣмъ было вырыть себѣ укрытіе... И вотъ, теперь, послѣ Сталупененскаго боя, на походѣ, я увидалъ, что всѣ солдаты несутъ не только малыя, но и большія, тяжелыя для полевыхъ работъ, лопаты, забранныя въ нѣмецкихъ усадьбахъ!

6-го августа 27-ая дивизія продвигалась впередъ безъ боя. Только вечеромъ была перестрѣлка нашей развѣдки съ нѣмцами; сторожевые аванпосты ихъ были обнаружены на р. Роминтенъ. Итакъ, нѣмцы послѣ Сталупененскаго боя отскочили за р. Роминтенъ.

Когда мы пришли въ д. Ентзуненъ, устроили по сараямъ на ночлегъ роты. Зная, что скоро предстоитъ бой, мы, ротные командиры, отправились въ штабъ полка сдать казначею казенныя деньги, какія были у насъ на рукахъ.

Вспоминаю въ этотъ вечеръ своего друга Капитана Трипецкаго, командира 9-й роты. Это былъ опытный командиръ роты и въ то же время страстный любитель музыки и выдающійся скрипачъ. Подружились мы съ нимъ въ годы молодости и дружба началась на почвѣ любви къ искусству. Когда я устраивалъ въ полку (стоянка была въ глухомъ мѣстечкѣ Олита Виленской губ.) любительскіе спектакли и литературно-музыкальные вечера, Митя Трипецкій съ большимъ успѣхомъ выступалъ играя на скрипкѣ. Мы жили тогда на одной квартирѣ и я всегда, какъ зачарованный,

слушалъ его безподобную игру. Потомъ мы разстались. Я перешелъ въ другой полкъ, спасаясь отъ Олиты и вернулся въ полкъ, когда онъ уже стоялъ въ Вильно. Митя женился по любви на вдовѣ съ двумя дочерьми-подростками, которыхъ полюбилъ какъ родныхъ. Наша дружба возобновилась.

Печальный и грустный шелъ онъ теперь со мной изъ штаба полка къ ротамъ. Совсѣмъ стемнѣло. Вдали, гдѣ-то далеко слышалась канонада и стояло огромное зарево отъ пожара; нѣмцы-жители сами поджигали дома, чтобы зарево пожара указывало ихъ арміи путь нашего наступленія. Митя Трипецкій съ волненіемъ говорилъ мнѣ, что ничего хорошаго для насъ изъ этой войны не выйдетъ, „нѣмцы побѣдятъ, а меня,—сказалъ онъ,—убьютъ!" Я старался его успокоить, но ничто не помогало... Очевидно, предчувствіе близкой смерти его не обманывало!

Когда онъ написалъ въ тотъ вечеръ послѣднее письмо своей женѣ, онъ попросилъ и меня „дописать" ей нѣсколько строкъ привѣта: „Это будетъ ей пріятно",—говорилъ онъ. Я написалъ,

Когда его супруга получила это письмо, Мити уже не было въ живыхъ!

20-го августа рано утромъ (еще не разсвѣло) полкъ былъ поднятъ съ ночлега въ м. Ентзуненъ. Полученъ боевой приказъ штаба дивизіи: противникъ сосредоточивается на западномъ берегу р. Роминтенъ; дивизіи приказано занять позицію для боя на линіи Матишкеменъ—Варшлегенъ — Соденен (около г. Гумбинена). Въ первую линію назначены нашъ 106-й, 108-й полки и

сборный (послѣ Сталупененскаго боя) баталіонъ 105-го полка, со всей артиллеріей, а 107-й полкъ въ дивизіонномъ резервѣ у им. Рудбарченъ. Сосѣди: слѣва—40-я и справа—25 дивизіи.

Къ 7 ч. у. наша дивизія была уже на указанной позиціи.

И вотъ, только что нашъ полкъ подошелъ къ м. Матишкеменъ, какъ нѣмцы открыли артиллерійскій огонь: и шрапнель и гранаты начали рваться надъ полкомъ.

Замѣтно было, что на этотъ разъ, уже съ самаго начала боя, у насъ было больше хладнокровія и выдержки, чѣмъ въ началѣ 1-го крещенія огнемъ при Сталупененѣ.

Быстро артиллерія выѣхала на позицію, выбравъ наблюдательные пункты; пулеметы заняли хорошія, съ большимъ обстрѣломъ, мѣста; полетѣли наши артиллерійскіе снаряды и пулеметныя струи къ нѣмцамъ! Нашъ полкъ въ передовой линіи успѣлъ быстро занять позицію между Матишкеменъ и Варшлегенъ, окопаться и открыть свой мѣткій огонь. Нѣмецкіе чемоданы летѣли въ сторону штаба дивизіи. Слышно было по сильной канонадѣ, что и наши сосѣди 25-я и 40-я дивизіи, тоже ведутъ бой.

Вообще это былъ встрѣчный бой. Характеръ самаго боя здѣсь былъ нѣсколько иной, чѣмъ подъ Сталупененомъ.

Здѣсь нѣмцы не могли стрѣлять съ заранѣе точно измѣренныхъ разстояній по русской пѣхотѣ и артиллеріи, какъ подъ Сталупененомъ, гдѣ у нихъ была безошибочная стрѣльба „по квад-

ратамъ", начерченнымъ на бумагѣ у корректора стрѣльбы (какъ намъ сообщилъ одинъ плѣнный нѣмецкій унтеръ-офицеръ изъ поляковъ). И нѣмецкая артиллерія въ началѣ Гумбиненскаго боя, съ дальнихъ разстояній стрѣляла не мѣтко.

Въ этомъ бою нѣмцы (XVII генерала Макензена корпусъ и 1-й корпусъ изъ Кенигсберга), какъ и мы, сначала наступали цѣпями, но, хотя и на дальнемъ разстояніи, нашъ ружейный и пулеметный огонь косилъ ихъ поднимавшіяся для перебѣжки цѣпи и группы. Особенно отличилась здѣсь наша пулеметная команда, прямо не дававшая своимъ мѣткимъ огнемъ нѣмецкимъ пулеметамъ держать планомѣрный огонь и нанесла нѣмцамъ въ этомъ бою большія потери. Начальникъ команды штабсъ-капитанъ Страшевичъ за этотъ бой произведенъ былъ въ капитаны.

Въ самомъ началѣ боя, при наступленіи, у насъ былъ тяжело раненъ пулею въ колѣно командиръ 3-го баталіона подполковникъ Симоненко, георгіевскій кавалеръ Японской войны. Онъ сейчасъ же написалъ приказаніе своему замѣстителю, командиру 9-й роты капитану Трипецкому, вступить въ командованіе баталіономъ. Солдатъ связи отъ 9-й роты, бывшій при немъ, подъ огнемъ понесъ эту записку и вручилъ капитану Трипецкому и вотъ, когда послѣдній поднялся, чтобы направиться къ мѣсту командира баталіона, (при резервной ротѣ), бризантный снарядъ разорвался прямо на груди Мити Трипецкаго и онъ сразу палъ мертвый! Предчувствіе смерти его не обмануло!..

Почти въ это же время убитъ въ цѣпи, во время атаки, командиръ 1-ой роты, капитанъ Д. П. Епикацеро: большой осколокъ шрапнели вонзился ему между глазъ, тоже — мгновенная смерть! Вѣчная имъ обоимъ память! Это были честные рыцари-офицеры!

Изъ молодежи пострадали въ этомъ бою человѣкъ пять, въ томъ числѣ младшій офицеръ моей роты, поручикъ Бадзенъ, раненый въ ногу, когда со своей $^1/_2$ ротой сдѣлалъ въ цѣпи перебѣжку, успѣвъ занять очень важную позицію, причемъ до конца боя остался въ строю. Прекрасный строевой офицеръ, въ бою оправдалъ лестное о немъ мнѣніе всѣхъ офицеровъ и поддержалъ боевую честь моей роты.

При наступленіи, въ нашихъ же окопахъ, убитъ на своемъ наблюдательномъ пунктѣ 27-ой артиллерійской бригады командиръ батареи подполковникъ П. П. Шиловъ. Уже съ Гумбиненскаго боя и дальше связь между пѣхотой и артиллеріей и корректированіе артиллерійскаго огня крѣпко были налажены присутствіемъ среди самыхъ нашихъ цѣпей, такихъ артиллеристовъ-наблюдателей, какъ убитый доблестный командиръ батареи, подполковникъ Шиловъ. Геройскую смерть нашелъ онъ въ рядахъ родного, выростившаго его полка, потому что отецъ его (покойный полковникъ П. Н. Шиловъ), былъ коренной уфимецъ, прослужившій въ нашемъ полку непрерывно болѣе 30 лѣтъ!

До 9 час. утра бой шелъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ 9 ч. нѣмцы особенно яростно

стали атаковать нашъ полкъ; сосѣдняя дивизія (25-ая), на этотъ разъ немного опоздала съ занятіемъ своей позиціи, хотя ея артиллерія уже открыла огонь. Казалось, — вотъ-вотъ нѣмцы ворвутся клиномъ въ промежутокъ 2-хъ дивизій, но боевая 25-ая дивизія скоро перешла сама въ атаку, мѣстами доводя бой до штыковъ и нѣмцы опять свои главныя силы направили на нашу 27-ую дивизію.

Тогда, чтобы поддержать передовую линію начальникъ 27-ой дивизіи, генералъ-лейтенантъ Адариди двигаетъ впередъ дивизіонный резервъ— 107-й пѣхотный Троицкій полкъ и самъ, со своимъ штабомъ, переходитъ близко въ раіонъ боя, въ рощу около Матишкеменъ, гдѣ рвалась и шрапнель и „чемоданъ", а иногда жужжали и пули.

Начальникъ штаба дивизіи генеральнаго штаба полковникъ Радусъ-Зенковичъ здѣсь организовалъ связь, при помощи 10-ти полевыхъ телефоновъ, со всѣми полками, съ сосѣдними дивизіями и со штабомъ корпуса, что имѣло громадное значеніе на управленіе и исходъ боя.

Приблизительно въ это время, какъ потомъ показывали плѣнные офицеры, явился сюда къ нѣмцамъ самъ командиръ XVII-го корпуса,—знаменитый впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ Макензенъ и „искусству вопреки, наперекоръ стихіямъ", вмѣсто атаки цѣпями, двинулъ свои войска сомкнутымъ строемъ, непрерывными колоннами, причемъ развѣвались знамена и играла музыка!! Ихъ артиллерія въ это время развила ураганный огонь.

Не могу забыть этого неожиданнаго и опаснаго момента! Генералъ Макензенъ хотѣлъ подѣйствовать на психику противника: несмотря на огромныя потери, — сразу запугать — ошеломить его воображеніе и могучимъ ударомъ опрокинуть врага!

Но наша дивизія не растерялась: открытъ былъ такой точный и планомѣрный огонь по всей линіи, — а цѣль была такая большая! — что нѣмцы, понеся огромныя потери, остановились и залегли. Хорошо поработали здѣсь и наши пулеметы и наша артиллерія! Бой продолжался.

Въ 12 ч. и въ 2 ч. нѣмцы пытались опять такимъ же открытымъ штурмомъ опрокинуть наши полки, но и на этотъ разъ это имъ не удалось, несмотря на полное презрѣніе къ смерти храбрыхъ сыновъ Германіи. Много полегло ихъ здѣсь во время этихъ открытыхъ (въ сомкнутомъ строю колоннами!) атакъ!

Какъ совмѣстить, что эти же мужественные воины въ бою подъ Гумбиненомъ опозорили себя нечеловѣческимъ звѣрскимъ преступленіемъ: во время одной изъ атакъ, они поставили въ первые ряды своихъ атакующихъ горсть несчастныхъ русскихъ плѣнныхъ, безоружныхъ... пока они не были всѣ разстрѣляны!..

Менѣе успѣшно въ это время шелъ бой у 25-ой дивизіи: нѣкоторыя ея части уже были нѣмцами оттѣснены, особенно сосѣдъ нашъ на правомъ флангѣ, 100 п. Островскій полкъ и опять явилась угроза нашему полку. Переднія нѣмецкія линіи были уже шагахъ въ 700-хъ и ближе...

Нѣкоторыя наши роты стрѣляли уже съ постояннымъ прицѣломъ. Казалось, бой дошелъ до своего высшаго напряженія!.. Сердце дрожало: кто устоитъ? А умъ подсказывалъ: кто первый начнетъ отступать—тотъ погибъ!..

Въ 2 ч. 30 м. нѣмецкій артиллерійскій дивизіонъ (12 орудій), желая поддержать свою пѣхоту, совершенно открыто выѣзжаетъ на всѣмъ видимую позицію, въ 1000 шаг. отъ 108-го полка и открываетъ огонь. Но наши батареи, увидавъ такую, на рѣдкость открытую цѣль, засыпали ее такимъ ураганнымъ огнемъ, что храбрый дивизіонъ сейчасъ же былъ разстрѣлянъ и 12 орудій стали нашими трофеями!

Такимъ образомъ до 3½ ч. дня наша дивизія не уступила ни одной пяди земли нѣмцамъ, несмотря на ихъ яростныя атаки. Вотъ, что значитъ въ бою „отличная стрѣльба!“ Вотъ, гдѣ пригодились и оправдали себя стрѣлковые труды и упражненія въ мирное время... Здѣсь можно было словами генерала Ренненкампфа назвать всю нашу 27-ую дивизію съ ея артиллеріей: „королемъ стрѣльбы!“

И вотъ, наконецъ, часу въ 4-мъ нѣмцы не выдержали нашего огня, который, по мѣрѣ сближенія, становился все болѣе мѣткимъ, дрогнули и... начали отступать! Начатое планомѣрно, подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, отступленіе по всему фронту, съ развитіемъ нашего ураганнаго огня артиллеріи, пулеметовъ и пѣхоты, это отступленіе перешло въ панику и мѣстами,—цѣлыми частями,—въ бѣгство! Съ нашихъ наблю-

дательныхъ пунктовъ можно было видѣть потрясающую картину, какъ отъ нашего огня цѣлыми рядами падали, словно подкошенные, бѣгущіе вдоль шоссе и канавъ при немъ, нѣмцы! Какъ бѣжали они въ безпорядкѣ, бросая по дорогѣ свое оружіе... Моментально пропала вся ихъ желѣзная дисциплина!

А что было бы, если бы *мы* дрогнули и начали отступать?—задалъ я себѣ вопросъ и мысленно представилъ себѣ весь ужасъ положенія отступающаго! Радостью и гордостью наполнилось сердце, прямо ликованіе написано было на всѣхъ нашихъ, измученныхъ ужасами боя, лицахъ! „Мы побѣдили!“ „И кого?—нѣмцевъ!“

Неотступно мы преслѣдовали огнемъ врага, артиллерія продолжала косить ихъ отступающія колонны. Уже отданъ былъ начальникомъ дивизіи приказъ двинуться впередъ для дальняго преслѣдованія...

Но въ это время, по приказу свыше, движеніе было пріостановлено „въ виду общей обстановки“ и остатки противника постепенно скрылись изъ нашихъ глазъ.

Въ этомъ бою нашъ полкъ взялъ 4 орудія и 8 зарядныхъ ящиковъ, 6 пулеметовъ, 900 винтовокъ и около 500 плѣнныхъ, а трофеи всей 27-ой пѣх. дивизіи выразились въ 15 орудіяхъ, 25 зарядныхъ ящикахъ, 13 пулеметахъ, свыше 3000 ружей и болѣе 1000 плѣнныхъ.

Въ общемъ Макензеновскій корпусъ потерялъ въ Гумбиненскомъ бою болѣе 8000 чел.

Но не это важно. Важно то, что наша по-

бѣда подъ Гумбиненомъ имѣла огромныя послѣдствія и вліяніе на весь ходъ войны. Пораженіе сильнаго, изъ отборныхъ войскъ (напримѣръ, части 1-го армейскаго корпуса Кенигсбергскаго гарнизона, составъ котораго по качеству войскъ считался наравнѣ съ гвардіей) Макензеновскаго корпуса, паническое бѣгство его отъ Гумбинена до фортовъ Кенигсберга,—произвело потрясающее впечатлѣніе на все населеніе Восточной Пруссіи!

Нужно сказать, что главнымъ элементомъ населенія въ Пруссіи были помѣщики—всѣ бывшіе военные, начиная отъ высокихъ ранговъ: личныхъ генералъ-адъютантовъ и любимцевъ самого императора Вильгельма (ихъ роскошныя имѣнія-дворцы я самъ видѣлъ при дальнѣйшемъ наступленіи) и кончая бывшими фельдфебелями. Вся Восточная Пруссія считалась поэтому передовымъ, крѣпкимъ авангардомъ и жители, какъ мы узнали потомъ, и мысли не допускали, чтобы кайзеръ позволилъ русскимъ захватить эту „жемчужину въ его коронѣ!“

А когда узнали о приказѣ командующаго нѣмецкой арміей генерала Притвица „всей арміи отступить за р. Вислу“, т. е. оставить совершенно Восточную Пруссію въ рукахъ русскихъ,—началось повальное бѣгство всѣхъ этихъ богатыхъ и знатныхъ семействъ; всѣ дороги въ Берлинъ были забиты этими бѣженцами!

Въ Берлинѣ при помощи печати своихъ знатныхъ мужей, личныхъ друзей и любимцевъ кайзера, они произвели настоящую „революцію“

возмущенія и ропота. Такъ, напр., извѣстный нѣмецкій писатель Hermann Gierl писалъ тогда (Der Schutz des Ostens): „къ какимъ результатамъ приведетъ приказъ генерала Притвица отступить за Вислу, трудно даже и представить. Пруссіей овладѣетъ русская власть и послѣ этого—открытый путь черезъ Силезію на Берлинъ! Война можетъ быть проиграна“...

И вотъ, результатъ всего этого: нарушеніе тщательно разработаннаго нѣмецкимъ Большимъ генеральнымъ штабомъ (генерала Мольтке) плана войны въ первые же дни, именно—снятіе съ французскаго фронта на Майнѣ 2-хъ сильныхъ корпусовъ и отдѣльной кавалерійской дивизіи для спасенія Восточной Пруссіи! Сняты эти корпуса съ главнаго, рѣшающаго исходъ боя съ французами на Марнѣ, крыла и... Парижъ былъ спасенъ! Это признали французскіе военные авторитеты и сами нѣмцы во главѣ съ генераломъ Людендорфомъ.

Начальникъ дивизіи генералъ Адариди объѣзжалъ полки и поздравлялъ съ побѣдой. Настроеніе было восторженное. При встрѣчѣ со мной генералъ крикнулъ: „Съ побѣдой, капитанъ!“ И добавилъ тутъ же: „съ настоящей побѣдой!“ „Не сомнительной, какъ подъ Сталупененомъ“ — подумалъ я. — „Взаимно поздравляю, Ваше Превосходительство“! — отвѣтилъ я любимому начальнику дивизіи.

Кромѣ офиціальной службы, мнѣ пришлось узнать ближе генерала Адариди во время послѣдней полевой поѣздки въ маѣ мѣсяцѣ, гдѣ я

былъ тоже командированъ среди другихъ подполковниковъ и капитановъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю эту учебную поѣздку, особенно самого руководителя по рѣшенію офицерами задачъ въ полѣ,—генерала Адариди. Строгій по службѣ, внѣ службы это былъ обаятельный, простой и милый собесѣдникъ, въ чемъ мнѣ пришлось убѣдиться, когда иногда мы оставались съ нимъ вдвоемъ по утрамъ (я завѣдывалъ хозяйствомъ, т. е. довольствіемъ всѣхъ офицеровъ на этой полевой поѣздкѣ), не всегда выѣзжая въ поле.

Радовались побѣдѣ генералы, командиры полковъ и офицеры; радовались не менѣе и солдаты, какъ только смерть перестала смотрѣть въ очи... Шутки, смѣхъ и неистощимые разсказы изъ разныхъ эпизодовъ счастливо окончившагося боя все время звучали среди офицеровъ и солдатъ!

Несмотря на утомленіе, я и офицеры одной батареи поѣхали верхомъ смотрѣть бывшее поле битвы. Какія картины мы здѣсь увидали! Общій фонъ поля, это—словно огромный листъ липкой бумаги („смерть мухамъ"), усѣянный трупами тысячи мухъ, но... это были не ничтожныя мухи, а защитники своей родины и въ большинствѣ цвѣтущая молодежь! Въ какихъ только позахъ не настигла ихъ смерть!

Вотъ и геройскій артиллерійскій дивизіонъ, разстрѣленный ураганнымъ огнемъ русской артиллеріи. Издали нѣкоторыхъ изъ убитыхъ офицеровъ и канонировъ его можно принять за жи-

выхъ, такъ выразительны ихъ остекленѣвшіе взоры и застывшіе жесты и позы.

Вотъ, молодой офицеръ съ поднятой саблей, запрокинутой головой и открытымъ, кричащимъ ртомъ (вѣроятно команду), съ глазами, устремленными въ небо, застылъ у самаго орудія! Вотъ, солдатъ, совершенно какъ живой, на половину вставилъ снарядъ въ орудіе и, съ неотнятыми отъ него руками, стоя на колѣняхъ, вперилъ глаза свои съ какимъ-то особымъ удивленіемъ вверхъ, словно спрашиваетъ: „въ чемъ дѣло?!“ и т. д. Эти фигуры издали казались живыми, но когда мы подошли ближе, то увидѣли, что у офицера три четверти головы сзади были оторваны и осталась буквально одна маска, а у солдата выбитъ былъ весь животъ. Очевидно, смерть была моментальная и безболѣзненная, поэтому и сохранилось такое живое выраженіе на ихъ лицахъ.

Вотъ батарея, разстрѣлянная на самомъ выѣздѣ на позицію въ полной запряжкѣ, не успѣвшая не только открыть огонь, но и остановиться: всѣ убитые люди и лошади дружно лежатъ вмѣстѣ на своихъ мѣстахъ, а солдаты лежатъ даже верхомъ на лошадяхъ или поблизости ихъ.

Лошади! Бѣдныя животныя! Чѣмъ онѣ виноваты во всей этой катастрофѣ, случившейся между людьми?!

Верстъ на 5—6 протянулось это страшное поле смерти; особенно много было, цѣлыми рядами и колоннами, убитыхъ нѣмцевъ на разныхъ шоссе, идущихъ отъ поля боя и въ канавахъ

вдоль ихъ—путь бѣгства послѣ пораженія! Ужасное впечатлѣніе производили оторванныя ноги, руки и другія части тѣла, валявшіяся поблизости. Санитары подбирали раненыхъ нѣмцевъ; наши раненые, лежавшіе ближе къ госпиталю, вѣроятно уже всѣ были отправлены на перевязочные пункты.

Но какое озлобленіе было у нѣмцевъ противъ своихъ побѣдителей! Когда нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ помогали санитарамъ разыскивать еще не умершихъ, раненыхъ нѣмцевъ, неожиданно посыпались выстрѣлы! Оказывается, стрѣлялъ раненый нѣмецъ — офицеръ, выпустивъ изъ маузера всю обойму! Одной пулей былъ раненъ въ руку подпоручикъ Самойловичъ, а другой пулей задѣтъ въ плечо подпоручикъ Прокопъ. Обѣ раны были легкія. Возмущенный Самойловичъ вынулъ свой револьверъ и хотѣлъ тутъ же пристрѣлить нѣмца, но... пожалѣлъ раненаго „лежачаго" врага, почти лишившагося послѣ этой стрѣльбы сознанія, и только совершенно обезоружилъ его.

Плѣнныхъ отправляли въ штабъ корпуса въ Олиту — офицеровъ отдѣльно. Нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ офицеровъ успѣли накормить и напоить виномъ и чаемъ въ офицерскомъ буфетѣ. Большинство нѣмецкихъ офицеровъ держали себя напыщенно; нѣкоторые вслухъ говорили, что Германію побѣдить нельзя, нѣмцы непобѣдимы! Смѣшно было слушать это изъ устъ плѣннаго нѣмца и послѣ пораженія ихъ Макензеновскаго корпуса!

Поздно вечеромъ, когда мы ложились спать,

узнали, что на завтра назначена первая — послѣ перехода черезъ границу 14-го августа — дневка, т. е. день отдыха. Первый разъ подошелъ къ намъ обозъ 2-го разряда и явились къ намъ наши денщики.

Какъ сейчасъ, вижу своего Ивана. Это былъ славный скромный юноша, преданный мнѣ всей душой, что и доказалъ онъ не разъ во время войны.

Я помню, какой радостью сіялъ онъ послѣ каждаго крупнаго боя, когда вопреки всякимъ тыловымъ слухамъ о моей смерти, онъ находилъ меня живымъ!

Въ тѣ рѣдкіе случаи на войнѣ, когда обозъ II-го разряда и денщики прибывали къ намъ, какими онъ окружалъ меня заботами о моемъ питаніи, снѣ, бѣльѣ, обуви и т. д.!

Когда же готовились мы къ бою и обозу II-го разряда приказывалось уѣзжать отъ насъ когда я, передавъ Ивану всѣ свои домашнія порученія, прощался съ нимъ, онъ каждый разъ плакалъ, какъ ребенокъ, и цѣловалъ мнѣ руки, чѣмъ приводилъ меня въ немалое смущеніе. Итакъ, мы съ удовольствіемъ переодѣли свѣжее бѣлье, почувствовавъ на время какую то умиротворенность и легли спать въ эту ночь на 8-ое августа, въ своихъ походныхъ кроватяхъ. Но... заснуть я, все равно, не могъ: запахъ мертвечины, карболки, іодоформу и т. п. наполнялъ весь воздухъ, нигдѣ отъ него нельзя было избавиться, а съ нимъ и отъ навязчивыхъ, больныхъ, бредовыхъ идей—

отголосковъ ужасовъ боя... предсмертныхъ криковъ и стоновъ!..

Дѣло въ томъ, что на второй половинѣ хаты, гдѣ мы ночевали, лежали и громко стонали трое очень тяжело раненыхъ нѣмцевъ-офицеровъ, которыхъ не успѣли свезти днемъ, и нашъ младшій заурядъ-врачъ, изъ студентовъ, все время старался помочь имъ. Я узналъ отъ него, что нѣмцы эти выжить не могутъ, что этой ночью умрутъ... Невольно ставилъ себя въ ихъ положеніе, жалѣлъ ихъ... мучился всю ночь самъ и заснулъ опять только съ разсвѣтомъ. Утромъ узналъ, что рядомъ лежатъ два покойника, третій нѣмецъ еще живъ.

Въ этотъ день 8-го я ничего не могъ ѣсть; казалось, вся пища пропахла трупами и іодоформомъ.

Утромъ, какъ только проснулся, быстро одѣлся, помылся и, буквально, бѣжалъ изъ этого мѣста ночлега. Я спѣшилъ на похороны нашихъ, убитыхъ въ бою офицеровъ и солдатъ и, особенно, моего друга Мити Трипецкаго. Какое же горе для меня было услышать, что ихъ ночью отвезли въ штабъ дивизіи и уже сегодня, рано утромъ, всѣхъ похоронили на сельскомъ кладбищѣ м. Матишкеменъ!

Я верхомъ поѣхалъ на это кладбище. Какъ сейчасъ вижу срѣзанные снарядами кресты, деревья и часть разрушенной ограды этого мѣста вѣчнаго покоя! И его не пощадила война!

Солдатъ похоронили въ одной братской могилѣ подъ большимъ крестомъ. Близко, при вхо-

дѣ на кладбище, нашелъ я свѣженасыпанныя офицерскія могилы съ небольшими сосновыми крестами. На одномъ изъ нихъ прочиталъ надпись: „106-го пѣх. Уфимскаго полка Капитанъ Дмитрій Тимофеевичъ Трипецкій, убитъ въ бою 7-го августа 1914 г.“ Слезы полились у меня неудержимо, скорбью сжалось мое сердце... Я опустился на колѣни передъ этой могилой, гдѣ мирно спитъ мой другъ! Бѣдный Митя! Какъ скоро ты отвоевалъ! Какъ не хотѣлъ ты умирать! Скоро ли мы съ тобой теперь увидимся?! Прощай, милый другъ! Я припалъ къ его кресту и долго, долго плакалъ, пока мой конь, гулявшій рядомъ, не толкнулъ меня... и не вернулъ къ дѣйствительности! Я разыскалъ могилы и другихъ полковыхъ товарищей. Между прочимъ нашелъ и могилу командира 1-й роты капитана Дм. Павл. Епикацеро... Вспомнилъ утренній разсказъ командира нестроевой роты, капитана Приходко, что, когда уложили Дм. Павл. въ гробъ, хотѣли вынуть тотъ огромный кусокъ шрапнели, что вонзился у него въ лобъ между глазъ, но не смогли и похоронили съ этимъ орудіемъ его смерти на лбу! Отпѣвалъ всѣхъ убитыхъ священникъ 107-го пѣх. Троицкаго полка, онъ же и Благочинный 27-й дивизіи, потому что нашъ батюшка уже въ это время былъ у нѣмцевъ въ плѣну.

Грустный ѣхалъ я изъ Матишкеменскаго кладбища по направленію къ штабу полка. Вездѣ, кругомъ были слѣды отъ вчерашняго боя. Разрушенныя, еще дымящіяся послѣ пожара, пустыя зданія, срѣзанные телеграфные столбы и деревья,

изрѣшеченныя пулями стѣны зданій, зіявшія пустотой выбитыя рамы и двери, дыры отъ снарядовъ, а мѣстами слѣды запекшейся крови, грязная вата, марля... и вездѣ, вездѣ одуряющій запахъ трупа и дезинфекціи!..

Когда я подъѣхалъ къ штабу полка, нѣкоторые офицеры уже обѣдали за наскоро сколоченными тутъ же въ полѣ, длинными столами. Я сѣлъ за столъ.

Но что это творится въ природѣ?! Солнце потускнѣло, потемнѣло... и все въ поднебесной стало до жути сѣрымъ, землистымъ!.. Оказывается, это было солнечное затменіе 21/8 августа 1914 года. На меня въ этотъ моментъ оно произвело гнетущее впечатлѣніе. Казалось, сама природа возмущалась этой братоубійственной бойней и одѣлась въ трауръ сумерекъ и печали!

Но, вотъ, солнце постепенно начало открывать свой ясный, веселый ликъ! Вся природа: поля, лѣса, сады освѣтились и ожили... Захотѣлось шума, веселья, пѣсенъ! И, дѣйствительно, скоро подъ вліяніемъ яркаго солнца, выпитаго вина и веселыхъ, побѣдныхъ рѣчей молодыхъ офицеровъ, на душѣ стало легче!

Пришла телеграмма о пожалованіи Государемъ Императоромъ 100 проц. наградъ на нашъ полкъ за побѣду у Гумбинена и стало еще веселѣе! Я получилъ на шею красивый крестъ Св. Станислава 2-й ст. съ мечами. Всѣ награды наши были тутъ же спрыснуты!

Но, странно... какъ только вернулся я въ свою хату, приподнятое настроеніе сейчасъ же упа-

ло: здѣсь было уже три покойника; третій нѣмецкій офицеръ только что скончался и я засталъ картину перевозки ихъ труповъ для похоронъ. —„Memento mori!"—опять ясно звучало въ моемъ мозгу...

Когда санитарная повозка съ краснымъ крестикомъ увозила ихъ вдаль, я невольно задумался о судьбѣ этихъ трехъ нѣмецкихъ офицеровъ. Всѣ трое молодые; у всѣхъ, вѣроятно, есть невѣсты, а быть можетъ, и жены, матери, сестры...

Какъ всѣ эти женщины плакали бы сейчасъ, если бы видѣли ихъ умершими! И какъ долго онѣ будутъ жить съ представленіемъ о нихъ, какъ о живыхъ герояхъ, защитникахъ родины, пока дойдетъ до нихъ вѣсть о ихъ смерти!..

Бѣдная жена Мити Трипецкаго сейчасъ уже узнала о его смерти! Извѣстная картина: денщикъ привозитъ вещи и походную кровать убитаго офицера... Какое горе и ужасъ вызываетъ это въ каждой такой, осиротѣлой семьѣ! Вотъ его вещи, а его самого уже нѣтъ и не будетъ!—„Онъ убитъ", докладываетъ со слезами денщикъ и, какъ честный солдатъ, точно и аккуратно все имущество своего барина сдаетъ семьѣ.

И вотъ, во время горя и отчаянія оплакивающихъ его смерть вдовы и дѣтей, приносятъ съ почты запоздалое письмо, еще живого, Мити! Такое ласковое, милое письмо, со всѣми самыми мелкими житейскими интересами и вопросами, письмо — полное жизни!.. Я потомъ узналъ, что жена Мити чуть съ ума не сошла въ этотъ моментъ! Она всѣхъ стала увѣрять, что это ошиб-

ка, что онъ живъ... что убитъ кто-то другой, а не Митя... „вотъ онъ пишетъ... онъ живъ, я прочитаю вамъ письмо его!“

Какой ужасъ! И пока она не убѣдилась, что Мити нѣтъ на свѣтѣ, черствые люди смѣялись и называли ее сумасшедшею...

Но, довольно о смерти! Довольно грусти и печали! Полкъ нашъ двигается впередъ, вся 1-ая армія, опрокидывая нѣмецкія небольшія развѣдочныя части, проходитъ черезъ города и мѣстечки и усадьбы вглубь Восточной Пруссіи.

IV.

Движеніе къ Кенигсбергу.

Нѣмцы послѣ Гумбиненскаго пораженія отскочили далеко на западъ, не задержавшись даже на такой выгодной позиціи, какъ Ангерапская, гдѣ потомъ, зимой, они совершенно пріостановили наше второе наступленіе на Пруссію.

Отступленіе ихъ войскъ отъ Гумбинена носило характеръ совершеннаго бѣгства, какъ сообщили намъ мѣстные литовцы и плѣнные изъ поляковъ. Занимая новыя области Восточной Пруссіи, какое довольство, достатокъ и даже богатство видѣли мы здѣсь во всемъ на каждомъ шагу! Каждая усадьба простого крестьянина снабжена десяткомъ земледѣльческихъ орудій, телефономъ, электричествомъ, велосипедами, газетой. Вездѣ водопроводъ и канализація! А какіе „дворцы“ для скота съ электричествомъ, съ асфальтовымъ поломъ, бассейнами проточной воды и т. д. На поляхъ нѣтъ и кусочка невоздѣланной земли. Сараи и погреба биткомъ набиты „впрокъ“ всякой снѣдью и припасами! Въ чуланахъ и погре-

бахъ сундуки съ огромными запасами одежды и бѣлья! Чего нѣмцамъ было еще надо?! Зачѣмъ кайзеръ и его правительство захотѣли искать лучшаго?!

Вотъ, наконецъ, при дальнѣйшемъ нашемъ продвиженіи вглубь Пруссіи, отъ Инстербурга стали попадаться навстрѣчу огромныя фуры съ бѣженцами; ихъ направляли наши коменданты къ границамъ Россіи. Старики, женщины, дѣти сидѣли въ этихъ фурахъ, сзади шелъ привязанный скотъ, какъ-то: коровы, телята, лошади. На возахъ этихъ—всевозможный домашній скарбъ, даже мебель! Несчастные жители! Что переживали они въ это время!

Я, напримѣръ, видѣлъ, какъ около Клейнъ-Шонау нѣмецкій цеппелинъ сбросилъ въ лагерь такихъ бѣженскихъ повозокъ 3 бомбы, принявъ ихъ, повидимому, за русскій артиллерійскій паркъ. Сколько было убито и переранено стариковъ, женщинъ и дѣтей! Въ ужасѣ, ища защиты и врачебной помощи, они прибѣгали къ намъ, своимъ врагамъ, и мы всей душой имъ помогали, чѣмъ могли. Въ этомъ случаѣ забывалась вражда и особенно сильно сказывалось чувство простого состраданія къ ближнему.

Съ 22-го августа походнымъ порядкомъ (въ составѣ 1-ой арміи) наша дивизія двигается между Инстербургомъ и Даркеменомъ, пересѣкши Ангерапскую позицію въ направленіи на г. Алленбургъ. Въ одинъ день полку пришлось идти въ боковомъ (къ сѣверу) авангардѣ, причемъ я со своей ротой и полусотней казаковъ, шелъ въ

боковой заставѣ. Когда мы проходили мимо Астравишкенскаго лѣса, изъ опушки его открытъ былъ безпорядочный, ружейный огонь, ранившій, однако, у меня 4-хъ человѣкъ. Не прерывая движенія, я приказалъ полусотнѣ разсыпаться и атаковать опушку лѣса. Огонь скоро прекратился и противникъ скрылся вглубь лѣса. Казачки захватили въ плѣнъ 2-хъ нѣмцевъ—егерей лѣсного корпуса, что-то въ родѣ охотниковъ, но вооружены они были и ружьями и маузерами.

Въ 12 ч. дня былъ большой привалъ главныхъ силъ и бокового авангарда. Я тоже сдѣлалъ привалъ своей заставѣ и полусотнѣ казаковъ, какъ разъ вблизи большого имѣнія. Мы съ подъесауломъ зашли въ это имѣніе.

Чудный дворецъ, окруженный роскошнымъ паркомъ! Громадныя ворота съ гербомъ владѣльца,—какого-то генералъ-адъютанта кайзера,—сейчасъ командира кавалерійскаго корпуса на войнѣ, какъ я потомъ узналъ. Ковры изъ роскошныхъ цвѣтовъ обрамляли парадный подъѣздъ и вестибюль—веранду съ мраморными колоннами и баллюстрадой.

Изъ пріемной мы вошли въ огромный залъ-столовую и остолбенѣли отъ удивленія! Громадный длинный столъ, персонъ на 100, былъ накрытъ и сервированъ: всевозможными закусками и блюдами и ассортиментомъ разныхъ винъ и водокъ, вазами съ цвѣтами и т. д. Но видно было, что обѣдъ былъ еще не конченъ, когда неожиданная вѣсть о пораженіи и отступленіи Макензеновскаго корпуса пришла сюда... Произо-

шло повальное бѣгство отъ этого стола, изъ этого замка хозяевъ и гостей, всѣхъ до одного! На многихъ тарелкахъ лежали взятыя яства, почти нетронутыя и вино въ бокалахъ невыпитое...

За заломъ слѣдовалъ огромный роскошный салонъ съ двумя бѣлыми концертными роялями; одинъ изъ нихъ былъ раскрытъ съ развернутой на немъ сонатой Бетховена... Далѣе блестѣла паркетомъ амфилада роскошныхъ комнатъ, но мы туда не пошли. Я только обратилъ вниманіе на огромную, чудной работы, серебряную группу всадниковъ („атака кавалеріи"), стоявшую на столѣ въ углу зала подъ стекломъ. Надпись гласила, что это подарокъ офицеровъ разныхъ полковъ N-ской кавалерійской дивизіи своему начальнику. Гдѣ-то онъ теперь? Чуетъ ли, что скоро отъ его замка останутся лишь развалины?!

Случилось слѣдующее.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда начальникъ русской 3-ей кавалерійской дивизіи, ген.-лейтенантъ (фамилія его, кажется, Бельгардъ) на террасѣ съ мраморными колоннами читалъ своимъ командирамъ полковъ приказъ о дальнѣйшемъ движеніи дивизіи, неожиданно изъ одного окна прозвучалъ револьверный выстрѣлъ и начальникъ дивизіи палъ мертвый, пораженный пулею въ сердце!..

Бросились искать убійцу, обыскали весь дворецъ, всѣ погреба, сараи и чердаки... Убійца пропалъ!..

Командиры полковъ уѣхали къ своимъ частямъ, а... ночью огромное зарево освѣтило всю

окрестность!.. Говорили, что это казаки, изъ мести за смерть любимаго начальника, совершенно разрушили и сожгли это имѣніе.

Въ данномъ случаѣ это была месть, но, вообще, меня поражала эта удивительная страсть казаковъ къ разрушенію.

Часто, бывало, входишь въ нѣмецкую усадьбу и, если раньше побывали здѣсь казаки, то находишь ужасные слѣды разрушенія: разбитыя двери, окна и зеркала, піанино, буфеты, разорванныя картины на стѣнахъ, пропоротые пиками диваны, кресла, даже постели!

Беззавѣтная удаль и храбрость казаковъ вродѣ Крючкова, прославившагося въ первой стычкѣ съ нѣмецкой развѣдкой: одинъ противъ десяти нѣмцевъ! И рядомъ — казаки-хулиганы, „храбрость" которыхъ въ разрушеніи имущества мирныхъ жителей!

Итакъ, опрокидывая небольшія части нѣмецкой развѣдки, 27-ая дивизія достигла рѣки Алле.

14-го августа, въ 5 час. вечера, нашъ полкъ вступалъ въ Алленбургъ, старинный городокъ съ 700-лѣтней кирхой и узкими улицами, совершенно оставленный жителями. Здѣсь, на станціи жел. дороги, нашли мы огромные склады консервовъ, особенно много сгущеннаго молока, каковое и было роздано во всѣ роты и команды. Между прочимъ осмотрѣли мы здѣсь унтеръ-офицерскій клубъ мѣстнаго пѣх. полка. Прекрасное помѣщеніе и обстановка, богатая библіотека, всевозможныя пособія для рѣшенія тактическихъ задачъ,

хорошія стѣнныя карты, портреты кайзера и разныя батальныя картины въ красивыхъ рамахъ. Вообще, видна забота о своихъ унтеръ-офицерахъ.

Авангардъ дивизіи, 107-й Троицкій полкъ ушелъ впередъ. Нашъ 4-ый баталіонъ выставилъ сторожевое охраненіе на западной опушкѣ города. Когда ночью я повѣрялъ свои полевые караулы и заставы, я невольно залюбовался средневѣковой архитектурой домовъ съ узкими уличками и свѣтотѣнями отъ яркой луны. Особенное впечатлѣніе производила маленькая, но стильная, замощенная плитами площадь со своей высокой, старинной кирхой, длиннымъ каменнымъ бассейномъ для воды, памятникомъ какому-то герою и двумя вѣковыми аллеями каштановъ, кленовъ и липъ. Эта площадь напомнила мнѣ декорацію изъ „Фауста". Но, вмѣсто дивной музыки Гуно, гдѣ-то вдали послышались отдѣльные выстрѣлы и мимо меня промчался казачій разъѣздъ съ донесеніемъ, совершенно нарушивъ ночную тишину этого средневѣкового городка.

Съ 15-го августа 1-ая армія продвигается съ небольшими стычками своихъ авангардовъ съ нѣмецкими арріергардами до линіи дальнихъ фортовъ Кенигсберга — Лабіау, Тапіау, Домнау и Прейсишъ—Эйлау. Здѣсь армія, несмотря на слабое сопротивленіе нѣмцевъ, остановила свое дальнѣйшее продвиженіе впередъ по приказу командующаго сѣверо-западнымъ фронтомъ генерала Жилинскаго, въ виду общей обстановки.

Шли мѣстные бои, но нѣмцы оказывали упорное сопротивленіе, кое-гдѣ переходя даже въ

наступленіе. Очевидно, они собирались съ силами, чтобы по всей линіи перейти въ наступленіе.

Населеніе здѣсь оставалось на мѣстахъ и даже на нашихъ глазахъ нѣмцы исполняли свои полевыя работы. При проходѣ нашего полка черезъ одно мѣстечко, меня непріятно поразили шутки и критическія замѣчанія мирныхъ жителей, слѣдившихъ за нами съ ироническими улыбками, словно это не на войнѣ, а въ мирной обстановкѣ, на маневрахъ проходитъ свой полкъ куда-то на ученье. Также спокойно глядѣлъ на насъ толстый нѣмецъ, сидѣвшій развалившись, съ сигарой въ зубахъ, на машинѣ-сѣнокосилкѣ, запряженной парой породистыхъ лошадей.

Въ одинъ изъ этихъ дней, полкъ занималъ позицію около Клейнъ-Шонау (Klein-Schonau); нѣмцы атаковали насъ, подвезя сильную артиллерію, бой шелъ цѣлый день до вечера. Нѣмцы отошли. Много было убитыхъ и раненыхъ, которыхъ увозили въ полевые госпиталя.

Въ этотъ вечеръ, часу въ 8-мъ, я со своей ротой назначенъ былъ въ сторожевое охраненіе по сѣверо-западной опушкѣ лѣса Фришинъ у дер. Беберъ-Свальде. Отъ мѣста боя у м. Кл.-Шонау до этой деревни (путь шелъ лѣсомъ, вдоль жел. дор. отъ Фридланда на Тапіау) разстояніе было болѣе 10 клм. Страшно изнуренная цѣлодневнымъ боемъ у Шонау, моя рота скоро идти не могла, и мы пришли къ мѣсту сторожевого охраненія только въ 11 ч. вечера, а пока я связался телефономъ съ сосѣдней ротой 108-го

полка (правѣе меня) и разставилъ свои караулы и заставы,—было далеко за полночь.

Днемъ въ этомъ мѣстѣ шелъ бой (раіонъ 108-го Саратовскаго полка) и сейчасъ все увеличивавшееся зарево, зажженной артиллерійскимъ огнемъ усадьбы, начало освѣщать и наши, только что вырытые окопы, которые могли быть обнаружены нѣмцами; поэтому, несмотря на сильное утомленіе, пришлось перенестись въ тѣнь на самую опушку лѣса и снова окапываться ввиду близкаго противника.

Въ этой тяжелой обстановкѣ, когда совершенно надорваны были наши физическія силы: въ дневномъ бою, 10 клм. переходѣ, занятіи участковъ охраненія и копаніи окоповъ,—я особенно оцѣнилъ своихъ помощниковъ подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ. Офицеровъ въ моей ротѣ уже въ это время не было: поруч. Кульдверъ былъ прикомандированъ къ штабу полка (помощникомъ адъютанта), подпоручикъ Врублевскій временно командированъ въ штабъ корпуса за пополненіемъ полка запасными, а подпоручикъ Бадзенъ, раненый въ бою 7-го авг. подъ Гумбиненомъ, еще лежалъ въ госпиталѣ. Обязанности офицеровъ исполняли мои кадровые унтеръ-офицеры и только благодаря имъ въ эту ночь всѣ полевые посты, караулы и заставы точно заняли указанныя мною мѣста и окопались, вполнѣ приготовясь, въ случаѣ появленія противника, встрѣтить его. Чувство долга и присяги и старая дисциплина преодолѣвали все!

Наконецъ, чтобы отдохнуть, я прилегъ въ

темнотѣ на цѣлую кучу брошенныхъ нѣмецкихъ шинелей и ранцевъ. Голову положилъ на что-то твердое—какъ мнѣ показалось,—нѣмецкій ранецъ, и сейчасъ же сталъ засыпать. И вотъ, слышу сквозь сонъ, какъ дежурный телефонистъ говоритъ мнѣ: „Ваше высокоблагородіе! Вѣдь вы легли на убитаго нѣмца!.. Пожалуйте лучше сюда къ намъ въ окопъ, къ телефону". Я поднялъ голову и дѣйствительно, при свѣтѣ электрическаго фонарика, увидѣлъ трупъ убитаго нѣмецкаго солдата, на спинѣ котораго лежала моя голова!...

Но нервы за время всѣхъ боевъ уже такъ были притуплены, утомленіе отъ трехъ, почти безсонныхъ передъ этимъ, ночей такъ было велико, что я, какъ только легъ на новое мѣсто, сейчасъ же крѣпко заснулъ подъ охраной двухъ бодрыхъ, выспавшихся днемъ, телефонистовъ. По счастью, въ эту ночь нѣмцы насъ здѣсь не побезпокоили. Рано утромъ по телефону получилъ приказаніе снять сторожевое охраненіе и присоединиться къ полку.

Когда совсѣмъ разсвѣло, я увидалъ необыкновенно красивую мѣстность, гдѣ мы провели эту ночь.

Совсѣмъ близко—небольшое озеро, какъ въ зеркалѣ, отражало опушку багрянаго, въ яркихъ осеннихъ тонахъ лѣса и крайніе домики усадьбы, утопавшіе въ свѣжей еще зелени сада. Около домиковъ, ближе къ нашимъ окопамъ, красивая клумба съ цвѣтами, но здѣсь же на клумбѣ, среди роскошныхъ махровыхъ астръ, нѣжныхъ бѣлыхъ георгиновъ и позднихъ розъ и прямо подъ

навѣсомъ спѣлыхъ, лопающихся отъ сока яблокъ и грушъ лежалъ убитый во вчерашнемъ бою, бѣлокурый молодой нѣмецъ-солдатъ...

Остекленѣвшій взоръ его устремленъ былъ въ небо, на груди его огромное пятно запекшейся крови... а на травѣ и цвѣтахъ около него — слезы обильной росы!

Дали еще тонули въ молочныхъ облакахъ тумана, но на востокѣ уже горѣло зарево восходящаго солнца и пробуждало во мнѣ радость жизни.

Я быстро собралъ роту и двинулся къ полку. Телефонисты, весело перекликаясь, вслѣдъ за нами спѣшно снимали и накатывали на катушки проволоку полевого телефона.

V.

Оборона моста подъ г. Алленбургомъ.

5 сент. утромъ командиръ полка полковникъ Отрыганьевъ вызвалъ меня въ штабъ полка (Кл. Шонау) и сказалъ мнѣ, что, согласно секретнаго приказа дивизіи, должна быть назначена отъ полка одна рота для выполненія особо важной задачи и онъ назначаетъ меня. Въ мое распоряженіе будутъ назначены: пулеметная команда, команда развѣдчиковъ и взводъ артиллеріи. Подробности я получу въ штабѣ дивизіи отъ начальника штаба, полковника Радусъ-Зенковича, куда я завтра, 6 сент., долженъ прибыть съ ротой къ 9 ч. утра, ротную кухню взять съ собой. Для пополненія роты, взамѣнъ убитыхъ и раненыхъ, командиръ полка обѣщалъ прислать запасныхъ солдатъ.

Это назначеніе пріятно польстило моему самолюбію и я мысленно давалъ себѣ слово, оправдать довѣріе любимаго командира.

Рано утромъ поднялъ я свою роту, уже привыкшую къ неожиданнымъ походамъ,—самъ вер-

хомъ,—повелъ ее кратчайшей дорогой къ штабу дивизіи. Конь мой Янусъ, съ которымъ я не разставался во все время кампаніи, былъ очень горячій. Никогда я не пользовался ни стэкомъ, ни шпорами, а только шенкелями, чтобы подбодрить его, но на этотъ разъ, видя по часамъ, что я могу опоздать, я поспѣшилъ впередъ, все прибавляя рыси и, наконецъ, нервничая, въ первый разъ хлестнулъ его стэкомъ, чтобы скакать въ карьеръ. Янусъ взвизгнулъ и помчался.

Ровно въ 9 часовъ я былъ возлѣ къ штаба дивизіи и вотъ здѣсь, когда я привязывалъ Януса къ забору, онъ такъ крѣпко укусилъ меня въ спину, что я вскрикнулъ отъ боли. Лошадь запомнила незаслуженную обиду и отомстила мнѣ. Мнѣ стало досадно и стыдно!..

Начальникъ штаба дивизіи ген. шт. полковникъ Радусъ-Зенковичъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ заключается задача и передалъ секретный приказъ начальника 27-й дивизіи отъ 22-го августа 1914 г. за № 24. На маленькій отрядъ подъ моей командой: рота, сзади—батарея, команда развѣдчиковъ, пулеметная команда и команда саперъ, возлагается оборона моста черезъ р. Алле у г. Алленбурга послѣ отхода всей 1-ой арміи на востокъ. Приказывается оборонять этотъ мостъ до наступленія превышающихъ силъ противника, послѣ чего, отходя, мостъ этотъ взорвать. Въ приказѣ указывались тыловые пути для отхода колоннъ 1-й арміи на востокъ и послѣдніе пункты уже за нѣмецкой границей, въ Литвѣ.

Прочитавъ этотъ приказъ, начальникъ шта-

ба на словахъ передалъ мнѣ, что въ виду того, что настоящій каменный Алленбургскій мостъ былъ нѣмцами взорванъ, нужно принять мѣры къ укрѣпленію деревяннаго моста (построеннаго русскими саперами) и подъѣздныхъ путей къ нему, для прохода черезъ мостъ всей 1-й арміи и особенно тяжелой артиллеріи. Для обороны моста въ мое распоряженіе, кромѣ моей роты назначены: 1-ая батарея 27-й артиллерійской бригады (подполковникъ Аноевъ), команда развѣдчиковъ 107-го полка (поручикъ Зубовичъ), пулеметная команда 106-го полка (штабсъ-капитанъ Страшевичъ), подрывная команда 3-го сапернаго баталіона (штабсъ-капитанъ фонъ-Фиттингофъ) и команда телефонистовъ 106-го полка.

Во время боя я непосредственно подчиняюсь командиру 107-го полка полковнику Орловскому, впереди боевого участка котораго расположенъ мостъ. Связь держать со штабомъ дивизіи. 1-ая армія пройдетъ черезъ мостъ на этихъ дняхъ. Указаны тыловые пути отхода ея изъ Пруссіи далеко на востокъ.

Получивъ этотъ приказъ, я поѣхалъ на встрѣчу подходившей роты и съ нею направился къ г. Алленбургу. По дорогѣ я еще разъ внимательно перечиталъ этотъ приказъ и мое сердце тревожно сжалось, когда я нашелъ строки о предстоящемъ отступленіи 1-й арміи. Что случилось тамъ на фронтѣ? Вѣдь нигдѣ наша армія не разбита, вездѣ сдерживаемъ нѣмцевъ. Почему же мы бросаемъ Восточную Пруссію?..

Я не подозрѣвалъ, что въ это время нѣмцы,

спасая свою Восточную Пруссію, сняли и привезли съ французскаго фронта съ Марны два свѣжихъ корпуса и кавалерійскую дивизію и, нанеся 15—16-го августа пораженіе II-й Самсоновской арміи, собирались обрушиться на нашу I-ую армію.

Не доходя гор. Алленбурга, я расположилъ роту въ сараяхъ дер. Шалленъ при самой рѣкѣ, у моста. 3 быка (устоя) и настилка каменнаго моста, взорваннаго нѣмцами при отступленіи, лежали въ рѣкѣ; поэтому рядомъ былъ выстроенъ нашими саперами довольно основательный мостъ; наша 1-я армія при наступленіи въ Восточную Пруссію прошла не по одному этому мосту, а и по мостамъ выше Алленбурга у м. Лейссіенена и у Вехлау (гдѣ жел. дор.). Теперь же эти мосты, по стратегическимъ соображеніямъ, были оба взорваны и почти вся армія должна идти обратно по единственному, Алленбургскому деревянному мосту.

Совмѣстно съ прибывшимъ ко мнѣ саперным офицеромъ, мы намѣтили планъ работъ по укрѣпленію моста и сооруженію второго подъѣздного пути къ мосту, спеціально для артиллеріи. Моя рота, подъ руководствомъ саперъ, сейчасъ же приступила къ работамъ. Не могу не отмѣтить смѣлость и находчивость одного рядового еврейчика по установкѣ козелъ въ глубокой и быстрой рѣкѣ, причемъ онъ едва не утонулъ.

Укрѣпивъ мостъ дополнительными „козлами", балками и новой настилкой, я распорядился его минировать, т. е. сдѣлать всѣ необходимыя

приготовленія къ взрыву моста послѣ нашего отступленія.

Затѣмъ я, собравъ всѣхъ взводныхъ командировъ, намѣтилъ на высотѣ, впереди моста, линію окоповъ для обороны, по обѣ стороны шоссе отъ Алленбурга на Клейнъ—Энгелау; фланговые окопы давали перекрестный огонь, а окопъ внизу обстрѣливалъ подходъ къ мосту вдоль рѣки.

Когда вырыты были всѣ эти окопы и ходы сообщенія, я приказалъ измѣрить разстояніе до ясно видимыхъ рубежей и предметовъ. Между прочимъ, я распорядился вырыть одинъ ходъ сообщенія изъ окоповъ къ мосту, вѣрнѣе—къ ручью, впадавшему въ рѣку Алле. Ручей этотъ скрывался въ прибрежныхъ, густыхъ камышахъ, могущихъ служить хорошимъ прикрытіемъ въ случаѣ отхода роты изъ окоповъ къ мосту. На вышкѣ сѣновала я устроилъ наблюдательный пунктъ съ большимъ кругозоромъ. Всѣ эти работы заняли у насъ полныхъ два дня...

24-го авг. я обратилъ вниманіе на высокую полукаменную мельницу на горкѣ у дер. Триммау впереди моста, могущую служить нѣмцамъ прекраснымъ пристрѣлочнымъ пунктомъ. Я рѣшилъ взорвать ее и поручилъ это саперному офицеру. Подложили подъ основаніе ея динамитъ и пироксилинъ. Сильные взрывы смутили покой нѣкоторыхъ артиллерійскихъ парковъ и полевыхъ госпиталей. Прискакали оттуда къ мосту испуганные офицеры и врачи верхомъ, спрашивая: гдѣ

нѣмцы? Почему стрѣляетъ наша артиллерія? Я успокоилъ ихъ, разсказавъ въ чемъ дѣло.

Между прочимъ, въ этотъ день я получилъ приглашеніе на обѣдъ въ близъ расположенный артиллерійскій паркъ. Милая компанія молодежи, причемъ только самъ командиръ парка былъ кадровый офицеръ—штабсъ-капитанъ, а остальные чины—прапорщики — мобилизованные студенты. Обѣдъ былъ, взамѣнъ спиртныхъ напитковъ, съ русскимъ квасомъ, очень вкусный и сытный. Настроеніе молодежи было веселое и побѣдное. Много, хотя и шутя, говорили о скоромъ посѣщеніи Кенигсберга, о красотѣ этого города, открытки съ видами котораго офицеры достали въ Алленбургѣ.

Никто изъ нихъ еще не подозрѣвалъ о „тыловыхъ путяхъ"...

Но вотъ только что подали „сладкое", какъ командиру парка вручилъ пріѣхавшій ординарецъ пакетъ. Я видѣлъ какъ дрогнуло и поблѣднѣло лицо штабсъ-капитана. Онъ отпустилъ ординарца и приказалъ всѣмъ чинамъ не расходиться. Всѣ насторожились. Затрещалъ телефонъ, вызывали изъ штаба артиллерійской бригады командира парка: приказъ объ отходѣ въ тылъ въ первую очередь касался госпиталей и парковъ...

Когда командиръ парка сообщилъ объ отходѣ назадъ, нѣкоторое смущеніе было замѣтно у всѣхъ. Недоумѣнный вопросъ: „что случилось?" отражался на всѣхъ лицахъ. Черезъ пару часовъ паркъ уже выполнялъ свой тыловой путь!

На фронтѣ,—на линіи Кенигсбергскихъ вос-

точныхъ фортовъ въ это время шли непрерывныя стычки съ нѣмцами; много оттуда провозили раненыхъ, направляя ихъ изъ полевыхъ госпиталей въ тылъ, въ Россію, и наша армія, подъ натискомъ свѣжихъ нѣмецкихъ корпусовъ, наконецъ начала планомѣрное отступленіе. Днемъ шли бои на занятыхъ позиціяхъ, а съ наступленіемъ темноты, подъ прикрытіемъ гвардейской и армейской кавалеріи, продолжался отходъ.

Для связи тыловыхъ частей и учрежденій съ фронтомъ, у меня въ Шалленѣ былъ промежуточный казачій постъ изъ 3-хъ человѣкъ. Эти донскіе казачки, пріѣзжая ко мнѣ каждый день съ фронта, сообщали разныя новости о происшедшихъ за день стычкахъ, часто сильно преувеличивая наши успѣхи.

Однажды вернулись на ночь только двое, ведя за собой лошадь третьяго. Я спросилъ: „гдѣ третій?“ И вотъ, со слезами на глазахъ, бородатый донецъ разсказалъ: „сегодня Богъ наказалъ Макарушкина за то, что вчера онъ снялъ съ убитаго въ бою нѣмца золотое кольцо... Шрапнель угодила Макарушкину въ голову и онъ палъ убитый недалеко отъ того нѣмца, у котораго онъ снялъ кольцо, а я ему еще вчера говорилъ: не трошь покойника, не бери кольцо, Богъ накажетъ! Такъ оно и вышло!“

Началось отступленіе 1-ой арміи. По ночамъ (25 и 26 авг.) непрерывно, но со строгимъ соблюденіемъ дистанцій, въ полномъ порядкѣ, неторопливо проходили пѣхота, артиллерія и небольшія части кавалеріи. Проходили полки (со

знаменами въ чехлахъ), со знакомыми офицерами, проходили разные штабы корпусовъ, дивизій, бригадъ. Тяжелыя пушки сворачивали передъ мостомъ на построенный для нихъ моей ротой изъ подручнаго матеріала подъѣздной путь. Деревянный мостъ немного сгибался подъ грузомъ тяжелой артиллеріи и я сначала очень волновался въ эти моменты, опасаясь катастрофы, но потомъ успокоился, особенно когда вся тяжелая артиллерія уже прошла черезъ мостъ.

Въ эти дни я много бесѣдовалъ со своей ротой, подготовляя солдатъ къ честному выполненію возложенной на роту боевой задачи: оборонять мостъ для прикрытія отхода своихъ войскъ. Я еще самъ ясно не представлялъ себѣ, какъ удастся мнѣ выполнить эту задачу? Надолго ли смогу задержать врага? Но я вѣрилъ, что отлично стрѣляющая рота и уже закаленная въ прежнихъ бояхъ и стычкахъ съ нѣмцами, не дрогнетъ и не поддастся паникѣ. Мнѣ вспомнилось тогда, какъ одна рота сибирскаго стрѣлковаго полка, въ бою подъ Сандепу съ японцами, своимъ мѣткимъ огнемъ остановила наступленіе цѣлаго полка. Съ другой стороны, я глубоко вѣрилъ только въ помощь Божію.

Въ это время фельдфебель мой разыскалъ гдѣ-то въ городѣ, оставленную нѣмцами пекарню и тамъ 3—4 мѣшка бѣлой муки крупчатки. Мобилизованные булочники-хлѣбопеки начали печь вкусныя булки и я угощалъ ими проходившихъ знакомыхъ офицеровъ. Цѣлую корзину такихъ булокъ послалъ я въ штабъ дивизіи и въ свой

полкъ, потому что уже скоро мѣсяцъ, какъ армія бѣлаго хлѣба и булокъ не видѣла. Изъ штаба дивизіи мнѣ прислали въ отвѣтъ корзину, наполненную фруктами и большой графинъ съ хорошимъ квасомъ.

Когда черезъ мой мостъ проѣзжалъ штабъ дивизіи, начальникъ дивизіи генералъ Адариди, благодаря за булки, посмѣялся: „Вы и здѣсь продолжаете кормить насъ вкусными вещами, какъ на полевой поѣздкѣ въ маѣ".

Командиръ полка полковникъ Отрыганьевъ проѣзжая мимо моихъ окоповъ, напомнилъ мнѣ, обратить вниманіе на подступы къ позиціи. Это было очень цѣнное указаніе любимаго начальника.

Я утромъ проѣхалъ верхомъ въ сторону противника и оттуда намѣтилъ возможные подступы къ моему мосту. На правомъ моемъ флангѣ, однимъ изъ этихъ подступовъ являлась околица м. Егерсдорфъ и самой деревни Шалленъ, а на лѣвомъ—узкая лощина, покрытая кустарникомъ, гдѣ рѣка Алле дѣлаетъ колѣно у Альтгофъ. Это было очень важно и я, такъ сказать, дополнилъ свой проектъ обороны моста.

Въ виду нѣмецкаго шпіонажа и скрытыхъ нѣмцами телефоновъ (наша развѣдка ловила ихъ въ погребахъ брошенныхъ усадьбъ, а шпіоновъ находила въ возахъ съ сѣномъ или соломой), всѣ предмостныя зданія, жилыя и нежилыя, были мною тщательно осмотрѣны.

Послѣ этого я еще разъ обошелъ и осмотрѣлъ все расположеніе своей роты въ окопахъ

и ниши для патронныхъ ящиковъ; причемъ заботу о питаніи роты патронами возложилъ на фельдфебеля подпрапорщика Нагулевича.

Между прочимъ, замѣтилъ, что взводные командиры разстоянія до опредѣленныхъ рубежей и мѣстныхъ предметовъ заботливо нанесли на дощечки-указатели, вкопанныя на видныхъ мѣстахъ въ каждомъ окопѣ. Перевязочный пунктъ по моему указанію устроенъ былъ ротнымъ фельдшеромъ у самой рѣки въ погребѣ.

И вотъ, къ вечеру 26-го августа, подъ натискомъ нѣмцевъ, прошли черезъ мостъ къ городу Алленбургу послѣднія части 1-й арміи. Артиллерійская канонада, цѣлый день гремѣвшая на югъ отъ нашего фронта, затихла. По ту сторону моста оставалось только сторожевое охраненіе нашей 27-й дивизіи — два баталіона 106-го и 108-го полковъ и небольшія части кавалеріи. Наконецъ, въ сумерки послѣдними прошли и эти части и за мостомъ остался только я со своей ротой.

Начальникъ сторожевого охраненія, подполковникъ нашего полка Г. М. Борзинскій, проходя мимо меня черезъ мостъ, пошутилъ:

— Ну, Александръ Арефьевичъ, и дадутъ же вамъ нѣмцы—мигомъ сметутъ васъ!

— Не пугайте, Григорій Михайловичъ,—сказалъ я,—вотъ лучше поторопите въ штабѣ, чтобы скорѣе прибыла пулеметная команда.

— А вы не знаете, что это отмѣнено штабомъ дивизіи, чтобы пулеметы не попали въ руки

нѣмцевъ... вотъ почему я и говорю — „зададутъ вамъ нѣмцы перцу!“

У меня непріятно сжалось сердце, хотя я старался и виду не показать, что разстроенъ.

Дѣйствительно, пулеметовъ мнѣ такъ и не дали, а очень жаль... Скоро прибыла команда телефонистовъ нашего полка и соединила меня со штабомъ дивизіи, а также съ 107-мъ Троицкимъ полкомъ и первой батареей 27-ой артил. бригады, составлявшими арріергардъ дивизіи. 25-ая и 27-ая дивизіи при этомъ отступленіи составляли арріергардъ 1-ой армій.

Уже совершенно стемнѣло, когда прибыла команда развѣдчиковъ 107-го полка во главѣ съ поручикомъ Зубовичемъ. Я сейчасъ же выслалъ ихъ впередъ для развѣдки о противникѣ—двумя партіями въ сторону Клейнъ-Энгелау и дер. Гундау.

Было часовъ 9 веч., когда я услышалъ перестрѣлку нашей развѣдки съ нѣмцами въ направленіи Клейнъ-Энгелау и получилъ первое донесеніе отъ поручика Зубовича, что нѣмецкая развѣдка—партія самокатчиковъ, столкнулась съ нашей у ручья (безъ названія), и послѣ перестрѣлки, скрылась за мѣстечкомъ. Поручикъ Зубовичъ остался у моста черезъ ручей, гдѣ пересѣченіе 3-хъ шоссе. У него убитыхъ двое и раненыхъ 6 чел. Я приказалъ поручику Зубовичу вернуться со своей командой въ окопы къ ротѣ. 4-хъ тяжело раненыхъ отправилъ въ тылъ. На намѣченныя мною заранѣе мѣста впереди и на фланги выслалъ секреты.

Было тихо. Въ сторонѣ противника изрѣдка слышны были звуки колесъ, быть можетъ передвиженіе артиллеріи или обоза.

Недалеко отъ моихъ окоповъ было пересѣченіе 3-хъ шоссе, на Шалленъ, Гундау и Альтгофъ. Я приказалъ спилить и повалить здѣсь поперекъ шоссе три огромныхъ дерева, чтобы нѣмцы не могли сразу подкатить на грузовикахъ съ орудіемъ или пулеметомъ къ моимъ окопамъ.

Совсѣмъ стемнѣло. Рота въ это время въ окопахъ ужинала: фельдфебель подпрапорщикъ Нагулевичъ, по своей иниціативѣ, привезъ изъ 107-го полка походную кухню съ супомъ и, такимъ образомъ, люди передъ боемъ были накормлены. Команда развѣдчиковъ поужинала въ своемъ полку еще до прибытія ко мнѣ. Кухню отправили назадъ за мостъ.

И вотъ, думалъ я, подходитъ важный моментъ. Какое-то особенное чувство овладѣло мной: хотѣлось подвига! Я зналъ, что теперь смотрятъ на меня и мою роту всѣ, кто прошелъ черезъ мостъ: родной полкъ, начальство и 107-ой полкъ, составлявшій арріергардъ дивизіи и расположенный сзади меня на западной опушкѣ г. Алленбурга. Но я не зналъ, долго ли мнѣ удастся съ этой горсточкой любимыхъ моихъ солдатъ, оборонять мостъ и задержать противника, вѣдь нѣмцы могутъ въ одинъ мигъ смести роту! Я началъ горячо молиться Всемогущему Богу. У меня была съ собой маленькая иконочка Казанской Божіей Матери, которой благословилъ меня мой младшій сынъ кадетъ Валентинъ, когда я съ нимъ раз-

ставался. А ему этотъ образокъ подарилъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ,—главный начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній,—во время посѣщенія имъ Полоцкаго кадетскаго корпуса. Я со слезами просилъ Божію Матерь „покрыть насъ Своимъ Покровомъ". И странно... послѣ этой горячей молитвы я сталъ совершенно спокоенъ, всецѣло положившись на волю Божію.

Изъ бесѣдъ съ моими взводными командирами я вынесъ впечатлѣніе, что люди хорошо подготовлены и вполнѣ сознаютъ предстоящую задачу. Всѣ четверо сказали мнѣ, что они ручаются за своихъ людей: „не трусы и всѣ стрѣляютъ отлично", но безпокоятся за прибывшихъ наканунѣ запасныхъ солдатъ. Курьезно, что начальство прислало это пополненіе въ полкъ совершенно безъ ружей! Разсуждало тыловое начальство такъ: „послѣ Гумбиненскаго боя полки взяли тысячи нѣмецкихъ ружей и нѣкоторое количество къ нимъ патроновъ, значитъ—этими ружьями можно вооружить присланныхъ безъ ружей запасныхъ". Но начальство забыло, что во 1-хъ Гумбиненъ остался далеко позади вмѣстѣ со складомъ, отнятыхъ у нѣмцевъ, ружей (около 8.000); во 2-хъ, къ нѣмецкимъ ружьямъ нужны и патроны, а ихъ было мало, и въ 3-хъ—солдаты, какъ кадровые, такъ и запасные, обучались стрѣлять изъ русскихъ, а не изъ нѣмецкихъ винтовокъ и т. д.

Грустную и немного смѣшную картину представляли изъ себя эти „дяди"—бородачи, въ боль-

шинствѣ случаевъ, многосемейные пахари, отвыкшіе отъ строя. Я наканунѣ, когда ихъ прислали ко мнѣ, долго и усиленно просилъ свое начальство, лучше убрать ихъ—безоружныхъ изъ роты, назначенной для важной боевой задачи, если нельзя ихъ вооружить. Но ничего изъ этого не вышло.

Въ 3½ часа утра одинъ изъ высланныхъ впередъ секретовъ далъ мнѣ знать, что въ направленіи Кл. Энгелау слышно движеніе войскъ, но куда они направляются, за темнотой, не видно.

Часа въ 4 утра, когда стало разсвѣтать и все было окутано густымъ, рѣчнымъ бѣлымъ туманомъ, со стороны противника ясно послышакось цоканье подковъ лошади, приближающагося по шоссе, всадника. Я приказалъ постараться снять его, не стрѣляя, живымъ, чтобы звукомъ выстрѣла не выдать нѣмцамъ нашего расположенія. Но вышло иначе.

Не различая за густымъ туманомъ нашихъ окоповъ, нѣмецъ спокойно въѣхалъ въ самую середину ихъ... (окопы вырыты были по обѣ стороны шоссе), увидалъ куда онъ заѣхалъ... издалъ звукъ „ахъ“ и сразу повернулъ коня, наклонивъ голову. Но въ этотъ моментъ пуля, кого-то изъ невытерпѣвшихъ нашихъ солдатъ, поразила его и скоро онъ свалился съ коня, а конь помчался въ туманную даль...

Мнѣ въ окопъ солдаты принесли каску убитаго и „маузеръ“. Это былъ первый нашъ трофей! При разсмотрѣніи, найденной на убитомъ,

служебной книжки, оказалось, что это былъ нѣмецкій полевой жандармъ.

Разсвѣтъ увеличивался. Лежащія, вдали отъ рѣчного тумана, высоты и холмы стали яснѣе обрисовываться... Вдругъ, на одной изъ этихъ высотъ, на шоссе показалась густая колонна пѣхоты, впереди ея ѣхали три всадника. Я приказалъ открыть огонь. Разстояніе до этой высоты было точно измѣрено и рота, буквально, смела эту колонну своимъ мѣткимъ и частымъ огнемъ. Нѣмцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать во всѣ стороны, очевидно не давая себѣ отчета, откуда посыпались тучи пуль!

Какъ важенъ былъ для роты, чисто психологически, этотъ первый успѣхъ! Нервное напряженіе отъ томительнаго выжиданія противника, смѣнилось у солдатъ, прямо, буйной радостью!..

Разсвѣло. Я взобрался на вышку сѣновала надъ моимъ окопомъ и не отрывался отъ бинокля. Скоро я увидѣлъ, что нѣмцы около двухъ баталіоновъ пѣхоты наступаютъ цѣпями и сзади колоннами (очевидно 3-ій баталіонъ въ резервѣ).

Сейчасъ же по телефону я сообщилъ командиру 1-ой батареи подполк. Аноеву, прося его открыть огонь по колоннамъ противника. — Корректировать огонь,—сказалъ я, будемъ отсюда.

И вотъ, „затукали“ и завыли очередями наши гранаты и шрапнели, летя черезъ наши головы, въ сторону нѣмцевъ. Мой наблюдатель вольноопредѣляющійся Наумченко, съ биноклемъ у глазъ, сверху кричалъ мнѣ о мѣстѣ разрыва нашихъ снарядовъ, я передавалъ это по телефону

подполк. Аноеву: „правѣе! еще правѣе!“ или: „ниже!“ „выше!“ „еще выше!“ „такъ хорошо!“ „еще! еще!“ Рота въ это время держала точный прицѣльный огонь.

Такимъ образомъ, переднія нѣмецкія цѣпи были нами быстро разсѣяны. Остановились и залегли и резервы ихъ. Но въ бинокль видно было, что они разсыпали новыя цѣпи и открыли по насъ огонь. Жалобно засвистали нѣмецкія пули и „затакалъ“ ихъ пулеметъ, но пули летѣли безпорядочно, выше нашихъ окоповъ, а пулеметныя струи съ визгомъ и стукомъ, какъ горохъ, ударялись лѣвѣе насъ въ каменную стѣну сосѣдняго, на холмѣ, дома мельника, гдѣ я до этого боя провелъ нѣсколько дней.

Вскорѣ открыла огонь, сначала полевая артиллерія противника, нащупывая наши окопы, а затѣмъ и тяжелая, сосредоточивъ огонь по мосту и по западной опушкѣ города. Шрапнели все чаще стали разрываться надъ самыми нашими окопами. Появились раненые. По ходамъ сообщенія они переползали къ перевязочному пункту. Первымъ убитымъ въ ротѣ пулею въ лобъ (моментальная смерть!) былъ ефрейторъ Аѳанасьевъ, родной братъ старшаго унтеръ-офицера Аѳанасьева.

Часовъ въ 10 утра, подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, нѣмцы густыми цѣпями и колоннами поднялись и перешли въ наступленіе, но рота и команда развѣдчиковъ открыли по нимъ такой убійственный огонь пачками, съ точно измѣреннаго разстоянія, что нѣмцы, понеся огромныя потери, опять залегли.

Въ это время у меня случилось крайне непріятное замѣшательство съ доставкой патроновъ.

Обезпеченіе роты патронами было возложено, какъ я уже упомянулъ, на фельдфебеля Нагулевича. Когда рота развила частый и даже пачечный огонь, запасы патроновъ въ нишахъ окоповъ быстро израсходовались. Уже послѣ первой атаки нѣмцевъ, изъ всѣхъ четырехъ взводовъ ко мнѣ стали присылать донесенія, что половина патроновъ израсходована, а къ концу второй атаки, что патроны кончаются. 107-й полкъ на мои просьбы по телефону, скорѣе прислать двуколку съ патронами, отвѣчалъ, что уже выслана была двуколка, но при самомъ выѣздѣ передъ окопами, ѣздовой убитъ, а лошадь ранена.

Мои люди, которыхъ я посылалъ къ этой застрявшей двуколкѣ за патронами, не возвращались... Потомъ узналъ я, что двое изъ нихъ по дорогѣ были убиты, а одинъ пропалъ безъ вѣсти...

Взволнованный этой неудачей, я просилъ 107-й полкъ выслать другую двуколку. Кто-то по телефону оттуда обѣщалъ „сдѣлать распоряженіе". Я нетерпѣливо ждалъ и страшно волновался за исходъ обороны. Нѣмцы въ это время усилили свой огонь, а рота стрѣляла рѣдко, и патроны все не прибывали...

Потерявъ терпѣніе и боясь, что изъ-за этого вся оборона моста можетъ „провалиться", я накинулся на своего фельдфебеля, грозя разстрѣлять его, если онъ сейчасъ же не наладитъ до-

ставку патроновъ изъ 107-го полка. И вотъ, старый служака самъ бѣжитъ черезъ мостъ къ западной опушкѣ города, гдѣ былъ 107-й полкъ.

Тамъ, какъ мнѣ потомъ разсказывали троицкіе офицеры, упалъ на колѣни передъ командиромъ баталіона капит. Мартынцомъ и умолялъ, дать скорѣе патронную двуколку, иначе рота погибнетъ! Капитанъ Мартынецъ приказалъ замѣнить убитую лошадь, а двуколку съ патронами дать фельдфебелю Нагулевичу. Такимъ образомъ онъ, лично правя лошадью, привезъ патроны черезъ мостъ, подъ сильнымъ огнемъ противника. Я расцѣловалъ его за этотъ подвигъ!

Быстро пополнены были запасы патроновъ во всѣхъ взводахъ и рота возобновила сильный огонь по атакующему противнику.

Цѣпи противника пытались обойти нашъ правый флангъ, гдѣ деревня, но я сейчасъ же давалъ знать объ этомъ подполковнику Аноеву и его батарея своимъ огнемъ выбивала ихъ каждый разъ оттуда! Вскорѣ дома здѣсь горѣли... Вмѣсто меня на вышкѣ сѣновала корректировалъ теперь огонь батареи поручикъ Зубовичъ.

Труднѣе выбить нѣмцевъ было на лѣвомъ флангѣ, въ глубокой лощинѣ съ кустарниками, недоступной нашему обстрѣлу. Вотъ, именно здѣсь, выдвинутый впередъ своимъ гнѣздомъ, пулеметъ могъ бы защитить мостъ отъ обхода. Я еще разъ пожалѣлъ, что не дали мнѣ пулеметовъ. 8-ая рота 107-го полка, по моей просьбѣ (по телефону) однимъ взводомъ обстрѣливала

эту лощину, но это была стрѣльба на очень большое разстояніе, болѣе 2000 шаговъ.

Во 2-мъ часу дня нѣмцы почему-то сразу прекратили ружейный огонь, ихъ артиллерія тоже замолчала. Въ нашихъ окопахъ послышались громкіе разговоры и даже смѣхъ. Огонь почти прекратился. Но что это?! Я вижу въ бинокль, что противникъ густыми цѣпями и сзади колоннами, двигается на насъ шагомъ, выкинувъ впереди огромный бѣлый флагъ и въ переднихъ цѣпяхъ мелькаютъ бѣлые платки. Кто-то изъ моихъ солдатъ глупо крикнулъ: „они сдаются!“ Но я успѣлъ крикнуть въ окопы: „пачки, начинай!“ и бросился къ телефону, прося батарею открыть огонь. Поруч. Зубовичъ корректировалъ этотъ огонь. Переднія цѣпи съ бѣлыми платками упали и за ними идущія цѣпи были, буквально, скошены и нѣмцы, усѣявъ все поле впереди окоповъ убитыми и ранеными, остановились — залегли... Исчезли бѣлые флаги... и даже огонь они открыли не сразу. Нѣкоторые убитые лежали, а раненые корчились въ шагахъ 300-хъ—200-хъ отъ нашихъ окоповъ...

Какую бурю восторга вызвалъ этотъ успѣхъ въ ротѣ! Какія шутки и смѣхъ послышались изъ устъ солдатъ! Особенно во 2-мъ взводѣ старш. унт. офицера Аѳанасьева. Этотъ богатырь—косая сажень въ плечахъ,—особенно умѣлъ держать въ рукахъ свой взводъ.

Во время боя, когда тяжелые снаряды начали разрушать окопы и появилось много убитыхъ и раненыхъ, испуганные запасные „дяди“—

бородачи начали охать и плакать, какъ дѣти, а нѣкоторые изъ нихъ стали удирать и поползли изъ своего окопа по ходу сообщенія... Двое изъ нихъ приползли ко мнѣ въ окопъ... Когда увидали меня, стали прямо рыдать!..—„Ваше Высокоблагородіе! Ослобоните насъ, увольте! Какіе мы воители! У меня четверо дѣтей! Ослобоните насъ!“ Сначала я бросился на нихъ съ револьверомъ, но потомъ опомнился. Я пристыдилъ ихъ, напомнилъ о присягѣ, указавъ на молодыхъ лѣтами солдатъ —почти дѣтей, мужественно сражавшихся.

Грустно и досадно было видѣть эту картину! Я приказалъ имъ вернуться на свое мѣсто и горнисту сопровождать ихъ.

Командиру 2-го взвода ст. унт.-оф. Аѳанасьеву я послалъ записку, укоряя его за безпорядокъ во взводѣ. И вотъ, какъ потомъ разсказали мнѣ люди его взвода, Аѳанасьевъ, прочитавъ мою записку, освирѣпѣлъ! Кинулся къ одному изъ этихъ храбрецовъ. — „Почему ты, борода, прячешься, ползаешь, срамишь весь взводъ передъ ротнымъ командиромъ, а не стрѣляешь въ нѣмцевъ, с...с...?“ — „Да я не вижу ихъ, господинъ взводный!“ — „Ахъ, не видишь?..“—закричалъ Аѳанасьевъ и тутъ же высоко поднялъ его на своихъ могучихъ рукахъ надъ окопомъ! Нѣмецкія пули быстро засвистали близко... близко... — „Теперь видишь?!“ — „Вижу, вижу, г-нъ взводный“, — отчаянно завопилъ „бородачъ“ и сейчасъ же сталъ стрѣлять не только онъ, но и другіе запасные, у которыхъ были винтовки, взятыя у раненыхъ и убитыхъ солдатъ. Полная дисциплина водворилась во взводѣ! Да,

съ такими чудо-богатырями, какъ унт.-оф. Аѳанасьевъ, можно на войнѣ чудеса творить!

Съ 3-хъ до 5-ти часовъ дня противникъ возобновлялъ яростныя атаки, доходя почти до нашихъ проволочныхъ загражденій, но всѣ атаки были ротой отбиты. Потери нѣмцевъ увеличивались. Мы стрѣляли уже съ постояннымъ прицѣломъ.

Насколько силенъ былъ нашъ огонь на такомъ близкомъ разстояніи, доказываетъ огромное количество разстрѣлянныхъ въ этомъ бою патроновъ (десять патронныхъ двуколокъ: двѣ своего и восемь 107-го полка); деревянныя ствольныя накладки коробились отъ раскаленныхъ стволовъ ружей!

Въ это время поручикъ Зубовичъ замѣтилъ въ бинокль движеніе нѣмецкихъ колоннъ къ сѣверо-востоку во флангъ 25-й дивизіи. Я сейчасъ же сообщилъ объ этомъ 1-ой батареѣ и она очень удачно обстрѣляла эти колонны, совершенно остановивъ ихъ движеніе къ 99-му Ивангородск. полку.

Около 5 ч. дня появился надъ нами нѣмецкій аэропланъ, сталъ кружиться и выбрасывать высоко надъ нами въ синемъ воздухѣ какія то сѣрыя змѣйки, яблочки и т. п. условные знаки, очевидно указывая мѣста расположенія нашихъ окоповъ, моста и нашей артиллеріи. И дѣйствительно, скоро нѣмцы сосредоточили на насъ весь свой огонь. Я сталъ бояться за мостъ: „чемоданы“ разрывались все ближе и ближе къ нему!

Въ это время изъ мостового караула прибѣ-

жалъ ко мнѣ саперный ун.-оф. и доложилъ, что провода изъ камеры для взрыва моста прерваны снарядами и, такимъ образомъ, взорвать мостъ при отходѣ будетъ нельзя. Я потребовалъ къ себѣ штабсъ-капитана Фиттингофа, но унт.-оф. доложилъ, что онъ куда-то ушелъ изъ мостового окопа... Мысль объ измѣнѣ на мгновенье мелькнула у меня въ головѣ („Фиттингофъ—нѣмецъ!" Всѣ мы тогда въ началѣ войны заражены были этимъ подозрѣніемъ), но я ее отбросилъ, сообразивъ, что шт.-кап. Фиттингофъ, вѣроятно, первый замѣтилъ порчу проводовъ и лично принимаетъ мѣры къ исправленію, что потомъ и подтвердилось.

Но все-таки я заволновался. Въ приказѣ начальника дивизіи мнѣ опредѣленно сказано, уходя, взорвать мостъ. Боясь отвѣтственности, я по телефону донесъ начальнику штаба дивизіи полковнику Радусъ-Зенковичу, что мостъ взорвать нельзя. Послѣ доклада начальнику дивизіи объ этомъ, полковникъ Радусъ-Зенковичъ лично по телефону успокоилъ меня, сказавъ, что при отходѣ роты мостъ будетъ разрушенъ огнемъ нашей артиллеріи...

Во время этихъ переговоровъ мнѣ случайно пришлось подслушать разговоры штабныхъ офицеровъ. По адресу моей роты была сказана фраза: „а эта уфимская рота, конечно, обречена въ жертву"... Произнесено это было самымъ благодушнымъ и веселымъ тономъ, а въ этотъ моментъ у меня творился адъ! Окопы снарядами нѣмецкой тяжелой артиллеріи совершенно разру-

шались; земля тряслась отъ взрыва „чемодановъ“; дымъ отъ загорѣвшихся вблизи сараевъ застилалъ глаза; пули жалобно-ласково пищали и пѣли уже надъ самыми окопами, а сверху посыпалъ насъ дождь осколковъ и большихъ „козодуевъ“ шрапнели!.. Число убитыхъ и раненыхъ увеличивалось. Крики и стоны тяжело раненыхъ стояли въ воздухѣ... Но, почему то, на этотъ разъ, они не вызывали у меня состраданія, а только раздражали. Такъ, напримѣръ, одинъ солдатикъ-татаринъ приползъ ко мнѣ въ окопъ и видно сильно мучился отъ своего раненія: пуля попала ему въ спину и застряла гдѣ-то около самаго позвоночника; онъ визжалъ и плакалъ отъ боли, какъ ребенокъ, но я не только равнодушно, но даже съ какой-то досадой смотрѣлъ на него, какъ на какую-то помѣху, и думалъ лишь о томъ, какъ бы еще дольше не пускать нѣмцевъ на мостъ... Сердце мое ожесточилось и вотъ, словно въ наказаніе мнѣ за это, разрывается вблизи бризантный снарядъ и контузитъ меня воздухомъ въ правую половину головы... Въ глазахъ потемнѣло, въ ушахъ—звонъ... Я упалъ и на мгновеніе потерялъ сознаніе...

Когда очнулся, первая мысль была, что все потеряно, бой проигранъ, мы окружены нѣмцами и отрѣзаны. Сейчасъ—плѣнъ... Я подло струсилъ, но... осмотрѣлся, пришелъ въ себя, и вижу: около меня возится поручикъ Зубовичъ, прикладывая къ моей головѣ компрессъ, а фельдшеръ даетъ выпить какое-то лѣкарство. Стало рвать желчью, но послѣ рвоты я сразу почувствовалъ себя луч-

ше. Поруч. Зубовичъ, вѣроятно, чтобы ободрить меня, говоритъ:—„А наша артиллерія прямо чудеса творитъ, въ бинокль видно, что всѣ колонны нѣмцевъ, направлявшіяся къ 25-ой дивизіи, повернули сейчасъ на западъ и скрылись.

— Ну, а мы какъ? Нѣмцы сметутъ насъ?— спрашиваю я, мрачно, съ тревогой.

— А вотъ,—отвѣчаетъ Зубовичъ, — только что я подслушалъ по телефону разговоръ штаба дивизіи со 107-мъ полкомъ и голосъ начальника дивизіи: „а что, неужели Успенскій все еще держится?!“

Какъ только услышалъ я про эту фразу, какую радость и удовлетвореніе я почувствовалъ! Исчезло малодушіе, я совершенно воспрялъ духомъ! Я бодро всталъ и провѣрилъ наличіе людей и количество патроновъ во всѣхъ взводахъ.

Благодаря усиленному огню нѣмцевъ, уже налаженная доставка патроновъ изъ 107-го полка, опять затруднялась.

Чтобы пополнить потери роты (особенно пострадалъ 2-й взводъ унт.-оф. Аѳанасьева), я сталъ просить поддержки у командира 107-го полка и онъ уже приказалъ выслать въ мое распоряженіе одну роту, но въ это время отъ огня нѣмецкой артиллеріи загорѣлись у меня близъ лежащія зданія и сараи, а главное, тяжелымъ снарядомъ сорвало вышку сѣновала вмѣстѣ съ наблюдателемъ на землю, насъ всѣхъ оглушило. — „Убитъ, убитъ!“ закричали солдаты... Но, вотъ, изъ-за столба дыма, пыли, сломанныхъ досокъ и осколковъ показался вольноопредѣляющійся. Солдаты съ хохо-

томъ закричали: — „Живъ, живъ!“ — „Живъ курилка!—отвѣтилъ онъ.—Ваше высокоблагородіе, нѣмцы накапливаются справа у деревни и вдоль по рѣкѣ пробираются къ намъ.

Я бросился къ телефону, но въ этотъ моментъ, взрывомъ другого тяжелаго снаряда, разбиваетъ весь окопъ, гдѣ былъ телефонъ, засыпаются землей оба телефониста, а главное разбивается самъ аппаратъ и, такимъ образомъ, связь со 107-мъ полкомъ и 1-ой батареей — порвана! Не успѣлъ я опомниться, какъ изъ мостового караула прибѣгаетъ подчасокъ и кричитъ мнѣ: „Ваше В—родіе, цѣпь противника пробирается сзади насъ по берегу рѣки къ мосту!“

„Скорѣй откройте тамъ огонь!“ кричу я и въ эту минуту быстро рѣшаю прекратить оборону и отойти за мостъ, чтобы не очутиться безъ патроновъ, отрѣзаннымъ отъ моста и отъ своихъ, и не попасть такимъ образомъ съ ротой въ плѣнъ къ нѣмцамъ.

Планъ отступленія у меня былъ обдуманъ заранѣе.

Я приказалъ 1-му взводу подпр. Карпенко и мостовому караулу у рѣки, оставаясь въ окопахъ, прикрывать огнемъ отходъ роты. Затѣмъ, воспользовавшись дымовой завѣсой отъ загорѣвшихся вблизи домиковъ и сараевъ, рота (три взвода) и команда развѣдчиковъ, по ходамъ сообщенія и вдоль тростниковъ у ручья, подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи, переходитъ черезъ мостъ...

Рѣдкія пули летѣли къ намъ со стороны рѣки, гдѣ нѣмцы по берегу пробирались къ мосту, но сильнаго ружейнаго огня и общей атаки для преслѣдованія насъ—(какъ я ожидалъ и чего опасался) не произошло. Рота накапливаніемъ постепенно собралась на заранѣе намѣченный и укрытый отъ огня, сборный пунктъ, недалеко отъ окоповъ 107-го полка.

Было часовъ 7 вечера. Каждый взводъ привелъ, или принесъ съ собой своихъ раненыхъ.

Пока я выслушивалъ подробные доклады взводныхъ командировъ о дѣйствіяхъ и о потеряхъ въ каждомъ взводѣ, благополучно прибылъ и 1-ый взводъ во главѣ со своимъ героемъ-командиромъ подпрапорщ. Карпенко.

Теперь только, послѣ доклада и разспроса людей 1-го взвода, я понялъ, почему нѣмцы совершенно не преслѣдовали насъ. Оказалось слѣдующее:

Нѣмцы, узнавъ о совершенномъ прекращеніи огня изъ нашихъ окоповъ и, видя горящія зданія позади нихъ, повидимому рѣшили, что русскіе ушли и окопы пустые, и двинулись впередъ къ мосту огромной, безпорядочной толпой.

Карпенко, подпустивъ ихъ совершенно близко, открылъ со своимъ взводомъ въ упоръ имъ сильный пачечный огонь и вся эта толпа, какъ скошенная, полегла, а отчасти разбѣжалась. Продержавъ еще нѣсколько времени огонь, подпр. Карпенко благополучно отошелъ со своимъ взводомъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ на мосту отъ фланговаго огня нѣмцевъ, пробиравшихся все

ближе, вдоль рѣки, къ мосту. Мостовой караулъ у рѣки тоже снялся и присоединился къ его взводу, какъ мною было приказано ему ранѣе.

Собравъ такимъ образомъ всю роту, я въ горячихъ словахъ поблагодарилъ и роту и команду развѣдчиковъ 107-го полка за самоотверженность и храбрость, расцѣловался съ пор. Зубовичемъ и наконецъ добрался съ ними до окоповъ 107-го полка благополучно; а была опасность, чтобы троицкіе въ начавшейся темнотѣ, не открыли огонь по насъ, принявъ насъ за нѣмцевъ, что въ первыхъ бояхъ и бывало (какъ напр. въ концѣ Сталупененскаго боя).

Не могу и сейчасъ забыть, какъ восторженно встрѣтилъ насъ 107-й полкъ: фуражки летѣли вверхъ, офицеры и солдаты кричали намъ изъ своихъ окоповъ: „уфимцы ура! уфимцы молодцы! шестнадцатая—ура“! Это была лучшая для насъ награда! Измученныя, землисто-зеленыя, похудѣвшія за эти сутки лица и воспаленно-горящіе глаза моихъ солдатъ и особенно унт.-офицеровъ, прямо преобразились отъ этой неожиданной похвалы троицкихъ — ближайшихъ свидѣтелей нашего боя съ нѣмцами!

И дѣйствительно, всѣ перипетіи боя за мостомъ имъ были извѣстны, потому что связь со штабомъ дивизіи и съ 1-й батареей 27-й арт. бриг. поддерживалась черезъ 107-й полкъ.

Въ частности ближайшими посредниками и свидѣтелями обороны моста были: участники этого боя — команд. 1-й батар. 27-й артил. бриг. подполковникъ Аноевъ (получившій за этотъ бой

чинъ полковника); 107-го полка: начальникъ команды развѣдчиковъ поручикъ Зубовичъ, получившій за этотъ бой георгіевское золотое оружіе; командиръ 2 го баталіона капитанъ Мартынецъ, поручикъ Хмѣлевскій, пор. Александровъ, командиръ 8-й роты шт.-кап. (фамилію его забылъ) и штаба дивизіи: поруч. Лапекинъ и шт.-кап. (фамилію тоже забылъ).

Какъ только рота влѣзла въ солидные окопы 107-го полка, я по телефону сдѣлалъ докладъ командиру 107-го полка о ходѣ боя, о геройскихъ дѣйствіяхъ команды развѣдчиковъ во главѣ съ поруч. Зубовичемъ, о потеряхъ и о томъ, что дѣлается у нѣмцевъ.

Потери моей роты выразились въ 18 убитыхъ, 28 раненыхъ и 11 безъ вѣсти пропавшихъ. По докладу обо всемъ этомъ начальнику дивизіи, сейчасъ же послѣдовалъ приказъ 27-го августа (ст. ст.) вечеромъ: моста не разрушать, съ разсвѣтомъ 107-му троицкому полку перейти въ наступленіе, 106-му полку поддержать это наступленіе. Но приказъ этотъ, въ виду общей обстановки, былъ замѣненъ новымъ приказомъ: всей 1-ой арміи продолжать отходъ на востокъ!

Стало темнѣть. Артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ не прекращался. Троицкіе офицеры въ своихъ окопахъ напоили меня чаемъ изъ „термоса". Чисто физически я „отошелъ", стало на душѣ легче, спокойнѣе. Чувствовалась удовлетворенность отъ всего пережитаго и даже тихая радость отъ выполненнаго долга... Я отдыхалъ душой... Зарево близкаго пожара освѣщало окопы...

Громкіе раскаты смѣха солдатъ привлекли мое вниманіе. На лужайкѣ, около окоповъ, паслись молодые козелъ и коза и старый козелъ. Какой-то шутникъ-солдатъ завязалъ старому козлу платкомъ глаза, чтобы онъ не мѣшалъ молодому козлу ухаживать за козочкой. Старый козелъ „въ слѣпую" старался мѣшать имъ и дѣлалъ при этомъ уморительные и неудачные прыжки. Солдаты, какъ дѣти, забавлялись этимъ зрѣлищемъ и неудержимо хохотали, совершенно забывъ всякую опасность отъ разрывающихся кругомъ снарядовъ. Таковъ русскій солдатъ!

V.

Отступленіе.

Подъ свистъ летящихъ и грохающихся снарядовъ нѣмецкой артиллеріи, возвращался я въ темнотѣ со своей ротой къ полку. Небольшую часть пути пришлось пройти черезъ г. Алленбургъ. Какое ужасное впечатлѣніе производитъ артиллерійскій огонь въ городѣ, да еще въ темнотѣ!

Съ какимъ трескомъ и гуломъ среди узкихъ улицъ и дворовъ разрываются „чемоданы", гранаты и шрапнель и какимъ дикимъ аккомпаниментомъ этимъ разрывамъ служитъ непрерывный грохотъ и звонъ падающихъ и разсыпающихся каменныхъ стѣнъ и оконныхъ стеколъ, причемъ черезъ пустыя отверстія рамъ и дверей вырывается красными языками огонь горящей внутри обстановки!.. Впечатлѣніе усиливается отъ окружающей темноты и полнаго отсутствія въ городѣ и домахъ людей...

Средневѣковый тихій городокъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ. 700-лѣтняя кирха въ этомъ

бою нѣмецкимъ огнемъ была разрушена, ея высокая стильная колокольня рухнула: нѣмцы предполагали, что здѣсь нашъ наблюдательный пунктъ. Вообще гор. Алленбургъ сильно пострадалъ, исключительно отъ нѣмецкихъ снарядовъ.

Уже была ночь, когда я съ ротою достигъ окоповъ своего полка. Артиллерійскій огонь прекратился. Страшно усталые, измученные и потрясенные боемъ, мы всѣ мечтали сейчасъ объ отдыхѣ и снѣ!..

И какъ же велико было наше разочарованіе, когда мы застали нашъ полкъ спѣшно снимающимся съ позиціи для слѣдованія въ дальнѣйшій „тыловой путь"!

Кратко доложивъ командиру полка о ходѣ боя за Алленбургскимъ мостомъ и о потеряхъ, я со своей ротой вступилъ на свое мѣсто въ походной колоннѣ.

И вотъ, началось настоящее отступленіе!

Нѣмцы, снявъ съ Марны съ французскаго фронта, для спасенія Восточной Пруссіи, 2 свѣжихъ корпуса и отдѣльную кавалерійскую дивизію, разгромили 2-ую Самсоновскую армію (генералъ Самсоновъ застрѣлился) и теперь обрушились на нашу 1-ую армію: обойдя ее со стороны Мазурскихъ озеръ, они главный ударъ нанесли въ бою у Лыка того же 27-го августа. Вотъ, почему наша дивизія, составлявшая арріергардъ, должна была 27-го авг. отступить, чтобы не быть совершенно отрѣзанной.

За эту великую войну я дважды пережилъ этотъ ужасъ и позорный—не скрываю—страхъ,

передъ преслѣдующимъ врагомъ! Вѣдь, я лично видѣлъ въ бою подъ Гумбиненомъ отступленіе нѣмцевъ—Макензеновскаго корпуса! Я зналъ, какія ужасныя потери несетъ отступающій и убитыми, и ранеными, и взятыми въ плѣнъ... и я чувствовалъ, что подлое, мелкое чувство страха передъ преслѣдователемъ, овладѣло всѣми нами, начиная съ высшихъ начальниковъ и кончая послѣднимъ обознымъ рядовымъ!

Чѣмъ дольше длилось это преслѣдованіе, чѣмъ ближе настигалъ насъ врагъ, тѣмъ сильнѣе проявлялся этотъ страхъ: старыя, дисциплинированныя части не шли, а почти бѣжали, не только по шоссе и дорогамъ, а часто и прямо безъ дорогъ!.. Это былъ необыкновенный по быстротѣ и непрерывности (день и ночь) маршъ!

Казалось, вотъ уже ушли отъ артиллерійскаго огня, отъ разрывающихся „чемодановъ" и шрапнели противника, и на время чувство спокойствія внѣдрялось въ насъ, но... вотъ опять надъ нами кружатся нѣмецкіе аэропланы, бросаются съ нихъ бомбы и откуда-то съ фланговъ летитъ и рвется надъ нами шрапнель и гранаты и „такаетъ" нѣмецкій пулеметъ, поливая насъ пулями. Это—нѣмцы на грузовикахъ быстро подвозятъ нѣсколько легкихъ орудій и пулеметовъ, открывая огонь и производятъ у насъ не столько потерь, сколько паники!

Пока развертывается и высылаетъ назадъ цѣпи пѣхотный арріергардъ, пока выѣзжаетъ на позицію наша артиллерія,—нѣмецкіе грузовики съ орудіями быстро скрываются, чтобы выскочить

и загородить дорогу отступающимъ войскамъ гдѣ-нибудь въ другомъ удобномъ мѣстѣ.

Всѣ тѣ города и мѣстечки Вост. Пруссіи, мимо которыхъ при наступленіи шли мы цѣлыхъ 3 недѣли, промелькнули теперь въ теченіи 2—3-хъ дней! Такъ мы быстро отступали!

На одномъ указателѣ дорогъ, среди перекрестка нѣмцы уже успѣли повѣсить плакатъ-карикатуру: отъ размаха огромнаго нѣмецкаго сапога съ чудовищной шпорой, летитъ въ пропасть нашъ генералъ Ренненкампфъ. Было и досадно и стыдно видѣть это!

Погода пасмурная, все время дуетъ сильный вѣтеръ. На душѣ тоже пасмурно... При минутной остановкѣ у Тракененскаго коннаго завода, сирена-вѣтромѣръ жалобно воетъ намъ: слышится въ ея звукахъ не то похоронное пѣніе, не то безотчетный плачъ дѣтей...

За три дня съ 29-го авг. по 1-е сент. нашъ полкъ пережилъ этотъ кошмарный, отступательный маршъ на протяженіи 120 килом. и отъ фортовъ Кенигсберга докатился до Литвы (до р. Нѣмана)!

Наша дивизія шла въ арріергардѣ, но особенно крупныхъ арріергардныхъ боевъ вести не пришлось. Не знаю, чѣмъ объяснить, но нѣмцы дали возможность почти всей 1-ой арміи, что касается строевого состава, уйти благополучно; но зато въ ихъ руки попало большое количество обозовъ и всякихъ складовъ, въ томъ числѣ и цѣлый арсеналъ тѣхъ нѣмецкихъ ружей, кои взяты были нами въ бою подъ Гумбиненомъ.

Когда наша дивизія проходила черезъ Эйдкуненъ, огромный нашъ складъ съ продуктами еще не былъ вывезенъ: горы мясныхъ и молочныхъ консервовъ, сахару, рису, какао и т. п. припасовъ, заготовленныхъ для нашихъ госпиталей, достались нѣмцамъ.

Помню бой подъ Гр. Колпакеномъ (с.-в. Даркемена), гдѣ нѣмцы особенно насѣли на нашъ полкъ, шедшій въ арріергардѣ. Обороняясь, полкъ успѣлъ укрѣпиться въ солидно вырытыхъ окопахъ, на берегу рѣчки, впадающей въ рѣку Ангерапъ. Нѣмецкія цѣпи встрѣчены были сильнымъ огнемъ нашихъ пулеметовъ и ружей. Бой затянулся до вечера, когда отъ артиллерійскаго огня горѣли всѣ близлежащія усадьбы...

Нѣмцы первые начали отходить, но и мы спѣшно свернулись и тоже стали уходить вмѣсто того, чтобы преслѣдовать врага! Всѣ дѣйствія казались сумбурными, противными и тактикѣ и стратегіи! Почти всѣ, и начальники и подчиненные, въ это кошмарное время стали нервными; примѣръ тому—инцидентъ съ капитаномъ Кемпинскимъ (впослѣдствіи застрѣлившимся). Командиръ полка сдѣлалъ ему замѣчаніе, что послѣ боя у Гр. Колпакена его 3-ья рота отходила въ безпорядкѣ...

Капитанъ Кемпинскій схватился за револьверъ и съ крикомъ: „значитъ—я трусъ, я—трусъ?!." тутъ же хотѣлъ застрѣлиться... Насилу его успокоили ближайшіе офицеры и самъ командиръ полка.

Въ бою подъ Гр. Колпакеномъ погибъ доблест-

ный командиръ 107-го троицкаго полка полковн. Трусевичъ. Отъ разрыва гранаты взлетѣвшій комъ земли ударилъ его въ ногу и пробилъ сапогъ: получилась кровавая ссадина на кожѣ. Казалось, такой пустякъ! Но отъ засоренія ссадины землей, произошло зараженіе крови, такъ называемый „столбнякъ"—страшная болѣзнь, и полковникъ Трусевичъ, въ ужасныхъ мученіяхъ (конвульсіи, когда человѣкъ сгибается въ кольцо) скончался, оплаканный своимъ полкомъ. Похороненъ былъ въ Вильно.

Такъ какъ въ это время уже обошли лѣвый флангъ нашей 1-ой арміи съ юга, то отъ Гр. Колпакена полкъ измѣнилъ маршрутъ къ сѣверу на Сталупененъ—Эйдкуненъ. Къ Сталупенену мы подходили темной ночью. Почему-то ожидали здѣсь найти нѣмцевъ, шли со всѣми мѣрами охраненія.

Огромное зарево горящаго города встрѣтило насъ. Я со своей ротой шелъ въ головной заставѣ и первый въѣхалъ въ городъ. Жуткое впечатлѣніе, отъ горящихъ среди темной ночи, домовъ цѣлой улицы, треска падающихъ головешекъ и полнаго отсутствія людей!

Только сзади одного горящаго дома, на высокомъ крыльцѣ, съ изумленіемъ замѣтилъ я сидящую сѣдую старуху-нѣмку. Ея трагически-мрачную фигуру временами освѣщалъ отблескъ пожара... — Что она переживаетъ? — думалъ я. — Гдѣ ея семья? — Почему она осталась? Что будетъ дѣлать старая женщина, одна на пепелищѣ пожара?.. И я, невольно, перенесся мыслью въ Вильно къ своимъ. И моей семьѣ война можетъ

грозить такими же переживаніями! Долго ли будемъ мы отступать? Вѣдь, вотъ уже и граница скоро, а „тыловой“ путь все ведетъ насъ дальше дальше, туда, на свою землю!

Осторожно, почти „перебѣжками“ проходилъ полкъ вдоль этой узкой улицы Сталупенена, подъ летящими горящими головешками и искрами огня, чтобы выйти къ мосту черезъ рѣчку.

Вотъ перешли мы границу. Опять мелькнули мнѣ въ глаза неизмѣнно стоящіе столбы съ нѣмецкими и русскими гербами...

Только, когда подошли мы къ р. Шешупе, преслѣдованіе наконецъ прекратилось; даже перестали мы слышать ненавистное намъ жужжаніе нѣмецкихъ аэроплановъ.

Переправа черезъ р. Шешупе, (понтонный мостъ) въ большомъ количествѣ собравшихся здѣсь войскъ, очень затянулась. Напримѣръ, нашему полку, въ ожиданіи своей очереди, пришлось простоять въ открытомъ полѣ, подъ сильнымъ вѣтромъ и дождемъ, шесть часовъ. Я въ одномъ кителѣ—(свою шинель, при отходѣ, я забылъ въ окопѣ за Алленбургскимъ мостомъ) — сильно промокъ и озябъ и старался согрѣться около своего коня Януса.

Перейдя черезъ Шешупе, укрѣпились на его правомъ, высокомъ берегу, недалеко отъ д. Бартники, построивъ здѣсь солидные окопы, мѣстами съ 2-хъ ярусной обороной. Кругозоръ отсюда былъ великолѣпный, а главное — обстрѣлъ въ сторону противника — очень хорошій.

Простуда на переправѣ черезъ Шешупе и

въ особенности контузія, сказались у меня въ видѣ тупой, головной боли и повышенной температуры. По ночамъ я бредилъ, голова болѣла и все время меня тошнило! Старшій полковой врачъ отправилъ меня въ ближайшій полевой госпиталь въ м. Олиту. Пролежавъ тамъ съ недѣлю, я, передъ отправленіемъ на фронтъ съ разрѣшенія начальника госпиталя, съѣздилъ въ Вильно повидаться съ семьей. Возвращался я на фронтъ вмѣстѣ съ командиромъ 4-го баталіона подполковникомъ Красиковымъ, тоже выздоровѣвшимъ послѣ своего раненія.

VI.

2-ое наступленіе въ Восточную Пруссію.

Окопная война. — Неудачная ночная атака Капсодзе (17-го окт.).

За время моей болѣзни нѣмцы, преслѣдуя 1-ую армію, успѣли мѣстами проникнуть довольно далеко въ Литву, почти до Гродно. Это была съ ихъ стороны грандіозная и рискованная демонстрація, съ цѣлью отвлечь вниманіе и силы русскихъ отъ Варшавскаго фронта. Но они натолкнулись здѣсь на энергичный отпоръ со стороны 10-ой и нашей 1-ой арміи. Генералы Флугъ и Ренненкампфъ искусными маневрами и упорными боями, заставили нѣмцевъ уйти, а мѣстами, почти бѣжать обратно въ Восточную Пруссію. Бои эти проходили въ теченіе сентября и октября.

Вспоминается тотъ прекрасный, сентябрьскій солнечный день, когда мы съ подполковникомъ Красиковымъ подъѣхали на подводѣ къ линіи фронта. Издали видно было, какъ красиво въ

синемъ небѣ въ видѣ свѣтлыхъ облачковъ, рвались снаряды. Мы явились въ окопъ командира полка. Привѣтливо, съ улыбкой встрѣтилъ онъ насъ. —„А я думалъ, что вы дольше будете лѣчиться! Ну, что въ Вильно?“ Я передалъ ему письмо и посылку отъ его семьи. Узналъ про успѣшное продвиженіе опять къ границѣ, послѣ удачнаго боя подъ Красно, гдѣ отличились нашъ и 105-й полки. Въ полку уже многими ротами командовали младшіе офицеры, взамѣнъ убитыхъ или раненыхъ ротныхъ командировъ. Теперь наступленіе пріостановлено и идетъ „окопная война“.

Въ сумерки пробрался я въ окопы своего баталіона и моей роты. Ротѣ я привезъ много табаку, чему чрезвычайно обрадовались мои солдаты, курившіе, за отсутствіемъ махорки, просто траву. Когда наступала полная темнота, солдаты вылѣзали изъ окоповъ размяться, „оправиться“ и т. д. Окопы нѣмцевъ были очень близко. Обидно было, что у насъ строжайше запрещено было разводить въ окопахъ огонь, въ то время, какъ у нѣмцевъ мы видѣли и огни и дымъ.

Словно по взаимному соглашенію, съ темнотой совершенно прекращался ружейный и артиллерійскій огонь. Слышно было, какъ къ нѣмцамъ подъѣзжали полевыя кухни.

Окопы наши были самаго примитивнаго устройства, мѣстами на болотѣ, т. к. окопались тамъ, гдѣ нѣмцы остановили наше наступленіе.

Временно командовавшій моей ротой мл. офицеръ 15-й роты подп. Жукъ, разсказалъ мнѣ о всѣхъ новостяхъ въ полку, о послѣднихъ бояхъ,

о наградахъ и т. д. Фельдфебель Нагулевичъ доложилъ мнѣ подробно о службѣ роты за мое двухнедѣльное отсутствіе, объ убитыхъ и раненыхъ. Оказалось, по счастью, что всѣ унт.-офицеры были живы и налицо, кромѣ подпрапорщ. Карпенко, командированнаго въ штабъ корпуса за запасными, и вольноопредѣляющагося Наумченко, командированнаго въ школу прапорщиковъ: уже чувствовался недостатокъ въ кадровыхъ офицерахъ и принимались мѣры къ замѣщенію ихъ.

Утро было пасмурное. Наша полевая артиллерія первая открыла огонь по висѣвшей высоко за нѣмецкими окопами „колбасѣ"—аэростатѣ съ корзинкой, гдѣ сидѣлъ корректоръ-наблюдатель, дававшій знать своимъ о малѣйшемъ нашемъ движеніи. Видно было, какъ близъ этой „колбасы" на фонѣ темной тучи красиво вспыхивали ватныя облачки нашей шрапнели. Нѣмцы въ отвѣтъ посылали „чемоданы".

Я никогда въ жизни не забуду впечатлѣнія отъ разрыва этихъ „чемодановъ". Сидишь себѣ въ этомъ грязномъ, холодномъ окопѣ. Слышишь гдѣ-то у нѣмцевъ тупой звукъ далекаго выстрѣла, потомъ ухо улавливаетъ звукъ приближающагося снаряда, рѣжущій воздухъ и хрипящій звукъ „хрр-о-о..." гдѣ-то высоко въ небѣ все увеличивающійся, ближе, ближе и все ниже!.. На мгновеніе этотъ звукъ замираетъ... съ нимъ вмѣстѣ замираетъ нашъ слухъ и наше дыханіе... и затѣмъ: „тра-а-ахъ!"—взрывъ! Трясется земля! Духъ захватываетъ отъ сотрясенія воздуха! Видишь огромный столбъ земли, дыма и огня, высоко

поднявшійся къ небу, разрушившій все, что было живого и неживого на мѣстѣ взрыва...

Впечатлѣніе отъ рукъ, ногъ и прочихъ частей человѣческаго тѣла, разбросанныхъ послѣ взрыва этого снаряда — невыносимо для человѣка, оставшагося въ живыхъ. Душу раздирающіе крики и стоны тяжело раненыхъ снарядомъ людей, завершаютъ его страшный эффектъ!

Правда, бывали случаи, когда разрывомъ „чемодана", попавшаго въ окопъ, никто не былъ убитъ, а только потомъ находили иногда нѣсколько людей, засыпанныхъ землей, съ почернѣвшими лицами, причемъ изъ земли торчали только руки и ноги... Ихъ быстро откапывали и приводили въ чувство. Но, вообще, моральное вліяніе на психику бойцовъ отъ этихъ разрывовъ было очень сильное!

Вспоминается по этому поводу одинъ эпизодъ. Штабсъ-капитанъ нашего полка А. И. такъ боялся этихъ разрывовъ, что иногда падалъ въ обморокъ. Одинъ разъ, на ночлегѣ въ хатѣ, гдѣ онъ спалъ, стукнули дверью. Принявъ этотъ стукъ за разрывъ „чемодана", шт.-капитанъ, какъ безумный, вскочилъ съ кровати и опрометью выбѣжалъ изъ хаты и только на дворѣ, увидавъ денщиковъ, мирно поджаривавшихъ себѣ на ужинъ у костра индюка, опомнился.

Но недаромъ онъ такъ боялся, вѣроятно у него было роковое предчувствіе и онъ погибъ, именно, отъ „чемодана!"

Уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ одно морозное раннее утро, когда еще не открытъ былъ огонь,

неожиданно, откуда-то съ фланга нѣмецкихъ окоповъ, раздался одинокій выстрѣлъ, прилетѣлъ „чемоданъ“ и буквально разорвался на несчастномъ шт.-капитанѣ!

Онъ въ этотъ моментъ, высунувшись изъ своего окопа, кричалъ — „разносилъ“ за что-то одного солдата! Всѣ мы были поражены этой смертью!

Роковое предчувствіе сбылось!

Какъ было обидно, что нѣмцы могли насъ прямо „засыпать“ своими снарядами, а у насъ въ первыхъ же бояхъ съ ними не только не было тяжелой артиллеріи, но и легкая—полевая все время „экономила“ снаряды.

Вообще, громадное огневое превосходство было на сторонѣ нѣмцевъ, именно благодаря ихъ болѣе многочисленной артиллеріи. Вотъ, почему мы проигрывали бои въ Восточной Пруссіи подъ Уздау и Бишофсбургомъ (13/26—15/28 августа) и, особенно, въ бою подъ Сольдау 15/28 августа.

Въ этихъ бояхъ, какъ теперь стало извѣстно, и по нѣмецкимъ источникамъ, у нѣмцевъ участвовало число батарей въ 4 раза болѣе, чѣмъ у насъ, напр., въ бою у Бишофсбурга на наши 8 батарей—40 нѣмецкихъ, а въ бою подъ Сольдау на наши 6 батарей—39 нѣмецкихъ!

Началась „окопная“ война. До сихъ поръ мы вели наступательные бои противъ нѣмцевъ, стараясь скорѣе вытѣснить ихъ изъ нашей территоріи. Нѣмцы, упорно сопротивляясь, наконецъ, остановили наше наступленіе. И та и другая сторона на мѣстѣ боя (наша дивизія у м. Капсодзе,

недалеко отъ границы), окопались, зарылись въ землю.

Какое это униженіе для воина, зарыться въ землю! Какая подавленность духа отъ сознанія, что ты обратился въ крота!..

Приказы свыше, продолжать наступленіе „тихой сапой"... мало воодушевляютъ. Малѣйшее наше продвиженіе впередъ ночью, при помощи выкопанныхъ окоповъ, сейчасъ же замѣчалось нѣмцами...

Вновь вырытые окопы съ переползшими туда русскими, съ разсвѣтомъ, буквально засыпались нѣмецкой артиллеріей на такомъ близкомъ разстояніи, съ большими для насъ потерями.

Каждый вечеръ, съ темнотой, посылали мы къ нѣмецкимъ окопамъ развѣдку. Уже было выяснено, что у нѣмцевъ двойные окопы: въ переднихъ окопахъ ночью только полевые караулы по 5—6 чел. отъ роты и пулеметы, а сзади въ окопахъ—полки. Видна забота о сохраненіи силъ для боя! У насъ же—всѣ впереди, всѣ въ напряженіи,—почти никакихъ резервовъ,—нѣтъ заботы о сбереженіи силъ.

Напрягаю память и не могу отличить день отъ дня этого сидѣнья въ окопахъ, такъ однообразно оно было! Подавленность духа вслѣдствіе огневого превосходства нѣмецкой артиллеріи и чувство плѣна... Чуть высунулся—свиститъ пуля, да еще разрывная, вопреки всякой Женевской конвенціи, подписанной нѣмцами! Эта пуля издаетъ двойной звукъ: отъ удара и отъ разрыва, а рана отъ нея ужасная! Наши солдаты, обо-

зленные этимъ, потихоньку отъ начальства, начали спиливать острую пулю, чтобы тупымъ концомъ наносилось большее раненіе!

На одну „очередь“ нашей батареи нѣмцы отвѣчаютъ десятью: шрапнелью и гранатой по нашимъ окопамъ, а „чемоданами“ по резервамъ и штабамъ. Но иногда тяжелый снарядъ попадалъ и къ намъ. Мы научились сразу по звуку узнавать „чемоданъ“, летящій къ намъ, а не въ резервы. Какой бы крѣпости блиндажи мы ни строили для своей защиты, „чемоданъ“ все пробивалъ и воронка послѣ него годилась для помѣщенія 20—30 чел.! Но зато, какой восторгъ и смѣхъ вызывалъ у солдатъ „чемоданъ“, если онъ, ударяясь, „чмокалъ“. Это значило, что онъ почему-то не разорвался, попавъ, напримѣръ, въ болото.

Иногда нѣмцы, буквально засыпавъ насъ снарядами, выходили изъ окоповъ и начинали наступленіе, но каждый разъ мы своимъ огнемъ ружейнымъ и пулеметнымъ (патроновъ для пѣхоты тогда еще не жалѣли) ихъ отбивали...

Съ наступленіемъ ночи огонь прекращался и мы тутъ же, недалеко отъ окоповъ, хоронили своихъ убитыхъ. Невысокій холмъ—братская могила, общая для всѣхъ убитыхъ за день и деревянный, а иногда и можжевеловый крестъ надъ ней! Изъ резерва прибывалъ ночью батюшка съ церковникомъ и отпѣвалъ ихъ въ каждомъ баталіонѣ.

Тихая ночь покрывала все! Кротко мерцающія звѣзды, иногда луна, освѣщали эту скорбную картину! Пѣніе „со святыми упокой рабъ

твоихъ", „ихъ же имена Ты, Господи, вѣси"— (потому что не всегда роты успѣвали дать знать батюшкѣ эти имена)—грустно разносилось въ темнотѣ!.. Каждый изъ насъ, кто слышалъ это пѣніе, думалъ: быть можетъ завтра и моя очередь?..

Въ началѣ октября вернулись въ роту мои младшіе офицеры: изъ госпиталя пор. Бадзенъ и изъ командировки—подпор. Врублевскій.

И вотъ, наконецъ, по соображеніямъ начальства „свыше", 17-го окт. послѣдовалъ приказъ нашей дивизіи, въ ночь на 18 окт. перейти въ наступленіе, въ частности нашему полку дана задача: взять впереди лежащее им. Капсодзе, занятое нѣмцами.

Нужно сказать, что наши окопы отъ нѣмецкихъ раздѣляла рѣчка, протекавшая среди болота. По ночамъ уже были заморозки, но все таки это болото и глубокіе на немъ колодцы—„ямы" не замерзли.

Получивъ этотъ приказъ, полкъ засвѣтло выслалъ впередъ офицерскую развѣдку, намѣтить пути наступленія къ им. Капсодзе въ этомъ болотѣ.

Ночью въ $2^1/_2$ ч. полкъ, соблюдая тишину, вышелъ изъ окоповъ, построился въ штурмовую колонну: 4-й и 3-й баталіоны впереди, въ 4 мъ баталіонѣ головная рота—моя 16-ая. 2-й и 1-й баталіоны во 2-й линіи.

Начальникомъ всей штурмовой колонны полка назначенъ былъ георгіевскій кавалеръ, командиръ 1-го баталіона подполк. Борзинскій. Въ при-

казѣ было сказано, начать наступленіе всей дивизіи ровно въ 3 ч. ночи. Устно передано было, что по сигналу ракетой, наша артиллерія предварительно откроетъ усиленный огонь для подготовки этого штурма. 4-му баталіону, какъ головному, приказано держать связь направо со 107-мъ Троицкимъ полкомъ.

Около 3-хъ час. ночи явился изъ штаба дивизіи подполк. Борзинскій. Провѣрили часы — остается 10 мин. до 3-хъ, а сосѣда справа—107-го полка нѣтъ! Послали туда ординарца. Наконецъ— 3 часа, а никакой ракеты нѣтъ! 10 минутъ 4-го а наша артиллерія — ни звука! Наконецъ, явился посланный изъ 107-го полка и доложилъ, что полкъ застрялъ, потому что командиръ штурмовой колонны подполковникъ N. (фамилію его забылъ) среди болота попалъ въ окошко и утонулъ! Полкъ же скоро выступитъ. Подполк. Борзинскій по телефону узнаетъ отъ командира полка, что подготовка атаки артиллерійскимъ огнемъ отставлена, дабы ночной штурмъ явился для нѣмцевъ неожиданностью.

Команда шопотомъ: „на молитву, шапки долой!“ Всѣ молчаливо молятся.—„Шагомъ маршъ!“ — Темная, темная ночь! Проводники-развѣдчики идутъ впереди, указывая дорогу. Тихо... только шуршитъ мерзлая трава подъ тысячами ногъ... Всѣ команды передаются шопотомъ. Строгій приказъ: „не открывать огня до самаго штыкового удара“, напоминается всѣмъ ротамъ.

Вдругъ — близко, близко одиночный выстрѣлъ и съ жалобнымъ, тонкимъ звукомъ про-

летѣла куда-то пуля! Эхъ! это—нѣмецкій секретъ, лежавшій около нашихъ окоповъ, успѣлъ выстрѣлить, очевидно желая дать знать своимъ объ опасности. И, дѣйствительно, сейчасъ же тревожно забѣгали лучи нѣмецкихъ прожекторовъ, нащупывая врага... а затѣмъ „затакалъ“ и ихъ пулеметъ, но пули летѣли высоко куда-то назадъ...

Инстинктивно все увеличиваемъ шагъ и, слава Богу! Только что спустились внизъ по откосу къ ручью, какъ нѣмцы сразу открыли сильный огонь изъ многихъ пулеметовъ и изъ ружей залпами... Забухали и ихъ пушки... Сзади во 2-ой линіи 1-го и 2-го бат. послышались крики раненыхъ... Рои ружейныхъ и струи пулеметныхъ пуль пронизывали ночной воздухъ своимъ жужжаніемъ и воемъ надъ самыми нашими головами... Жуткое чувство страха, и опасенія, что еще немного ниже возьмутъ нѣмцы траэкторію, и смерть начнетъ косить свои жертвы и въ нашихъ рядахъ...

Мы спускаемся все ниже къ рѣчкѣ... опасность миновала... Проходимъ выше пояса вбродъ рѣчку... Рѣжущій холодъ пронизываетъ все тѣло отъ ледяной воды съ запахомъ гнили и навоза... Потомъ мы узнали, что въ эту рѣчку нѣмцы по ночамъ сбрасывали трупы убитыхъ въ ночныхъ стычкахъ русскихъ развѣдчиковъ... Нѣсколько такихъ разлагающихся труповъ роты 3-го бат. нашли у самой рѣчки. Долго, долго потомъ пахла моя шинель этимъ трупнымъ запахомъ.

Совершенно мокрые, въ хлюпающихъ водою сапогахъ, двигаемся мы впередъ, несмотря на ураганный огонь надъ нашими головами. Всѣ по-

тери убитыми и ранеными несетъ 2-ая линія, неуспѣвшая спуститься къ рѣчкѣ.

Но вотъ, и у насъ начинается подъемъ мѣстности вверхъ отъ рѣчки и сейчасъ же и у насъ убитые и раненые... Крики и стоны тяжело раненыхъ рѣзко нарушаютъ дисциплину молчаливой атаки...

Нѣмцы взяли насъ подъ перекрестный огонь: пулеметы ихъ расположены подковой... Наше наступленіе окончательно остановлено!.. А казалось — цѣль т. е. ихъ окопы уже такъ близко! Неожиданность штурма пропала совершенно...

Ясно слышны ихъ тревожные голоса и команды...

Мы залегли за невысокими кучами, собраннаго для поля удобренія, такъ какъ окопаться въ мерзлой землѣ очень трудно. Пули летятъ уже совершенно низко, нельзя и головы высунуть, но все таки онѣ летятъ выше и дальше туда, гдѣ резервы.

Случайно, за одной мерзлой кучей очутились вмѣстѣ: полк. Борзинскій, я и офицеры 15-ой роты. Набѣжавъ потомъ сзади, поруч. Бадзенъ повалился на насъ съ хохотомъ: „а я всѣхъ васъ давишь!“

— „Гдѣ же троицкіе?“—спрашиваю я полк. Борзинскаго.—„Правый нашъ флангъ открытъ, почему наша артиллерія не отвѣчаетъ на ихъ огонь?“

Полковникъ Борзинскій ругается, что прервана телефонная связь со штабомъ дивизіи, а главное—вся неожиданность атаки пропала: нѣмцы встрѣчаютъ насъ во „всеоружіи“, и скоро начнетъ разсвѣтать...

Немного спустя, полк. Борзинскому удается связаться со штабомъ дивизіи: оказывается, уже полчаса тому назадъ отданъ приказъ „прекратить ночную атаку и вернуться въ свои окопы“. Чувство досады на неудачную и неумѣлую организацію этого штурма заглушается эгоистической, чисто животной радостью: штурмъ отставленъ... Ужасы штыкового боя въ ночной темнотѣ, тревожившіе мое воображеніе, понемногу разсѣиваются.

Но за это малодушіе судьба сейчасъ же наказываетъ: какъ только мы двинулись „въ разсыпную“ назадъ къ своимъ окопамъ, нѣмцы открыли ураганный огонь, словно угадывая въ темнотѣ наше отступленіе... Опять купанье въ вонючей „трупной“ рѣчкѣ, но теперь намъ было не холодно, а даже „жарко“!.. Главныя потери убитыми и ранеными понесли мы буквально „у себя“. Очевидно, нѣмецкіе пулеметы и ружья заранѣе были нацѣлены на линію самыхъ нашихъ окоповъ. „Скорѣй бы открыть противъ нихъ огонь“, мелькаетъ въ головѣ, чтобы не ринулись они сами на нашихъ плечахъ въ атаку!..

Но вотъ, къ счастью, заговорила въ этотъ критическій моментъ наша артиллерія, понеслись милые, родные звуки: „ту-у, ту-у“...

Еще одно усиліе и мы—въ своихъ окопахъ, сейчасъ же открыли сами ружейный огонь — и пора: совсѣмъ разсвѣло. Такимъ образомъ очутились мы въ старой обстановкѣ и возобновилась „окопная война“!.. Словно никакой ночной атаки и не было, а только пригрезилась она въ нашемъ

воображеніи... Но—нѣтъ, это не сонъ! Вотъ, сколько раненыхъ отправляютъ въ тылъ въ полевые госпиталя, а убитые остались лежать тамъ, почти у самыхъ окоповъ противника... Упокой, Господи, ихъ души!

Мы же, оставшіеся живыми, когда утромъ затихъ огонь, переобувались и переодѣвались, потому что были совершенно мокрые послѣ ночного купанья въ вонючей рѣчкѣ. И долго еще пахла моя шинель мертвечиной!..

Только на другой день мы узнали, почему нѣмцы сами не выступили изъ своихъ окоповъ и не преслѣдовали насъ. Оказывается, наши пулеметы, занявъ ночью одинъ домикъ и горку вблизи нѣмецкихъ окоповъ, при попыткахъ нѣмцевъ выступить изъ своихъ окоповъ для преслѣдованія насъ, открыли такой убійственный, почти фланговый огонь, что нѣмцы сейчасъ же спрятались и только, благодаря этому, не ворвались они на нашихъ плечахъ въ наши окопы.

Героемъ этой пулеметной обороны явился пор. Н. Н. Нечаевъ, забравшійся со своимъ пулеметнымъ взводомъ во флангъ нѣмцамъ. Спасая нашъ отходъ своимъ огнемъ, онъ самъ со своими пулеметами едва не попалъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ, цѣлый день отстрѣливался и только вечеромъ, съ темнотой вернулся въ свои окопы, понеся большія потери убитыми и ранеными пулеметчиками.

Черезъ нѣсколько дней получаемъ грозный приказъ командира корпуса генерала Епанчина (бывшій директоръ пажескаго корпуса). Съ ка-

рандашомъ въ рукахъ, чисто ариѳметически подсчитавъ число убитыхъ и раненыхъ въ этой неудачной ночной атакѣ, онъ нашелъ это число недостаточнымъ. „Малочисленность убитыхъ и раненыхъ“, говорилъ приказъ, „доказываетъ, что не было проявлено надлежащей энергіи и упорства въ этомъ бою“, и онъ приказываетъ, завтра, 24 октября, съ разсвѣтомъ возобновить наступленіе и взять во что бы то ни стало позицію Капсодзе. О плохой организаціи и подготовкѣ ночной атаки 17-го окт. въ приказѣ не было ни слова.

Не весело стало на душѣ: если мы не смогли ночнымъ неожиданнымъ штурмомъ взять Капсодзе, то что же мы сдѣлаемъ днемъ?! Нѣмецкая артиллерія и пулеметы своимъ перекрестнымъ огнемъ сметутъ насъ, какъ только мы выйдемъ изъ окоповъ и ступимъ въ это болото. На нашу же артиллерію съ ея „экономіей снарядовъ“ стало мало надежды. Прямо, зеленые (а не блѣдные), бродили мы съ пор. Бадзеномъ ночью по окопамъ, зорко вглядываясь въ нѣмецкую сторону. Не хотѣлось говорить, сонъ улетѣлъ... Мое мрачное настроеніе еще увеличивалось отъ полученнаго въ тотъ день отъ жены письма, съ извѣщеніемъ объ опасной болѣзни (воспаленіе легкихъ) моего младшаго сына Валентина. Мой денщикъ Иванъ подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ въ этотъ день пробрался изъ обоза II-го разряда ко мнѣ въ окопъ (за 15 верстъ!) съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Полное отчаяніе овладѣло мною! Я не могъ въ ту ночь даже и молить-

ся. Я былъ почти увѣренъ, что этотъ бой будетъ проигранъ.

Ротѣ и даже унт.-офицерамъ я нарочно ничего не говорилъ о предстоящей атакѣ; „пусть хоть они выспятся",—думалъ я.

Въ эту ночь, не выдержавъ нервнаго напряженія отъ ожиданія этой атаки, застрѣлился у себя въ окопѣ ком. 3-ой роты капитанъ Кемпинскій.

Въ бинокль видѣлъ я у нѣмцевъ обыкновенные костры и на фонѣ ихъ рѣдкія фигурки часовыхъ.

Передъ разсвѣтомъ, 24-го окт., подняли мы роты. Объяснили имъ задачу. Серьезно и пытливо смотрѣли на меня глаза моихъ унт.-офицеровъ. Чуть разсвѣло, мы выслали впередъ развѣдку, чтобы вслѣдъ за ней начать наступленіе. Я не отрывалъ глазъ отъ бинокля.

Но, что это у нѣмцевъ?! Необыкновенное явленіе: галки и вороны садятся на самые ихъ окопы! Неужели ушли?! И вотъ, смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: развѣдчики моей роты первые дошли до нѣмецкихъ окоповъ, вскочили, пляшутъ на окопахъ и на штыкахъ машутъ мнѣ фуражками! Я бросился къ телефону и донесъ, что окопы нѣмцами оставлены и, что я самъ съ ротой двигаюсь впередъ! За моей ротой двинулись и другія роты... Когда мы подошли къ ихъ проволочнымъ загражденіямъ, то увидали много уже разложившихся труповъ нашихъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ, убитыхъ въ ночной атакѣ (17 окт.) им. Капсодзе. Они лежали въ разныхъ

позахъ, всѣ уже безъ ружей, отобранныхъ у мертвецовъ нѣмцами. Лежали совершенно близко отъ ихъ окоповъ, причемъ нѣкоторые убитые повисли на самыхъ проволочныхъ загражденіяхъ... Страшныя гримасы, ихъ сильно тронутыхъ разложеніемъ, лицъ производили ужасное впечатлѣніе! Воздухъ насыщенъ былъ трупнымъ запахомъ. Я подумалъ: какія невыразимыя мученія претерпѣли эти герои, первыми бросившіеся на окопы врага въ ночной атакѣ, пока смерть не прекратила ихъ страданія! Вѣдь вполнѣ возможно, что нѣмцы подобрали ночью только близъ лежавшихъ и стонавшихъ раненыхъ. Но, почему они не сняли и не похоронили трупы вотъ этихъ мертвецовъ, висящихъ и запутавшихся въ колючей проволокѣ у самыхъ окоповъ?! Вѣроятно для устрашенія насъ живыхъ...

Итакъ, мы двигаемся впередъ. Нѣмцы отступили! Какая это была радость, перейти опять границу и перенести бои на ихъ территорію. Я жадно глоталъ воздухъ, гарцуя на своемъ „Янусѣ" впереди роты.

Тяжелое состояніе нуднаго окопнаго сидѣнья подъ снарядами смѣнилось пріятнымъ сознаніемъ наступленія и свободы!.. Это было чувство непередаваемой радости. Между прочимъ, когда мы подходили къ быв. нѣмецкимъ окопамъ, издали увидали на самой дорогѣ лежащаго здѣсь безъ движенія, нашего солдата. Всѣ мы думали и сожалѣли, что это—убитый. Но, когда рота къ нему приблизилась, „убитый" вдругъ поднялся и,

шатаясь во всѣ стороны, началъ плясать и пѣть! Онъ былъ совершенно пьянъ.

Оказалось, это былъ солдатъ изъ развѣдки. Въ нѣмецкихъ окопахъ онъ набрелъ на цѣлую бутылку съ крѣпкимъ „шнапсомъ...“ Обрадовавшись такой находкѣ, онъ ее всю выпилъ и сразу опьянѣлъ! Вся рота хохотала, что приняли пьянаго за мертваго.

Въ имѣніи N.., гдѣ былъ у нѣмцевъ штабъ корпуса, мы нашли цѣлый складъ подарковъ, одежды и вкусныхъ продуктовъ, присланныхъ изъ „фатерланда“ для офицеровъ и солдатъ... Въ этомъ же имѣніи мы нашли въ одной хатѣ смертельно раненую, красивую молодую дѣвушку-литвинку. Старикъ-отецъ разсказалъ намъ слѣдующее: нѣмецкій унтеръ-офицеръ, изъ отряда у Капсодзе, все время добивался ея любви и вотъ, потерпѣвъ неудачу, въ послѣдній моментъ, когда его рота ночью уже уходила, прибѣжалъ въ хату къ его дочери и съ руганью выстрѣлилъ въ нее!

Скорбная картина умирающей, такой молодой и красивой дѣвушки, взволновала насъ всѣхъ!

Родители ея горько плакали, умоляя нашего полкового врача спасти ее, но, по словамъ доктора,—надежды было мало. Пуля застряла вблизи сердца. Дѣвушку эту, въ сопровожденіи ея отца и фельдшера, отправили въ полевой лазаретъ.

Двинулись дальше на Герритенъ. Съ чувствомъ особой гордости смотрю на пограничные столбы; вотъ и горка съ тремя соснами, свидѣтельницами нашего перваго боя подъ Сталупененомъ.. Казалось, что здѣсь ничего не измѣни-

лось. Только вмѣсто цвѣтущаго лѣта, стоитъ глубокая осень. А сколько пережито, перечувствовано за это короткое время! Какъ часто радость боевыхъ успѣховъ смѣнялась унынiемъ и малодушiемъ отъ нашихъ ошибокъ и потерь!

Вѣдь только сегодня утромъ мы, уфимцы, ожидали пораженiя у Капсодзе, и вотъ, всѣ опасенiя разсѣялись... Кто же выручилъ насъ?! Оказалось, 25-я дивизiя сдѣлала прорывъ, дѣло дошло до штыкового боя, котораго нѣмцы вообще не выдерживали, и они очистили нашу территорiю. Мы ихъ преслѣдуемъ.

VII.

Бой 25 октября у Герритена. Ангерапская позиція.

24-го октября съ ранняго утра наша дивизія, перейдя границу, двигается впередъ въ Восточную Пруссію со всѣми мѣрами охраненія. Не доходя Сталупенена—остановились на ночлегъ. Нашъ 4-й баталіонъ, шедшій въ полковомъ авангардѣ, въ ночь на 25-ое октября, исполняетъ сторожевое охраненіе. И караулы и заставы окопались на случай боя.

Темная ночь. Впереди сіяетъ электричествомъ Сталупененъ. Слышенъ гулъ поѣздовъ. Мы рѣшаемъ вопросъ: что это — привозъ или отвозъ войскъ? У меня мелькаетъ мысль: „а что, если-бы сейчасъ наша артиллерія засыпала снарядами этотъ узелъ сообщенія германской арміи, эту станцію, полную войскъ!?“ Но наше начальство лучше знаетъ, что здѣсь у нѣмцевъ дѣлается и что нужно дѣлать намъ?

На утро наша дивизія двинулась походной колонной въ направленіи на Сталупененъ. Намъ казалось, что повторяется нашъ побѣдный Гум-

биненскій маршъ. Въ усадьбахъ и деревняхъ на нашемъ пути совершенно пусто... Очевидно, нѣмцы продолжаютъ отступать дальше, думалъ я. И вотъ, неожиданно надъ нашей колонной загремѣла шрапнель и гранаты. Противникомъ открытъ съ двухъ сторонъ перекрестный огонь. Полкъ быстро сталъ разворачиваться для боя: 1-й, 2-й и 3-й бат. въ боевую часть, 4-й бат. въ резервъ. Моя рота назначена въ прикрытіе артиллеріи. Вообще, пока дивизія и ея артиллерія заняли свою позицію и открыли огонь, потери убитыми и ранеными были уже большія. Но несмотря на это, полки нашей дивизіи, испытанные въ прежнихъ бояхъ, не растерялись, перешли въ боевой порядокъ. Роты быстро окопались, открыли свой мѣткій огонь и постепенно бой принялъ планомѣрный ходъ. Наша артиллерія на этотъ разъ не жалѣла снарядовъ. Скоро роты стали просить пополненія патроновъ.

Находясь со своей ротой, какъ прикрытіе, около 5-й батареи (подполк. Поповъ), т. е. сзади полка, я лично видѣлъ, какъ наши обозные солдаты — ѣздовые, подъ сильнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, нахлестывая лошадей, лихо подвозили патроны къ самымъ окопамъ. Многіе изъ нихъ при этомъ были убиты или ранены вмѣстѣ съ лошадьми.

Эти нестроевые, обозные солдаты — незамѣтные герои — честно исполнили свой долгъ и обязанности въ бою, жертвуя жизнью, вѣчная имъ память!

Бой разгорался съ перемѣннымъ успѣхомъ,

но неожиданно далеко вдали, со стороны Сталупенена, т. е. съ праваго фланга, показались новыя силы нѣмцевъ. Первый замѣтилъ въ бинокль ихъ появленіе мой фельдфебель и доложилъ мнѣ. Увидавъ, какъ густыя колонны нѣмцевъ двигаются на нашъ правый флангъ, я быстро сообщилъ объ этомъ командиру 5-ой батареи подполк. Попову, а самъ со своей ротой сейчасъ же открылъ огонь по новому направленію съ разными прицѣлами (какъ рекомендуется Наставл. для стрѣльбы)—отъ 1200 до 1700 шаг. по видимымъ даже невооруженнымъ глазомъ, густымъ колоннамъ противника. Въ это же время командиръ 5-ой батареи подполк. А. И. Поповъ половиной своей батареи занялъ новую позицію, въ сторонѣ на горкѣ и скоро открылъ огонь по ясно-видимой цѣли.

Нашъ огонь сталъ наносить нѣмцамъ огромныя потери. Въ бинокль видѣлъ я, какъ нѣмецкія колонны начали таять и, наконецъ, развертываться въ цѣпи, а ихъ артиллерія открыла огонь по нашей 5-ой батареѣ. Въ прикрытіе орудіямъ этой батареи, я послалъ отъ своей роты два взвода подъ командой пор. Бадзена. Взводы эти начали окапываться уже подъ огнемъ нѣмецкой артиллеріи.

Такимъ образомъ нѣмцы продолжали наступленіе не только съ фронта, но и съ обоихъ фланговъ; видимо, мы попали въ мѣшокъ! Особенно страдала отъ ихъ артиллерійскаго огня наша 5-ая батарея. Правда, она нанесла нѣмцамъ огромныя потери, но зато и сама была, бук-

вально, разстрѣляна сосредоточеннымъ огнемъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ батарей — она занимала слишкомъ открытую позицію. Я своими глазами видѣлъ, какъ доблестный командиръ ея подполк. Алекс. Иван. Поповъ, до послѣдняго момента лично корректировалъ огонь, стоя совершенно открыто на батареѣ, пока не былъ убитъ разорвавшимся, буквально на немъ, снарядомъ!

Батарея скоро умолкла. Жуткое и грустное впечатлѣніе производили убитые защитники ея во главѣ со своимъ храбрымъ командиромъ, лежавшіе въ разныхъ позахъ около испорченныхъ орудій. Вѣчная память героямъ!

Нѣмецкія цѣпи, несмотря на мѣткій огонь нашей пѣхоты, приближались, охвативъ насъ уже съ 3-хъ сторонъ. Казалось, самый воздухъ завылъ и запѣлъ отъ тучъ пуль, летѣвшихъ въ наши окопы!

Наша артиллерія подъ превышающимъ огнемъ нѣмецкой тяжелой и полевой артиллеріи (въ этомъ бою, какъ я потомъ узналъ изъ нѣмецкихъ источниковъ,—у нѣмцевъ количество батарей было въ 6 разъ болѣе нашего!) постепенно замолкала...

Но зато наша пѣхота продолжала держать свой убійственный огонь, сдерживая цѣпи нѣмцевъ, почти передъ самыми окопами. Наши силы таяли. Убитыхъ и раненыхъ у меня въ ротѣ было уже очень много. Особенно пострадала полурота —прикрытіе орудій, стрѣлявшихъ по нѣмцамъ во флангъ. Здѣсь былъ вторично и опять въ ногу раненъ поруч. Бадзенъ. Я отправилъ его съ санитаромъ на перевязочный пунктъ.

Между прочимъ, во время этого боя мнѣ пришлось видѣть (въ бинокль), какъ у нѣмцевъ, почти на самомъ фронтѣ, гдѣ рвались наши снаряды, дѣйствовалъ ихъ полевой госпиталь, устроившійся въ огромномъ сараѣ. Я своими глазами видѣлъ, какъ самоотверженно работали ихъ санитары подъ сильнымъ огнемъ, перенося изъ разныхъ мѣстъ боя на носилкахъ раненыхъ...

Невольно, съ горечью сравнивалъ я нашу санитарную помощь—гдѣ она?! Почему во время боя мы ее не видимъ, не чувствуемъ? Почему наши тяжело раненые обречены или на смерть, или на помощь уже только со стороны... врага?! Такъ, напр., всѣ тяжело раненые въ этомъ бою 25 окт. офицеры и солдаты, какъ потомъ выяснилось, попали въ плѣнъ къ нѣмцамъ.

Когда стемнѣло, нѣмецкія цѣпи очутились почти у самыхъ нашихъ окоповъ. Они окопались, не рѣшаясь идти въ атаку. Очевидно, потери у нихъ тоже были огромныя.

Огонь постепенно затихалъ, какъ артиллерійскій, такъ и ружейный. Кругомъ горѣли мѣстныя усадьбы, кое-гдѣ озаряя поле битвы.

Между тѣмъ въ это время, какъ потомъ я узналъ, уже былъ отданъ приказъ о нашемъ отступленіи; всѣ, оставшіяся цѣлыми, орудія были вывезены съ позиціи на рукахъ и всѣ полки нашей дивизіи, кромѣ 108-го Саратовскаго, прикрывавшаго отходъ, не преслѣдуемые нѣмцами, отошли назадъ въ единственную, остававшуюся свободной, сторону къ востоку, т. е. опять въ Россію.

Ожидая атаки нѣмцевъ на батарею, я приказалъ ротѣ поправить свои разрушенные окопы и уже давно послалъ за патронами въ 4-й бат., но мои посланные почему-то не возвращались?! Наконецъ, очень поздно, изъ штаба полка явился солдатъ для связи моей роты, и сообщилъ мнѣ, что весь полкъ уже снялся съ позиціи...

Тихо, крадучись, снялись и мы изъ своихъ окоповъ и отошли, ведя съ собой своихъ раненыхъ. Не скоро догнали мы полкъ въ ночной темнотѣ, пока попали на шоссе, по которому отходили наши.

Почему нѣмцы не преслѣдуютъ насъ? — съ изумленіемъ думалъ я, ведя остатки своей роты.

Наконецъ, я догналъ полкъ на привалѣ у дер. N. Здѣсь же былъ перевязочный пунктъ въ 2-хъ—3-хъ домахъ; около нихъ стояли и подъѣзжали лазаретныя линейки съ тяжело ранеными, стонавшими при переноскѣ ихъ изъ повозокъ въ домъ.

Потери полка въ этомъ бою были огромныя: въ большинствѣ ротъ до половины состава и болѣе.

Замѣчательное совпаденіе: бой 25-го октября происходилъ опять почти на томъ же плацдармѣ, что и бой 4-го августа подъ Сталупененомъ. Опять больше всего изъ всей дивизіи пострадалъ 105-й Оренбургскій полкъ, только что вновь укомплектованный до полнаго состава послѣ пораженія 4-го августа подъ Сталупененомъ! Еще поразительнѣе, что такъ же, какъ и въ первомъ нашемъ бою съ нѣмцами, въ бою 25-го октября побѣди-

телей не оказалось: обѣ стороны послѣ боя отошли назадъ! Узнали мы объ отступленіи нѣмцевъ только на другой день 26-го октября, когда сами мы, по приказу начальника дивизіи генерала Адариди, двинулись вновь впередъ!

Не помню теперь названій тѣхъ мѣстечекъ и деревень Восточной Пруссіи, которыя мы проходили, медленно продвигаясь впередъ со всѣми мѣрами охраненія. Нашъ полкъ шелъ въ авангардѣ. Впереди насъ — развѣдка. Прошли мѣсто вчерашняго боя, усѣянное трупами, и скоро „нащупали" арріергардъ нѣмцевъ. Ненадолго завязалась артиллерійская перестрѣлка. Только, что полкъ изъ резервнаго порядка перешелъ въ боевой, какъ нѣмцы ушли. Послѣдовалъ приказъ, остановиться у дер. N. для ночлега. 1-й баталіонъ назначенъ въ сторожевое охраненіе.

Еще было свѣтло, когда мы, офицеры, цѣлой группой поѣхали верхомъ назадъ, посмотрѣть близкое отсюда поле вчерашняго боя. Передъ моими взорами предстало опять такое же жуткое зрѣлище, какое я видѣлъ 8 августа, послѣ Гумбиненскаго сраженія. Между прочимъ, здѣсь мы отыскали среди убитыхъ 5 нашихъ офицеровъ; въ одномъ изъ окоповъ нашли трупы 8 нашихъ солдатъ, съ колотыми и штыковыми ранами, но тутъ же поблизости лежали убитые и два нѣмца съ такими же ранами. Очевидно, наши герои, при наступленіи перебѣжками, очутились слишкомъ впереди своихъ и, защищаясь въ бою, были всѣ переколоты! Много труповъ убитыхъ, нашихъ и нѣмцевъ, лежало вперемѣшку, между окопами.

Направленіе окоповъ было самое разнообразное, слишкомъ тѣсно сошлись въ этомъ бою сражавшіеся; но общій характеръ расположенія нѣмецкихъ пѣхотныхъ окоповъ и ихъ батарей (въ 6 разъ болѣе числа нашихъ!) указывалъ, что въ этомъ бою наша дивизія попала въ мѣшокъ и только, благодаря своему мѣткому огню, несмотря на громадныя потери, не погибла! А врагъ, понеся огромныя потери, тоже отступилъ съ поля боя. Плѣнныхъ, и вообще трофеевъ, въ этомъ бою мы не взяли.

Въ концѣ октября нашъ III-й арм. корпусъ перечисленъ изъ 1-й арміи въ 10-ую. Нашъ бывшій командующій арміей генералъ Ренненкампфъ получилъ армію въ Варшавскомъ раіонѣ, и нашимъ командующимъ 10-й арміей былъ теперь генералъ Сиверсъ (въ составъ 10-й арміи входили, кромѣ нашего III-го корпуса: XX-й, XXVI и III-й Сибирскій).

Съ 27-го октября по 10-ое ноября мы съ боями продвигались впередъ, понемногу тѣсня арріергарды нѣмцевъ, но на Ангерапской позиціи они остановили нашу дивизію послѣ упорнаго, цѣлый день, боя на линіи Грюнвейшенъ—Плекенъ—Будвейшенъ — Шуткеменъ — Каріоткеменъ. (Для оріентировки рекомендуется карта Восточной Пруссіи, масшт.: 1 : 300000, листъ 55). Нѣкоторыя деревни переходили здѣсь изъ рукъ въ руки. Уличные бои затянулись до ночи, когда горящіе дома своимъ заревомъ освѣщали уже много убитыхъ съ обѣихъ сторонъ. Расположеніе сторонъ было неравное: нѣмцы укрѣпились на

заранѣе подготовленной, сильной позиціи, у р. Ангерапъ, съ богатымъ обстрѣломъ въ нашу сторону, а намъ пришлось окопаться ниже и мѣстами даже на болотѣ, поэтому мы несли большія потери убитыми и ранеными. Особенно невыгодную позицію занялъ въ послѣднемъ бою 107-й Троицкій полкъ. Одинъ баталіонъ этого полка буквально очутился подъ нѣмецкими окопами, разстояніе до нихъ было отъ 150-ти до 200 шаговъ. Благодаря этому, потери, которыя несъ 107-й полкъ— на этомъ участкѣ, были огромныя. Новый начальникъ 27-й пѣх. дивизіи ген.-лейтенантъ Джонсонъ (назначенный взамѣнъ переведеннаго въ Штабъ Глав. Ком. фронтомъ генер.-лейт. Адариди) разрѣшилъ этому баталіону отойти назадъ на болѣе выгодную позицію, но полкъ самъ, изъ чувства воинскаго самолюбія, не захотѣлъ сдать нѣмцамъ эту, добытую съ такимъ трудомъ, хотя и невыгодную, позицію и продолжалъ защищать ее, неся потери... Тогда начальникъ дивизіи приказалъ этотъ опасный баталіонный участокъ 107-го полка, держать понедѣльно, по очереди всѣмъ 4-мъ полкамъ дивизіи.

Въ окопной войнѣ это былъ самый тяжелый нарядъ. „Участокъ смерти", прозвали мы его, потому что каждыя сутки убитыхъ здѣсь было 5—10 человѣкъ. Особенно тяжелъ и опасенъ былъ моментъ смѣны баталіона. Нѣмцы подстерегали этотъ моментъ и ночью... Открывали усиленный огонь по смѣняющимся частямъ. Къ несчастью, подходъ къ этому участку былъ не совсѣмъ закрытый, въ одномъ мѣстѣ нужно было перебѣгать черезъ

небольшую горку. Выбирали для смѣны нарочно разные часы ночью. Особенно трудно было перебѣжать эту горку при лунѣ... Когда же выпалъ снѣгъ, наши цѣпи, перебѣгающія къ окопамъ, — стали еще замѣтнѣе и каждая смѣна сопровождалась убитыми и ранеными. Потомъ уже прислали намъ изъ „тыла“ бѣлые „саваны“— халаты и мы, надѣвъ ихъ на себя, какъ привидѣнія, мелькали незамѣтно на фонѣ снѣга, перебѣгая эту горку!

Бывало, духъ захватываетъ отъ волненія и опасенія за роту во время этой перебѣжки. Иногда малѣйшій, неосторожный звукъ въ этотъ моментъ навлекалъ на насъ ихъ усиленный огонь. Успокаиваешься только послѣ того, какъ вся рота влѣзетъ въ окопы... Это тяжелое, нудное чувство при смѣнѣ одинаково переживалъ и баталіонъ, уходящій изъ „участка смерти“. Радость смѣны отсюда чувствовалась только послѣ благополучной перебѣжки черезъ горку.

Между прочимъ, въ окопахъ одной изъ ротъ „участка смерти“ оказался каменный погребъ, съ желѣзо-бетонной стѣнкой, непробиваемой пулями. Нѣмцы все время изъ пулемета стрѣляли по этой стѣнкѣ и въ погребѣ слышенъ былъ веселый звукъ падающаго гороха.

Въ этомъ погребѣ, при смѣнѣ баталіоновъ одного полка другимъ, офицеры сходились для сдачи и пріема участка. Здѣсь мы дѣлились впечатлѣніями окопной войны, новостями на нашемъ

и западномъ фронтахъ. Главное, что насъ тогда больше всего интересовало и волновало: „скоро ли окончится война и кто будетъ побѣдителемъ?“ Мнѣнія были самыя разнообразныя... Кто-то въ этомъ погребѣ, посерединѣ на столбѣ повѣсилъ тетрадь съ карандашомъ, въ которую каждый офицеръ, побывавшій на „участкѣ смерти“, вносилъ свои мысли, афоризмы и даже стихи о войнѣ и ея конечномъ результатѣ... Подъ вліяніемъ ужасныхъ потерь убитыми и ранеными на этомъ участкѣ и подъ впечатлѣніемъ побѣдъ Германіи на западномъ (франц.) фронтѣ, настроеніе большинства офицеровъ было мрачное. Многіе изъ офицеровъ считали, что окончательно побѣдятъ нѣмцы и продиктуютъ самыя тяжелыя условія... Только поручикъ нашего полка Н. Н. Нечаевъ, павшій потомъ въ бою смертью храбрыхъ, написалъ въ этой тетради слова Галилея: „а все таки вертится!“ Его предсказаніе, вложенное въ эту знаменитую короткую фразу — сбылось и, вопреки всѣмъ другимъ предсказаніямъ, нѣмцы, хотя и не скоро, но все же были побѣждены!

Особенно трудно было на „участкѣ смерти“ доставать воду. Колодезь-помпа находился на самой линіи нашихъ окоповъ. Воду доставали изъ него, качая помпу ночью; но нѣмцы, услышавъ звуки помпы, открывали огонь изъ пулемета, убивали и ранили качавшихъ воду людей! И вотъ, тогда одинъ нашъ смѣтливый солдатикъ перехитрилъ нѣмца! Сдѣлавъ изъ полѣна маленькій рычажокъ, прикрѣпилъ его къ ручкѣ помпы, привязалъ къ рычажку длинную веревку, конецъ ко-

торой протянулъ къ себѣ въ окопъ. И вотъ, ночью началъ, дергая за веревку, качать-стучать помпой. Нѣмцы сейчасъ же стали стрѣлять изъ пулемета по колодцу, подъ общій хохотъ нашихъ солдатъ въ окопахъ... Помпа стучитъ—качается, нѣмецкій пулеметъ по ней стрѣляетъ, а въ русскихъ окопахъ такой оглушительный хохотъ, что слышно за пару верстъ! Наконецъ, нѣмцы догадались, что русскіе ихъ дурачатъ, и совершенно перестали стрѣлять на звукъ помпы. Такъ остроумно была обезпечена вода для обитателей этихъ окоповъ!

Часто наша развѣдка ночью встрѣчалась съ нѣмецкой въ нейтральной полосѣ между окопами и тогда начиналась такая перестрѣлка, что мы,—вѣроятно и нѣмцы,—сидя въ окопахъ, принимали эту стрѣльбу за наступленіе, открывали сначала ружейный и пулеметный огонь, а потомъ и артиллерійскій... Получался настоящій ночной бой!.. Вспышки отъ разрыва снарядовъ, падавшихъ въ наши окопы въ ночной темнотѣ, были особенно ярки и эффектны. Но, вотъ, бѣгающіе лучи нѣмецкихъ прожекторовъ (у насъ ихъ тогда еще не было) освѣщаютъ все пространство между окопами; къ тому же возвращаются уцѣлѣвшіе развѣдчики съ докладомъ; обстановка выясняется и стрѣльба понемногу утихаетъ. До утра мы всѣ въ своихъ окопахъ понемногу успокаиваемся, а въ нейтральной полосѣ между окопами лежатъ тѣ, которые „успокоились“ уже на-вѣки!..

Верхомъ торжества каждаго развѣдчика было

захватить плѣннаго нѣмца, за что давался солдатскій Георгій, но также хорошо награждались, добывшіе оружіе, снаряженіе и т. п.

Нѣмецкая развѣдка, по крайней мѣрѣ на участкѣ нашей дивизіи, была очень дерзка. Былъ случай, когда нѣмцы захватили въ одной ротѣ пулеметъ и еще взяли въ плѣнъ 10 солдатъ! Это случилось въ 107-мъ Троицкомъ полку. Съ вечера нѣмецкіе развѣдчики были встрѣчены огнемъ этой роты и, казалось, (какъ потомъ мнѣ разсказывалъ офицеръ 107-го полка), были разсѣяны... На самомъ же дѣлѣ нѣмцы не ушли, а притаились въ ямахъ у самыхъ окоповъ и, глубокой ночью, когда часовые этой роты, очевидно, задремали, они тихо проникли въ пулеметный окопъ, закололи схватившагося за револьверъ полусоннаго офицера-прапорщика и 4-хъ солдатъ и увели въ плѣнъ 10 человѣкъ вмѣстѣ съ пулеметомъ! Все это они продѣлали въ такой тишинѣ и съ такой быстротой, что, когда эта рота поднялась, и открыла огонь, — они уже скрылись въ ночной темнотѣ! Скандалъ получился на всю дивизію! Послѣдовали приказы о преданіи виновныхъ полевому суду, но и сейчасъ же намъ были присланы съ тыла прожекторы и прибыли саперы съ матеріаломъ для устройства передъ окопами настоящихъ проволочныхъ загражденій.

Между тѣмъ, насталъ декабрь мѣсяцъ и морозы усиливались. Мы очень страдали въ окопахъ отъ холода: походныхъ печекъ намъ не присылали; валенокъ и полушубковъ на всю роту не

хватало. Чтобы согрѣться, нѣкоторыя роты съ темнотой, когда прекращался огонь, вылѣзали съ оружіемъ изъ своихъ окоповъ, обезпечивъ себя, высланной впередъ развѣдкой и заходили грѣться въ хаты впереди окоповъ, гдѣ разводили огонь въ плитѣ, ужинали,—вѣрнѣе обѣдали,—и согрѣвались... Но какъ только наша развѣдка впереди сталкивалась съ нѣмецкой и начиналась перестрѣлка, такія роты спѣшно возвращались въ свои холодные окопы.

Благодаря печальному случаю въ 107-мъ полку, бдительность ротъ въ передовыхъ окопахъ усилилась! На проволочныя загражденія стали вѣшать самодѣльные колокольчики, жестяныя банки отъ консервовъ и т. п., чтобы они своимъ звукомъ, при прикосновеніи къ проволокѣ, выдавали противника.

Наконецъ, прислали намъ долгожданныя, ручныя гранаты и наша развѣдка стала смѣлѣе ночью забираться въ тылъ нѣмцевъ, гдѣ окопы не были непрерывными, атаковывать отдѣльныя хаты съ ихъ караулами и резервами и даже приводить съ собой плѣнныхъ нѣмцевъ.

Первымъ организаторомъ этихъ смѣлыхъ ночныхъ набѣговъ въ нашей дивизіи былъ 108-го Саратовскаго полка подполк. Алекс. Никиф. Писчиковъ, впослѣдствіи убитый въ бою, уже въ 1915 г.

Кромѣ „участка смерти“ полки по очереди высылали на сутки одинъ баталіонъ на правый флангъ нашего 3-го корпуса для усиленія участка,

занятаго 3-й кавалер. дивизіей. Это былъ самый спокойный участокъ, окопы противника были далеко и въ вырытыхъ здѣсь окопахъ даже разрѣшалось разводить огонь.

Иногда высшее командованіе мѣняло позиціи между цѣлыми дивизіями (на дивизію здѣсь приходилось въ то время по фронту верстъ 8—10) и иногда, осторожно вылѣзая ночью изъ надоѣвшихъ намъ окоповъ, мы маневрировали, проходя въ тылу иногда верстъ 30, для перехода на участокъ другой дивизіи. Я опять садился на своего любимаго „Януса", который удивительно раздобрѣлъ отъ спокойной жизни и обросъ темной, красивой шерстью. Всѣ нѣмецкія селенія и усадьбы, гдѣ мы проходили, были совершенно пусты, а нѣкоторыя, мѣстами, сожжены и разрушены артиллерійскимъ огнемъ и производили на меня грустное впечатлѣніе. Еще печальнѣе становилось на душѣ при видѣ брошенной мирной, уютной обстановки въ нѣкоторыхъ домахъ. Вотъ — гостиная съ красивой мебелью, цвѣтами и піанино... Вотъ — библія на столѣ и тутъ же высокое кожаное кресло, на столѣ забытыя очки... Вотъ — дѣтская: книжки, игрушки и двѣ пустыя кроватки... Мирная, тихая жизнь прервана... Какое зло — война!

Во время этихъ маленькихъ походовъ, наша полковая семья опять собиралась вмѣстѣ... Послѣ долгой разлуки въ окопахъ, мы офицеры, на этомъ походѣ, могли во время приваловъ обмѣниваться разговорами, впечатлѣніями, новостями и т. д.

На моментъ даже казалось, что это не война, а обыкновенные зимніе маневры... Но... вотъ, гудитъ надъ нами нѣмецкій аэропланъ; вотъ, около него появляются красивыя, ватныя облачки разрывовъ снарядовъ нашей артиллеріи... Аэропланъ, удирая отъ нихъ, успѣваетъ сбросить надъ нами 2—3 бомбы... Опять убитые! Кровь на снѣгу — крики и стоны раненыхъ! Да, несомнѣнно — это жестокая война, а не мирные маневры!

VIII.

Въ дивизіонномъ резервѣ. Бой у Скроблиненской рощи. Рождество Христово въ окопахъ. Встрѣча Новаго Года.

5-го декабря нашъ полкъ попалъ въ дивизіонный резервъ, расположенный верстахъ въ 5—6 отъ линіи фронта. Сюда залетали только нѣмецкіе „чемоданы“ и то рѣдко. Болѣе частыми гостями были аэропланы, съ которыхъ нѣмцы сбрасывали бомбы.

Въ сумеркахъ подъѣзжалъ сюда къ намъ нашъ обозъ 1-го разряда съ солдатскими и офицерской походными кухнями. Здѣсь солдаты получали горячій обѣдъ и ужинъ прямо изъ походныхъ кухонь. На фронтѣ же получали только обѣдъ и офицеры и солдаты, когда совершенно стемнѣетъ и прекратится огонь и подносили въ окопы пищу въ бакахъ и ведрахъ, всегда полуостывшую... Привезли офицерскіе походные че-

моданы-кровати и кухню-буфетъ. Въ одномъ домѣ, при штабѣ полка, была устроена офицерская столовая, гдѣ мы первый разъ сѣли всѣ за столъ... Уже мечтали послѣ горячаго обѣда, на ночь помыться, перемѣнить бѣлье и лечь въ свои походныя кровати, какъ наше „сибаритство" было прервано. Полученъ приказъ начальника дивизіи: полку утромъ выступить въ направленіи Даркеменъ и занять позицію южнѣе лѣваго фланга нашего 3-го корпуса въ раіонѣ 20-го корпуса, гдѣ ожидается атака и прорывъ нѣмцевъ и откуда сейчасъ чуть слышно доносилась канонада.

Командиръ полка приказалъ всѣмъ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ собраться въ штабѣ полка къ 8 ч. веч. для полученія подробной диспозиціи для предстоящаго наступленія и боя, а до этого получить въ хозяйств. части и раздать офицерамъ и солдатамъ письма изъ Россіи.

Было 4 ч. веч., когда я и командиръ 15-ой роты шт.-капитанъ Л. И. Кирилловъ отправились отсюда (т. е. изъ офицерской столовой при штабѣ полка) въ хозяйствен. часть въ деревню—верстахъ въ двухъ отъ штаба полка. Подходя къ этой деревнѣ по шоссе, мы замѣтили три сосны на холмѣ у самой деревни, какъ оріентировочный пунктъ. Въ хозяйственной части получили свои и солдатскія письма, сдали таковыя же, написанныя въ окопахъ для отправленія въ Россію; кромѣ того, ввиду предстоящаго боя, сдали казначею на храненіе бывшія у насъ на рукахъ казенныя деньги (авансы) и, узнавъ всѣ

тыловыя новости отъ хоз. чиновъ, отправились обратно въ штабъ полка.

Была лунная ночь, морозило сильнѣе. Выходя изъ деревни, мы отыскали своимъ взоромъ 3 сосны, какъ намъ показалось, тѣ самыя 3 сосны, что замѣчены были нами при входѣ въ деревню... Увлеченные разговоромъ, оживленно дѣлясь между собой полученными въ письмахъ изъ дому новостями, мы быстро подвигались — какъ намъ казалось—къ штабу полка... Но, вотъ я первый удивился, что мы прошли по времени уже не двѣ, а добрыхъ четыре версты, а деревни, гдѣ былъ штабъ полка — не видно. Совершенно незнакомая мѣстность!.. Шт.-кап. Кирилловъ обратилъ мое вниманіе на 3 сосны, далеко виднѣвшіяся въ другой сторонѣ, чѣмъ откуда мы пришли. — „Вѣдь вотъ гдѣ нашъ оріентировочный пунктъ", согласился и я.—„Идемъ къ этимъ соснамъ, Леонидъ Ивановичъ, чтобы не заблудиться"... и мы пошли. И пошли опять въ противоположную сторону отъ мѣста штаба полка... потому что это были, какъ мы потомъ сообразили, совершенно другія три сосны, но тоже на холмѣ и при шоссе!..

Ночью, хотя это была лунная, свѣтлая ночь —мѣстность съ этими 3-мя соснами (а этихъ холмовъ съ соснами было нѣсколько) казалась намъ удивительно однообразною... Отъ этого холма съ 3-мя соснами мы направились опять въ сторону полка... Прошли опять верстъ 5 и остановились. Сначала смѣшно намъ стало, что мы, какъ пошехонцы, въ 3-хъ соснахъ заблудились! Но что

дѣлать дальше? Кругомъ тишина и не видно никакихъ построекъ. Рѣшили наконецъ идти на западъ (оріентируясь по компасу), такъ какъ штабъ полка отъ этой мѣстности расположенъ на западъ и намъ уже казалось, что мы попали на то шоссе, по которому мы шли въ хозяйствен. часть... Нервничая и досадуя, мы невольно ускоряли шаги... долго шли и, вдругъ, слышимъ отдаленные звуки ружейной стрѣльбы съ той стороны, куда мы идемъ! Линія фронта!! Изумленные нашей ошибкой, мы возвращаемся назадъ. Утомленіе, досада и отчаяніе овладѣваютъ нами. Я взглянулъ на свои часы: скоро—полночь! Бродя такимъ образомъ, судя по времени, мы сдѣлали не менѣе 20 верстъ! Одѣты мы были не для похода, по окопному: оба въ полушубкахъ! Пройдя обратно верстъ 5 на востокъ, въ сторонѣ отъ шоссе, мы замѣтили вдали усадьбу и, какъ намъ показалось, тамъ мелькнулъ огонекъ. Мы свернули туда. Глубокая лощина, покрытая снѣгомъ и въ ней три уютныхъ домика. Шт.-кап. Кирилловъ предлагаетъ дождаться здѣсь разсвѣта, но когда мы подошли къ усадьбѣ ближе, то увидали здѣсь пустоту и полное разрушеніе: двери и окна выбиты, мебель внутри домовъ и на дворѣ валяется вся разбитая, патронныя гильзы и окровавленные, грязные куски марли и ваты на полу и вездѣ отвратительный запахъ карболки, копоти и еще чего-то нежилого, бросился намъ въ носъ... Мы спѣшно выбрались изъ этой лощины опять на шоссе. Когда мы оглянулись назадъ, то замѣтили, что по лощинѣ скачками бѣжитъ отъ усадь-

бы въ лѣсъ огромный волкъ съ его хвостомъ-полѣномъ... Не его ли феерическій блескъ глазъ приняли мы издали за огонекъ въ этой усадьбѣ?.. —„Хорошо, что мы ушли оттуда“, сказалъ шт.-кап. Кирилловъ.

Прошли еще верстъ 5 по шоссе на востокъ. Досада и отчаяніе все больше овладѣвали нами: вѣдь рано утромъ полку назначено выступленіе, вѣдь завтра бой, а гдѣ мы?! Что подумаетъ про наше исчезновеніе передъ самымъ боемъ командиръ полка?! Наконецъ мы замѣтили вдали перекрестокъ 3-хъ шоссе. Шт.-кап. Кирилловъ отправился впередъ посмотрѣть—нѣтъ ли тамъ указателя дорогъ, а я, изнуренный и совершенно мокрый отъ похода въ тепломъ полушубкѣ, присѣлъ на камень, раздумывая, что дѣлать?

И вотъ, въ эти минуты моего малодушія и полной безпомощности, я внезапно вспомнилъ о Небесной помощи! Вообще послѣ 1-го же боя и дальше на войнѣ, я сдѣлался глубоко вѣрующимъ. Маленькій шейный мѣдный образочекъ Святителя Николая Чудотворца, я недавно взялъ изъ числа деревенскихъ подарковъ, присланныхъ моей ротѣ, и надѣлъ на себя. Почему-то въ этотъ тяжелый моментъ моего отчаянія я вспомнилъ этого Святителя, Покровителя и Спасателя всѣхъ путешествующихъ и заблудившихся, и началъ горячо, прямо со слезами, молиться и взывать къ Нему о помощи!.. И вотъ, вижу замелькалъ гдѣ-то вдали огонекъ электрическаго фонарика, несомнѣнно шелъ какой-то человѣкъ. Я вскочилъ и закричалъ: „Кто тамъ, стой! стой! Кто это?“ И... о,

радость! Это оказался каптенармусъ 14-ой роты! Онъ подошелъ къ намъ ближе. „Куда идешь?“ спрашиваю я. „Къ себѣ въ роту несу наушники изъ хоз. части, в. в—діе.“ Я чуть не расцѣловалъ его... Подбѣжалъ и повеселѣвшій шт.-кап. Кирилловъ и мы всѣ трое вернулись въ раіонъ полка.

Было почти 2 часа ночи, когда мы съ шт.-кап. Кирилловымъ вошли въ ту хату, гдѣ ночевали офицеры 4-го баталіона; прочитали приказъ о наступленіи и, наконецъ, легли отдыхать. И вотъ, только теперь я внезапно вспомнилъ и понялъ, что Святитель Николай Чудотворецъ услышалъ мою горячую молитву! Вѣдь, это онъ спасъ насъ заблудившихся и избавилъ, быть можетъ, отъ великихъ скорбей. Умиленный и благодарный помолился я Богу и сладко заснулъ.

Въ 7 ч. утра 6-го дек. полкъ выступилъ изъ мѣста дивизіоннаго резерва и походнымъ порядкомъ, съ мѣрами охраненія, идя все время въ тылу вдоль фронта, прибылъ къ ночи на новую позицію въ раіонѣ 20-го армейскаго корпуса (той же 10-ой арміи). Здѣсь мы узнали, что и вся наша 27-ая дивизія съ артиллеріей, кромѣ 107-го Троицкаго полка и 2-хъ баталіоновъ 105-го Оренбургскаго полка, прибыла сюда, заняла позицію вдоль р. Ангерапъ и вошла въ составъ XX-го армейскаго корпуса. Кромѣ нашей 27-ой дивизіи въ составъ его входили, южнѣе насъ влѣво: 29-ая пѣх. дивизія ген.-лейтен. Розеншильдъ-Паулина, фронтомъ вдоль р. Ангерапъ противъ г. Даркемена, дальше—53-я пѣх. дивизія ген.-лейт. Федорова и еще южнѣе—28-я пѣх. дивизія ген.-лейт.

Лашкевича. Полки имѣли тогда по 3000 штыковъ, но въ виду отправленія многихъ частей на польскій фронтъ, 10-ая армія была къ этому времени ослаблена настолько, что на каждый полкъ приходилось не менѣе 4—5 верстъ по фронту (см. карту В—Пр. 1:3000000, лист. 55)!

Окопы были не непрерывные, очень слабые —и проволочныя загражденія никуда негодныя, а главное—позиціи наши и здѣсь шли по открытымъ, низменнымъ и болотистымъ мѣстамъ. Ходы сообщенія между окопами были вырыты неглубоко, мѣстами приходилось прямо ползти по нимъ, чтобы не быть подстрѣленными нѣмцами, а углублять замерзшую землю было очень трудно.

Нѣмцы, занимая сильно укрѣпленную, командующую позицію за рѣкой Ангерапъ, почти вездѣ могли насъ хорошо обстрѣливать. Поэтому настроеніе у насъ было плохое: сознаніе, что нѣмцы во всякій моментъ могутъ прорвать нашъ жидкій фронтъ (почти безъ всякихъ резервовъ), подавляло духъ.

Также и здѣсь, какъ и на правомъ флангѣ 10-ой арміи, согласно приказа командующаго арміей, мы должны были продвигаться впередъ „тихой сапой"; также по ночамъ высылались къ нѣмецкимъ окопамъ развѣдчики, и сборныя команды храбрецовъ пробирались въ ихъ тылъ, теряя своихъ убитыми и ранеными и захватывая плѣнныхъ. Попавшіе въ плѣнъ нѣмецкіе поляки откровенно сообщали намъ свѣдѣнія о положеніи ихъ фронта, о передвиженіи ихъ войскъ и т. п.

Нашъ 4-й бат. занималъ опушку Скробли-

ненской рощи (къ с.-в. отъ Катеринкенъ). Когда нѣмцы открывали по нашимъ окопамъ огонь, сильный гулъ и трескъ стоялъ въ этой рощѣ отъ срѣзаемыхъ снарядами падающихъ деревьевъ, а разрывныя пули, которыми нѣмцы здѣсь часто стрѣляли, попадая въ деревья, издавали двойной пистолетный звукъ. Раны отъ этихъ пуль были ужасныя!

Жизнь наша въ окопахъ была однообразно-тягостная. Самые тяжелые часы были отъ 10 утра до сумерекъ. Въ это время нѣмцы засыпали насъ артиллерійскимъ огнемъ, не жалѣя снарядовъ. Наша артиллерія обидно мало стрѣляла. Сосѣдъ — командиръ батареи лично показывалъ мнѣ приказъ командира артиллерійской бригады, не тратить болѣе 3-хъ снарядовъ на орудіе въ сутки, подъ угрозой смѣщенія съ должности!

Однажды наша резервная рота соорудила для себя и своихъ офицеровъ новый, основательный блиндажъ. Ночью спилили большія деревья въ Гроссгиренской рощѣ; другой ночью изъ этихъ толстыхъ бревенъ устроили въ два ряда настилку-потолокъ въ окопѣ. Получился, казалось, непробиваемый покровъ. Между тѣмъ нѣмцы замѣтили эту постройку. На утро, когда въ новомъ убѣжищѣ компанія офицеровъ играла въ карты, глухо, гдѣ-то у нѣмцевъ раздался выстрѣлъ, послышался харкающій, рѣжущій воздухъ, звукъ „чемодана", хр-р-р... и все усиливаясь, разорвался онъ въ двадцати шагахъ сзади за новымъ окопомъ, сотрясая землю и оглушивъ всѣхъ своимъ взрывомъ!

Офицеры въ моментъ взрыва бросили игру... Но, когда узнали, что снарядъ разорвался „въ пустую“, т. е. никого не убило и не ранило, игру сейчасъ же продолжали... Но, вотъ летитъ новый „чемоданъ“! Офицеры по его звуку слышатъ, что онъ направляется опять сюда... Всѣ, блѣдные, молча оторвались отъ картъ и затаили дыханіе... „Трр-ахъ!“ Страшный звукъ разрыва раздался совсѣмъ близко уже впереди: отъ сотрясенія воздуха одна балка и доски обрушились, посыпалась земля и смрадный дымъ ворвался въ окопъ...

Карты брошены и кто-то изъ офицеровъ, выглянувъ изъ окопа, закричалъ: „Господа, мы попали въ „вилку!“ (т. е. между двумя разрывами на одной линіи и грозитъ сію минуту третій разрывъ уже у насъ...) — „Скорѣй отсюда въ другіе окопы!“ Моментально всѣ вскочили, но не успѣли выбѣжать, какъ прилетѣлъ 3-й „чемоданъ“, но разорвался не на новомъ блиндажѣ, а въ переднемъ окопѣ 13-ой роты въ группѣ солдатъ. На этотъ разъ снарядъ убилъ 2-хъ, тяжело ранилъ 4-хъ и человѣкъ 5 только оглушилъ и закопалъ въ своей воронкѣ, разметавъ весь окопъ!

Группа этихъ солдатъ занималась изученіемъ вновь присланной ручной гранаты. Офицеръ, объяснявшій имъ способъ бросанія этой гранаты, какимъ-то чудомъ остался живъ.

Такіе и подобные сему, тяжелые моменты отъ разрыва „чемодановъ“, приходилось намъ, почти ежедневно, переживать въ окопахъ, созна-

вая съ горечью безсиліе нашей артиллеріи передъ нѣмецкой...

Передъ Рождествомъ — не помню точно даты — получена боевая задача, всѣмъ ротамъ нашего полка перейти ночью черезъ р. Віекъ на западный ея берегъ (т. е. подъ самые нѣмецкіе окопы) и, съ разсвѣтомъ, полку атаковать Гр.-Гиренъ.

Когда стемнѣло и прекратился огонь, я вмѣстѣ съ подпоруч. Врублевскимъ и всѣми взводными командирами спустились къ рѣчкѣ Віекъ, чтобы намѣтить мѣсто переправы. Рѣчка не широкая, но глубокая и быстрая, не успѣла „стать", т. е. замерзнуть. Замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ на нашемъ берегу этой рѣчки высокое дерево, я приказалъ подпилить его такъ, чтобы оно, падая, опустилось своимъ концомъ на тотъ берегъ рѣчки. Такъ и сдѣлали. Получился готовый остовъ для моста; къ нему приспособили доски—настилку. Я боялся, чтобы при звукѣ пилы нѣмцы не открыли бы огонь, но, очевидно, нѣмцы привыкли къ звукамъ пилы у насъ въ рощѣ (гдѣ часто ночью мы пилили деревья для блиндажей) и огня не открыли.

Такимъ образомъ, мы переправились въ темнотѣ на тотъ берегъ рѣчки. Поднялись тамъ до гребня высоты, откуда уже былъ обстрѣлъ въ сторону нѣмецкихъ окоповъ у Гр.-Гирена; они были здѣсь очень близко. Я намѣтилъ для всѣхъ взводовъ линію ихъ окоповъ; по указанію подпоруч. Врублевскаго взводные унт.-офицеры сдѣлали „трассировку", т. е. начало работы по

сооруженію взводныхъ окоповъ. Дѣлали все это съ соблюденіемъ тишины и осторожности, выславъ впередъ секреты.

Когда трассировка окоповъ была окончена, я приказалъ подпор. Врублевскому, осторожно, безъ шуму перевести сюда всю роту. Онъ направился къ рощѣ.

Стояла темная ночь и у нѣмцевъ было тихо. Я радовался, что на этотъ разъ нѣмецкіе часовые не стрѣляли ракетками для освѣщенія мѣстности, какъ это они обыкновенно дѣлали послѣ полуночи и тогда красивый голубовато-фосфорическій свѣтъ такихъ ракетокъ часто освѣщалъ нейтральную полосу между нашими и ихъ окопами.

Вдругъ неожиданное зарево близкаго пожара на нашей сторонѣ привлекло все мое вниманіе. Горѣло гдѣ-то сзади у самыхъ окоповъ моей роты и близко къ рощѣ! Взволнованный этимъ зрѣлищемъ, я испугался, что вся скрытность перемѣщенія роты на новую позицію, пропадетъ даромъ. Зарево увеличивалось и если загорится роща, то освѣтитъ не только выходъ роты изъ окоповъ, но и новую позицію...

Оставивъ здѣсь взводныхъ унт.-офицеровъ, я самъ быстро переправился по дереву черезъ рѣчку и побѣжалъ къ своимъ окопамъ. И что же? Прибѣжавъ сюда, я увидалъ, что горитъ солома около моего окопа. Пламя было очень большое и далеко освѣщало всю нашу позицію. Я прежде всего бросился къ ротѣ и успѣлъ пріостановить

выходъ ея изъ окоповъ, пока не потушатъ пожара. Потушили его скоро.

Оказалось, что кто-то изъ курившихъ солдатъ бросилъ горящую спичку и вспыхнулъ огромный стогъ соломы, только что привезенный для 4-го бат. изъ хоз. части. Солома была свалена возлѣ самаго моего окопа... Вѣтеръ раздувалъ пламя и огонь перескочилъ въ самый мой окопъ и здѣсь до моего прихода совершенно сгорѣли: досчатая обшивка окопа, мой соломенный тюфякъ, шинель, валенки, книжки донесеній, письма и другія бумаги... Единственно, уцѣлѣлъ только маленькій деревянный образочекъ Казанской иконы Божіей Матери, висѣвшій на стѣнѣ окопа (благословеніе моего сына Валентина). Св. изображеніе лишь немного потемнѣло отъ огня.

Пожаръ этотъ, по счастью, не вызвалъ со стороны нѣмцевъ особаго вниманія и огня.

Какъ и раньше передъ каждымъ боемъ, я на этотъ разъ особенно горячо помолился передъ дорогимъ мнѣ, уцѣлѣвшимъ отъ пожара, образкомъ Божіей Матери, прося Ея заступленія и помощи въ предстоящемъ бою.

Въ совершенной темнотѣ я и сосѣдъ мой, командиръ 9-й роты шт.-кап. Млодзинскій повели свои роты на новую позицію къ р. Віекъ. Въ мое распоряженіе даны были два пулемета. Осторожно, по два—по три, перебрались обѣ роты съ двумя пулеметами черезъ импровизированный мостъ. Взводные встрѣтили свои взводы и, соблюдая тишину, солдаты приступили къ работѣ. Быстро выкопали окопы, сначала для стрѣль-

бы лежа... Какъ ни тихо работали люди, однако нѣмцы, вѣроятно, услышали и скоро открыли по насъ въ темнотѣ безпорядочный огонь. Пули летѣли высоко, не задѣвая насъ. Я приказалъ огня не открывать и роты продолжали всю ночь потихоньку углублять свои окопы. Нѣмцы скоро замолчали. Къ разсвѣту изъ новыхъ окоповъ можно было стрѣлять уже стоя. Но, вырывъ эти окопы, мы не успѣли ихъ замаскировать, и утромъ свѣже-вырытая земля рѣзко выдѣлялась на фонѣ бѣлаго снѣга.

Нѣмцы, увидавъ такъ близко наши свѣжіе окопы, открыли по насъ сначала только ружейный огонь. Наши роты и пулеметы уже были укрыты и бодро и мѣтко отвѣчали на огонь противника. Скоро, однако, пришлось намъ очень туго, когда ихъ артиллерія на такомъ близкомъ разстояніи (400—500 шаг.) стала стрѣлять по насъ гранатами „на ударъ“ и шрапнелью. У насъ появилось много убитыхъ и раненыхъ.

Мы недоумѣвали, почему наша артиллерія молчитъ, вмѣсто того, чтобы своимъ огнемъ подготовить наше наступленіе на Грос. Гиренъ? Но, быть-можетъ опять... „общая обстановка“ и атака отставлена?!

Какъ мучительно висѣть на виду у противника чуть ли не у проволочныхъ его загражденій, представляя изъ себя великолѣпную для него цѣль! Число убитыхъ и раненыхъ, въ моей и сосѣдней 9-й ротѣ, увеличивалось. Шестью нѣмецкими снарядами подрядъ одинъ за другимъ (очевидно— „очередь“) по моему окопу (онъ оказался на пе-

рекресткѣ дорогъ Есзернинкенъ—Картенинкенъ—Грос.-Гиренъ) сразу убило около меня 5 человѣкъ моей роты, а мой горнистъ, бывшій рядомъ со мной — плечо-въ-плечо, тяжело раненъ въ грудь и руку. Я уцѣлѣлъ.

Несмотря на потери, наши двѣ роты держали планомѣрный огонь, не жалѣя патроновъ.

Прибывшій ко мнѣ изъ команды связи унт.-офицеръ установилъ телефонную связь со штабомъ полка и я узналъ, что дальнѣйшее наступленіе полка задержано нѣмцами и сейчасъ идутъ упорные бои на разныхъ участкахъ полка за переправу черезъ р. Віекъ.

Такимъ образомъ, на этой сторонѣ рѣчки оказались только мы съ шт.-кап. Млодзинскимъ, т. е. двѣ роты съ двумя пулеметами. Мнѣ приказано, во что бы то ни стало, держаться на занятой позиціи, до перехода черезъ рѣчку сосѣднихъ ротъ. Фланги у меня были совершенно не обезпечены, мѣстность здѣсь была пересѣченная кустами и оврагами и я боялся, чтобы нѣмцы насъ не обошли и не отрѣзали. Дѣйствительно, мое опасеніе скоро стало подтверждаться. Часу въ 12 изъ отдѣльнаго окопа у глухой, узкой лощины на нашемъ правомъ флангѣ мнѣ донесли, что нѣмецкая цѣпь направляется ко входу въ эту лощину со стороны нѣмцевъ. Я приказалъ перенести пулеметное гнѣздо противъ этой лощины. Скоро оба наши пулемета открыли тамъ огонь по обходящему противнику. Нѣмцы здѣсь были нами остановлены, но не отбиты. Они залегли и окопались, очевидно, накапливая здѣсь свои силы.

Слышно было и вправо и влѣво по сильной артиллерійской канонадѣ и ружейной трескотнѣ, что бой разгорается. Нѣмецкія батареи не умолкали, наши же стрѣляли очень рѣдко.

Наконецъ, короткій зимній день превратился въ сумерки. Мы такъ и не дождались продвиженія впередъ на нашу линію другихъ ротъ полка!

Когда немного стихъ огонь, мы получили приказаніе командира полка: „обѣимъ ротамъ съ пулеметами ночью, скрытно отойти на старую позицію у Скроблиненской рощи", что мы и исполнили, приведя съ собой всѣхъ нашихъ раненыхъ и уничтоживъ за собой мостикъ-переправу черезъ р. Віекъ.

Потери моей роты, сравнительно съ другими ротами были небольшія. Я съ удовольствіемъ вспоминалъ, что мнѣ удалось во-время остановить обходное движеніе нѣмцевъ по лощинѣ; наконецъ, я самъ уцѣлѣлъ въ этомъ бою прямо чудомъ! За все это я въ душѣ благодарилъ Бога. Видно, Царица Небесная вняла моей (наканунѣ боя) молитвѣ!

Потомъ я узналъ, что и въ этомъ бою опять превышающій насъ разъ въ 5—6 огонь нѣмецкой артиллеріи, не далъ успѣшно развиться операціи и Грос. Гиренъ остался въ рукахъ нѣмцевъ.

Подошло Рождество Христово. Нудная окопная война продолжалась. Называю „нудная" не только потому, что изводили насъ „чемоданы" и другіе нѣмецкіе „гостинцы", портившіе намъ нервы, но и что всѣ мы страдали отъ недостатка сна и отъ ночныхъ тревогъ. Спать спокойно

могли только съ разсвѣтомъ, когда уже не ждали неожиданнаго наступленія нѣмцевъ, или вылазки ихъ развѣдки.

Нудной была здѣсь окопная война еще и потому, что у насъ почти не было здѣсь смѣны (т. е. резервовъ); не было возможности офицерамъ и солдатамъ не только помыться, но и даже во-время перемѣнить бѣлье. Насѣкомыя уже мучили насъ, особенно солдатъ, а главное—всѣ мы страдали отъ холода и грязи: печей у насъ не было.

Всѣ мы мечтали о томъ, когда, наконецъ, и нашъ полкъ попадетъ въ корпусный резервъ, гдѣ можно будетъ и помыться и выспаться.

Пока объ этомъ мечтали, у меня въ ротѣ нашелся одинъ расторопный ефрейторъ (ефрейторскую лычку получившій за удачную развѣдку), по своей довоенной профессіи—печникъ. Онъ, черезъ фельдфебеля, просилъ моего разрѣшенія, устроить баню въ одной нѣмецкой усадьбѣ, расположенной почти на линіи нашихъ окоповъ, но въ лощинкѣ, укрытой отъ взоровъ противника. Тамъ оказался водопроводъ и складъ кирпичей для устройства очага. Хотя случайные снаряды и могли попасть въ этотъ домъ, но я такъ обрадовался возможности и ротѣ и самому помыться, что далъ свое разрѣшеніе. И вотъ, черезъ два дня баня была готова.

Въ уютной комнатѣ — бывшей столовой,— ефрейторъ пристроилъ къ камину очагъ для согрѣванія воды въ большомъ котлѣ и въ углу устроилъ „каменку“ изъ булыжниковъ для „под-

даванія“ пару, а полки „кутника“ для паренія, изображалъ опрокинутый ясеневый буфетъ, на которомъ можно было даже лежать! Получилась русская баня на нѣмецкой землѣ!

Какъ чудесно мы съ шт.-кап. Л. И. Кирилловымъ (командиръ 15-ой роты) въ этой банѣ помылись! Какъ мы смѣялись съ нимъ, лежа на опрокинутомъ буфетѣ „кутникѣ“: что будетъ, если влетитъ сюда „чемоданъ“? Куда мы, голые, побѣжимъ?! А самъ строитель бани въ это время „поддавалъ“ намъ пару на каменку! Никогда въ жизни не мылся я съ такимъ наслажденіемъ, какъ въ этой банькѣ, почти на самой линіи окоповъ!

Вслѣдъ за нами—по одному, по два перемылись почти всѣ офицеры ближайшихъ участковъ, вся моя рота и даже нѣкоторые офицеры сосѣдняго 105-го Оренбургскаго полка. Топили баню по ночамъ, а мылись рано утромъ и рано вечеромъ, когда совершенно стихалъ огонь. Вообще, эта баня была такъ кстати передъ Праздникомъ Рождества Христова и оживила однообразіе нашей окопной жизни.

Ни нѣмцы, ни мы не предпринимали ничего рѣшительнаго. Мы знали по телеграммамъ верх. главнокомандующаго, что сейчасъ идутъ сильные бои на Галиційскомъ фронтѣ и во Франціи, куда нѣмцы направили главныя свои силы, оставивъ противъ насъ только сильную артиллерію. Вотъ, почему и у насъ постепенно сняли отсюда столько частей, и участки для полковъ еще болѣе удлинились по фронту.

Въ это время изъ Россіи прислали рождественскіе подарки для полка. Какъ разъ въ канунъ Р. Х. я распредѣлялъ полученные подарки для своей роты между взводами. Подарки были очень цѣнные, потому что это были, преимущественно, теплыя вещи для солдатъ крайне необходимыя въ холодныхъ окопахъ: шерстяное бѣлье, вязаныя куртки, фуфайки, теплые чулки и перчатки и т. п. вещи, большею частью домашней ручной работы; прислано было много и табаку, трубокъ и кисетовъ и разныхъ сластей... Среди подарковъ вложены были трогательныя по своей простотѣ, ласково-милыя письма тѣхъ матерей, женъ, сестеръ и невѣстъ нашихъ воиновъ, которыя прислали эти подарки — ихъ собственная ручная работа!

Вѣдь, каждое такое рукодѣліе обвѣяно было тамъ на родинѣ думами, мечтами, а быть можетъ и слезами, о своемъ близкомъ и миломъ воинѣ!

Такимъ образомъ, поддерживалась связь арміи съ населеніемъ и это особенно дорого было, почувствовать въ день Рождества Христова — праздника мира... въ обстановкѣ войны!

Солдаты по „секрету" разсказывали, что будто, нѣмцы наканунѣ своего Рождества Христова (по новому стилю) просили, (написавъ на выставленномъ, гдѣ то, въ нейтральной полосѣ плакатѣ), чтобы мы, наканунѣ и въ день Р. Х. не стрѣляли, обѣщая во время нашего праздника тоже не стрѣлять. Въ эти часы утромъ и вечеромъ у насъ и такъ рѣдко открывался огонь, а

въ день Р. Х. по нов. ст., дѣйствительно, почему то цѣлый день стрѣльбы не было.

Наступилъ Святой вечеръ Сочельника. Завтра наше Рождество Христово. На темномъ небѣ зажглась первая рождественская звѣздочка, за ней — другая, третья... много яркихъ звѣздъ! Я смотрѣлъ на нихъ изъ своего окопа и переносился мыслью туда, на востокъ, къ своей семьѣ, къ Россіи, гдѣ сейчасъ люди молятся въ храмахъ, встрѣчая Великій Праздникъ мира, потомъ собираются около рождественской елки... Посмотрѣлъ я на западъ къ нѣмцамъ... тамъ было тихо и темно; только изрѣдка вспыхивала голубымъ свѣтомъ летящая вверхъ ракетка нѣмецкаго часового, озаряя окрестность, и послѣ каждой такой вспышки мракъ становился еще темнѣе...

Мысль моя и взоръ обратились опять сюда, къ своимъ окопамъ, къ моимъ любимымъ солдатамъ. Я по ходу сообщенія пошелъ въ ихъ окопы, за мной несли рождественскіе подарки. Придя въ окопъ, я обошелъ всѣ взводы и чтобы люди почувствовали наступившій праздникъ Рождества Христова, приказалъ всѣмъ взводамъ стать на молитву и пропѣть „Рождество Твое, Христе Боже нашъ!“

Въ тихомъ, морозномъ воздухѣ, среди нѣмецкихъ полей, гдѣ обычно раздавались только выстрѣлы, или стоны и крики раненыхъ, зазвучалъ Святой Гимнъ Родившемуся Христу! Взоры наши были обращены къ Небу, усыпанному яркими звѣздами... Русскіе молились, нѣмцы молчали, вѣроятно, сильно удивляясь этому пѣнію!

Потомъ я поздравилъ взводы съ Праздникомъ и роздалъ подарки изъ Россіи. Я видѣлъ прямо дѣтскую радость, написанную на лицахъ солдатъ отъ этихъ подарковъ. Они почувствовали своей душой, что ихъ тамъ, дома, не забыли и любятъ...

Ночью, не особенно довѣряя обѣщанію нѣмцевъ, я выслалъ къ нимъ усиленную развѣдку, но ночь прошла спокойно.

Утромъ 25-го дек. я получилъ отъ своихъ взводныхъ командировъ письменное поздравленіе съ Праздникомъ Р. Х. и пожеланія всякаго добра въ такихъ теплыхъ и сердечныхъ выраженіяхъ, что я былъ тронутъ до глубины души... Я почерпнулъ много энергіи и бодрости отъ этихъ простыхъ, безыскусственныхъ строкъ и лишній разъ убѣдился, какая чуткая и нѣжная душа у русскаго солдата!

Да, крѣпка была тогда духовная связь между нами, старыми офицерами, и этими нашими воспитанниками—кадровыми солдатами!

Въ это время я усиленно хлопоталъ о скорѣйшемъ награжденіи моихъ молодцовъ подпрапорщиковъ, унт.-офицеровъ и рядовыхъ за проявленные ими, отдѣльные подвиги храбрости въ бою подъ Алленбургомъ 27-го авг. Почти половину роты я представилъ къ награжденію Георгіевскими крестами и медалями. Командиръ полка и начальникъ дивизіи ходатайство мое поддержали, но въ штабѣ корпуса представленіе лежало уже 3-ій мѣсяцъ!

Тѣ немногіе мои унт.-офицеры и рядовые

которые были представлены мною къ награжденію Георгіевскими крестами и медалями за Сталупененскій и Гумбиненскій бои, получили таковые очень скоро послѣ представленія, и съ гордостью носили теперь орденскія ленточки на своихъ шинеляхъ. Я очень волновался и возмущался задержкой награжденія моихъ героевъ, (проявившихъ въ бою подъ Алленбургомъ 27-го авг., еще больше мужества, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ), еще и вотъ почему: на одномъ участкѣ во время смѣны баталіона нашего полка—баталіономъ 107-го Троицк. полка, офицеры послѣдняго сообщили нашимъ офицерамъ, что по моему рапорту о подвигахъ участниковъ боя подъ Алленбургомъ, были представлены къ наградамъ и уже получили: 107-го Троицк. полка поруч. Зубовичъ (нач. команды развѣдчиковъ) — Георгіевское золотое оружіе, командиръ 2-го бат. кап. Мартынецъ — чинъ подполковника, командиръ 8-ой роты поруч. N—чинъ шт.-кап., командиръ 1-ой батареи 27-ой артиллер. бригады подполк. Аноевъ — чинъ полковника.

Такимъ образомъ, солдаты могли узнать, что офицеры уже получили свои награды за этотъ бой, а они не получили до сихъ поръ и неизвѣстно—получатъ ли? Получилась несправедливость.

Въ это же время я получилъ записку изъ штаба полка явиться къ командиру полка по дѣламъ службы. Штабъ полка стоялъ въ д. Ваннагиненъ, куда я вечеромъ, когда стихъ огонь, и явился прямо въ окопъ командира полка.

Командиръ полка полк. Отрыганьевъ, любезно встрѣтивъ меня, сообщилъ, что вышло недоразумѣніе по поводу представленія меня къ награжденію за оборону моста подъ Алленбургомъ. Представленіе къ наградѣ по его мнѣнію долженъ былъ сдѣлать командиръ 107-го полка, на участкѣ котораго я дрался, а послѣдній думалъ, что представленіе сдѣлалъ онъ, командиръ 106-го полка, какъ мой прямой начальникъ. Теперь же онъ, узнавъ отъ нашихъ офицеровъ о полученіи наградъ за этотъ бой офицерами 107-го полка, списался съ командиромъ этого полка и самъ сейчасъ дѣлаетъ представленіе по командѣ въ Георгіевскую думу о награжденіи меня орденомъ св. Георгія 4-й ст. по двумъ статьямъ Статута этого ордена, о чемъ и счелъ своимъ долгомъ меня извѣстить, чтобы я не обижался.

Я крайне взволнованный и тронутый этой любезностью и добротой полк. Отрыганьева, поспѣшилъ сказать, что я не только не обижался, но до сихъ поръ даже и не думалъ о такой высокой наградѣ: если удалось задержать за мостомъ нѣмцевъ на сутки и этимъ помочь своей дивизіи, то приписываю это,—видитъ Богъ, — не себѣ, а мужеству тѣхъ кадровыхъ офицеровъ и особенно солдатъ, которые были со мной въ этомъ бою, и 1-ой батареѣ 27-ой артиллерійской бригады. Я попросилъ командира полка походатайствовать въ штабѣ корпуса о скорѣйшемъ награжденіи нижнихъ чиновъ. Командиръ полка обѣщалъ.

Дальше опять повторилъ, что представленіе меня къ награжденію Георгіевскимъ крестомъ

опоздало не по его винѣ, но зато онъ увѣренъ, что его личное представленіе къ производству за отличіе въ бояхъ меня и еще 3-хъ капитановъ въ подполковники, уже отправленное въ штабъ дивизіи,—пройдетъ скорѣе.

Дѣйствительно, его предположеніе не такъ скоро, но сбылось: четыре командира ротъ нашего полка: кап. Барыборовъ, кап. Серебрянниковъ, кап. Костомаровъ и я за отличія въ бояхъ были произведены (со старшинствомъ дня отличія) изъ капитановъ въ подполковники.

Высочайшій приказъ объ этомъ состоялся лишь въ 1915 г. іюня 10-го дня, но мое старшинство въ чинѣ подполковника было указано отъ 26-го авг. 1914 г.—начало Алленбургскаго боя.

Такимъ образомъ, я въ то время уже былъ „тайный" штабъ-офицеръ, хотя продолжалъ командовать ротой.

Что касается ордена св. Георгія, то представленіе къ этой высокой наградѣ, по командѣ дошло до Георгіевской думы только въ 1916 г., когда я уже былъ въ плѣну.

Но, продолжаю. Наконецъ и нашъ полкъ попалъ въ корпусный резервъ, въ деревню — верстахъ въ 25-ти отъ фронта, вблизи Роминтенской пущи. Въ этой пущѣ стоялъ охотничій замокъ кайзера и хотя офиціально охота была здѣсь воспрещена, однако нѣкоторые изъ насъ позволили себѣ это удовольствіе и попробовали вкуснаго жаркого изъ дикой козы. Вообще, эти 10 дней и офицеры и солдаты хорошо отдохнули.

Командиръ полка даже разрѣшилъ нѣкото-

рымъ офицерамъ, по очереди, на день—два съѣздить въ Вильно къ своимъ семьямъ. Самъ онъ не позволилъ себѣ этого утѣшенія на войнѣ и даже считалъ неудобнымъ, чтобы его супруга навѣстила его здѣсь; а какъ она хотѣла пріѣхать сюда повидаться съ мужемъ, словно чувствуя, что больше его уже на этомъ свѣтѣ не увидитъ!

Отпуская офицеровъ въ Вильно, онъ взялъ съ насъ слово, что мы пріѣдемъ точно къ 12 ч. ночи на 1-ое января, т. е. къ встрѣчѣ Новаго года офицерской семьей здѣсь, въ резервѣ.

Вильно я не узналъ. Это уже не былъ шумный и веселый городъ съ его ресторанами и знаменитымъ кафе-шантаномъ Шумана, славившимся въ мирное время своими красивыми женщинами (по теперешнему „баръ-дамами"), съ ногъ сшибательной программой увеселеній и роскошнымъ буфетомъ съ небывало-высокими цѣнами.

Кстати здѣсь вспомнить эпизодъ въ Вильно съ японскимъ военнымъ атташэ. Въ самомъ началѣ войны, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ пріѣхалъ въ Вильно представиться командующему войсками округа генералу (фамилію не помню). Японца чествовали параднымъ обѣдомъ и послѣ обѣда, чтобы развлечь молодого японскаго маіора—повезли... къ Шуману!.. Какъ же былъ возмущенъ японецъ, узнавъ, куда его привезли! Какъ ядовито сказалъ по русски (прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ): „здѣсь мѣсто Красному Кресту, а не кабаку"! Брошенная имъ фраза, изъ устъ въ уста, передавалась въ Вильно и, дѣйствительно, была буквально исполнена: на мѣстѣ кафе-шан-

тана Шумана, когда я пріѣхалъ въ Вильно, уже былъ открытъ громадный аптечный складъ Кр. Креста для всей 1-ой арміи.

Улицы были пустынны и ночью почти не освѣщались. На вокзалѣ, въ общественныхъ клубахъ и многихъ частныхъ домахъ—лазареты Краснаго Креста. Съ приходомъ каждаго поѣзда, по всѣмъ улицамъ тянутся печальныя шествія — на носилкахъ несутъ раненыхъ. Ночью это производило особо тягостное впечатлѣніе.

Храмы полны молящимися, преимущественно женщинами и стариками — многіе изъ нихъ уже въ траурѣ. Дома я засталъ жену и дочь, обѣ были печальныя и серьезныя. Мальчики были въ Полоцкѣ, въ своемъ кадетскомъ корпусѣ.

Война отразилась на настроеніи жителей; всѣ стали вдумчиво-серьезными, сознавая, что война —Божья гроза и не такъ скоро окончится, а потребуетъ еще много, много жертвъ!

За однѣ сутки мнѣ мало пришлось побыть дома. Супруга командира полка и полковыя дамы спѣшно приготовляли для солдатъ нашего полка подарки и мнѣ пришлось хлопотать о сборѣ и перевозкѣ ихъ на вокзалъ.

Грустныя и печальныя провожали меня жена и дочь: это было послѣднее наше свиданіе въ этой жизни! Какъ сейчасъ помню крестившую меня при прощаніи жену и плачущую дочь; онѣ обѣ боялись тогда, что меня больше не увидятъ: — слишкомъ много нашихъ офицеровъ уже было на томъ свѣтѣ! Но судьбѣ угодно было, чтобы я остался живъ, а онѣ обѣ, косвенно, ста-

ли жертвами войны: совершенно безвременно обѣ умерли во время своего тяжкаго бѣженства въ Москвѣ!

31-го декабря 1914-го года было уже часовъ 11 веч., когда я, возвращаясь на фронтъ, выходилъ изъ поѣзда на ст. Тольмилькеменъ, въ Восточной Пруссіи. Поѣзда здѣсь ходили только „воинскіе". Жандармы строго слѣдили, чтобы никто изъ „постороннихъ" не проникалъ въ раіонъ военныхъ дѣйствій, но все-таки бывали иногда случаи, что „посторонніе", особенно женщины, проникали даже въ окопы. Я помню, какъ жена подполк. 108-го Сарат. полка А. Н. Писчикова, тоскуя по мужу, (послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ), въ январѣ 1915 года все же смогла наконецъ проникнуть до самой боевой линіи и это было послѣднее ихъ свиданіе, такъ какъ черезъ мѣсяцъ онъ былъ въ бою убитъ.

Начальники станцій вездѣ были инженерные офицеры, или даже (какъ, наприм., на ст. Тольмилькеменъ) унт.-офицеры изъ мобилизованныхъ жел.-дорожн. чиновниковъ. Надписи на всѣхъ нѣмецкихъ станціяхъ были русскія.

У вокзала встрѣтилъ меня „ротный выѣздъ": мой „Янусъ" былъ запряженъ въ нѣмецкія сани, взятыя въ покинутой усадьбѣ. Конюхъ сообщилъ мнѣ всѣ ротныя новости за время моего 2-хъдневнаго отпуска.

Быстро домчались мы по хорошему шоссе до штаба полка. Вылѣзая изъ саней, я взглянулъ на свои часы: было ровно 12 час. ночи—встрѣча Новаго года! Я скорѣе побѣжалъ къ крыльцу дома,

гдѣ была устроена офицерская столовая и... въ ужасѣ остановился! Изъ полуоткрытыхъ дверей неслось похоронное пѣніе: „Со святыми упокой, Христе, души рабъ Твоихъ!“ Суевѣрный страхъ объялъ мою душу! Такъ вотъ чѣмъ встрѣчаетъ меня Новый годъ: какой скорбной мелодіей, какимъ предзнаменованіемъ! Я вошелъ въ столовую и увидалъ, что всѣ офицеры, стоя за столомъ, полнымъ „яствъ и питій“, поютъ эту надгробную пѣснь по всѣмъ нашимъ офицерамъ и солдатамъ-уфимцамъ, въ бою жизнь свою положившимъ. Оказывается, сначала были тосты за живыхъ, а теперь вспомнили молитвой и тѣхъ, которые „душу свою положили за други своя...“

Когда окончили пѣть, я, подойдя къ командиру полка, отрапортовалъ о своемъ прибытіи и о присылкѣ подарковъ полку отъ полковыхъ дамъ. Передалъ ему письмо и посылку отъ его семьи. Онъ похвалилъ меня за аккуратность прибытія изъ отпуска и пригласилъ сѣсть за столъ.

Никогда не забуду этого послѣдняго, товарищескаго ужина нашей тѣсной уфимской семьи! Недаромъ доблестный вождь этой семьи, нашъ любимый командиръ, постарался всѣхъ насъ собрать въ эту ночь, не столько для традиціонной встрѣчи Новаго года, сколько для объединенія насъ, для вдохновленія на новые подвиги мужества и страданій... Всѣ рѣчи его въ эту ночь будили въ насъ чувства воинскаго долга и любви къ Родинѣ!

Много горячихъ рѣчей было сказано за этой послѣдней общей трапезой офицеровъ—уфим-

цевъ! Вспоминали разные эпизоды боевъ, убитыхъ и раненыхъ. Особенно всѣ вспоминали перваго нашего убитаго въ бою — героя шт.-капит. М. К. Попова. Потомъ, разбившись по отдѣльнымъ кружкамъ, долго, въ дружеской бесѣдѣ „отводили душу“.

На эту встрѣчу Новаго года и ужинъ были приглашены латыши изъ Риги, представители латышскаго Краснаго Креста, привезшіе полку подарки. Старшій изъ нихъ былъ популярный членъ Госуд. Думы, а главное — близкій другъ нашего героя-уфимца капит. Баллода, (впослѣдствіи — генералъ, создатель и главнокомандующій латышской арміи).

Раннимъ утромъ полкъ построился „покоемъ“, причемъ были розданы ротамъ подарки. Громко, отъ души кричали „ура“ друзьямъ-латышамъ за эти подарки!

Въ это время уже влились въ ряды полка запасные солдаты и съ ними производились усиленныя занятія, пока были въ резервѣ.

IX.

Отходъ съ Ангерапской позиціи (28-го января 1915 г.) въ составѣ 20-го корпуса.

Бои съ окружающими насъ нѣмцами (29 янв. —2 февр.): Грюнвальдъ — Носсавенъ — Виштынецъ. Сувалки.

6-го января было у насъ въ резервѣ Богослуженіе, Крещенскій парадъ и водосвятіе. Какъ разъ въ это время и у нѣмцевъ въ Гумбиненѣ, происходилъ парадъ по случаю пріѣзда туда кайзера. Вильгельмъ II побывалъ въ окопахъ своихъ войскъ арміи Бейлова, въ нашемъ раіонѣ военныхъ дѣйствій, совершенно близко отъ нашихъ окоповъ, о чемъ мы тогда и не подозрѣвали!

Въ это, именно, время у нихъ уже началъ приводиться въ исполненіе знаменитый планъ Гинденбурга по освобожденію Восточной Пруссіи отъ русскихъ войскъ; передвигались, перевозились и концентрировались постепенно войска изъ Западной Германіи въ Восточную Пруссію.

Слухи объ этихъ передвиженіяхъ нѣмецкихъ войскъ усиливались.

Около 20-го января, когда мы уже вернулись изъ резерва на свои позиціи, опять въ раіонъ 20-го корпуса, наша воздушная развѣдка опредѣленно доносила о непрерывномъ движеніи нѣмецкихъ поѣздовъ съ войсками со стороны Кенигсберга къ Гумбинену и, что всѣ города и мѣстечки къ сѣв-зап. отъ Гумбинена переполнены войсками.

Въ одно ясное зимнее утро, мы сами въ бинокль замѣтили движеніе нѣмецкой колонны по дорогѣ изъ Даркемена на Гумбиненъ. Я помню наше возмущеніе, когда на донесеніе объ этомъ движеніи сосѣднимъ батареямъ, онѣ не открыли огня... Такъ строгъ былъ „секретный" приказъ свыше „беречь снаряды"!

О прибывающихъ къ нѣмцамъ новыхъ войскахъ, у насъ почему-то говорили, что это прибылъ Баварскій корпусъ.

На самомъ дѣлѣ у нѣмцевъ въ это время происходило слѣдующее.

Всю зиму они готовились нанести нашей арміи ударъ, чтобы совершенно очистить В. Пруссію отъ врага. Въ концѣ января перегруппировка нѣмецкихъ силъ къ новому большому наступленію была закончена и нѣмцы перешли въ наступленіе на правомъ своемъ флангѣ, причемъ они разбили нашу 57-ю дивизію, которая ожесточенно защищалась и заняла Іоганенсбургъ.

X русская армія въ это время состояла изъ 4-хъ корп.: 3-го армейскаго, 3-го сибирскаго,

20-го и 26-го арм. корпусовъ. Группировка нѣм. силъ на нашемъ правомъ флангѣ происходила подъ завѣсой кавалеріи почти незамѣтно. Нѣмцы сосредоточили на флангахъ большія силы, состоявшія частью изъ новыхъ наборовъ, частью изъ сборныхъ частей, переброшенныхъ съ западнаго фронта. Всей этой группой 4-хъ армій (Эйхгорнъ, Бейловъ, Фалькъ, Лицманъ и отдѣльныхъ отрядовъ Имп. Вильгельма (противъ Лыка), Бутлера и кавал. генер. N. командовалъ генералъ Гинденбургъ. (См. Схему № 1) *).

Несмотря на тревожныя донесенія нашихъ летчиковъ, у насъ все было по старому, продолжалось „окопное сидѣнье", новыя части къ намъ не прибывали, число верстъ на каждый полкъ по фронту нисколько не уменьшалось... Наоборотъ, въ это время всѣ распоряженія и приказы высшаго начальства, дышали мирной жизнью казармы: то и дѣло объявлялось объ устройствѣ наръ въ окопахъ, о рѣзкѣ порцій, объ отхожихъ мѣстахъ и т. п. Свѣдѣній о томъ, что дѣлается у противника, къ намъ въ окопы совершенно не поступало; только изъ штабовъ доходили слухи, а между тѣмъ, мы сами, своей недалекой развѣдкой, узнавали, что нѣмцы что-то готовятъ на нашемъ фронтѣ и готовятъ въ широкомъ масштабѣ... Наконецъ, намъ подтвердили это и захваченные въ плѣнъ два нѣмецкихъ поляка, отправленные нами въ штабъ корпуса.

Особенно участились въ это время полеты

*) Всѣ 3 схемы по нѣмецкимъ источникамъ.

къ намъ нѣмецкихъ аэроплановъ; они все чаще и смѣлѣе забирались къ намъ въ тылы, сбрасывая бомбы на наши штабы, небольшіе резервы и артиллерійскіе парки, а иногда и на наши передовые окопы.

Какое непріятное чувство вызывало у насъ появленіе и звукъ мотора, высоко летящаго надъ нами нѣмецкаго аэроплана! Хотя у насъ въ то время и не было зенитныхъ орудій для стрѣльбы по аэропланамъ и нѣмцы это знали, но, все-таки, ихъ авіаторы не рѣшались спускаться ниже и поэтому, бросаемыя ими съ большой высоты въ окопы бомбы, рѣдко попадали въ цѣль. Гораздо хуже были эти взрывы для тѣхъ штабовъ и парковъ, которые помѣщались въ домахъ: убитыхъ и раненыхъ тамъ бывало больше.

Наконецъ, 26-го января дошло до насъ офиціальное сообщеніе о прорывѣ нѣмцами лѣваго фланга нашей 10-й арміи у гор. Бяла.

О дальнѣйшихъ событіяхъ, походахъ, бояхъ и гибели Уфимскаго полка и всего 20-го корпуса, я пишу, придерживаясь хронологіи полкового дневника боевыхъ дѣйствій.

Здѣсь не могу не вспомнить странное, прямо чудесное явленіе (около того времени), блестящшаго креста на небѣ. Въ одинъ зимній поздній вечеръ, когда солнце давно уже зашло, солдаты обратили мое вниманіе на необыкновенно яркія темно-красныя полосы на сѣв-вост. части неба. Полосы эти переливались, словно дрожали, вспыхивая еще болѣе яркимъ—краснымъ свѣтомъ, какъ это бываетъ лѣтомъ послѣ грозы („сполохи") и

неожиданно изъ этихъ полосъ опредѣленно образовался яркій крестъ, посіялъ багровымъ свѣтомъ и исчезъ! За нимъ исчезли и полосы. Небо стало опять темнымъ...

Видѣнье этого креста, да еще въ сторонѣ Россіи (замѣченное многими на фронтѣ), дало поводъ говорить, что это значитъ?! Были разные предсказатели, но большинство объяснило это явленіе креста на небѣ будущей нашей побѣдой надъ нѣмцами: „симъ побѣдиши!" На самомъ дѣлѣ это не сбылось: крестъ — символъ спасенія, но и вмѣстѣ—страданія! По крайней мѣрѣ, намъ уфимцамъ и вообще 20-му корпусу крестъ этотъ возвѣстилъ тяжкія страданія!

27-го января около 10 ч. утра по телефону было передано приказаніе начальника дивизіи ген.-лейт. Джонсона, о готовности обозовъ къ отступленію и о возможности отхода всей 10-й арміи съ занимаемыхъ позицій. Указаны тыловые пути. О времени отступленія указаній нѣтъ, но сказано, что надо быть готовымъ къ нему во всякое время, даже и днемъ.

28-го января въ 12 ч. дня новой телефонограммой отмѣнялось отступленіе. Приказано командиромъ корпуса, генер. Булгаковымъ „держаться на занимаемыхъ позиціяхъ во что бы то ни стало!"

Въ это время нѣмцы (армія генер. Эйхгорна) вступили въ бой съ 3-й кавал. дивизіей на нашемъ правомъ флангѣ,—обошли ее съ сѣвера и заставили отступить.

III-й корпусъ (генер. Епанчинъ, бывш. дирек-

торъ Пажеск. корпуса), не выдержавъ подхода противника, не извѣстивъ сосѣдній нашъ 20-й корпусъ, быстро отошелъ на Вержболово и Ковно, обнаживъ такимъ образомъ правый флангъ 20-го корпуса. (Схема № 1).

Въ 4 ч. дня послѣдовалъ новый у насъ приказъ объ отходѣ съ позицій. Благодаря противорѣчивымъ приказаніямъ свыше то объ отходѣ, то объ удерживаніи позицій, получилось въ тыловыхъ частяхъ, въ особенности въ обозахъ—замедленіе съ выступленіемъ, почему впослѣдствіи обозы и тормозили отходъ строевыхъ частей.

Во исполненіе приказа объ отступленіи, нашъ полкъ долженъ былъ, снявшись съ Даркеменской позиціи, перейти и занять позицію у Тольмилькемена. (Для оріентировки рекомендуется карта Восточной Пруссіи, масшт. 1:300000, лист. 55—56).

Порядокъ движенія съ позиціи командиромъ полка былъ организованъ такимъ образомъ: къ 9 ч. веч. въ дер. Ваннагиненъ къ штабу полка приказано собраться 2-му и 4-му баталіонамъ съ пулеметами, оставивъ на позиціи для прикрытія отступленія отъ каждаго взвода по 8 человѣкъ и полевые караулы, при одномъ офицерѣ на баталіонъ. Это прикрытіе держитъ огонь до тѣхъ поръ, пока противникъ не насядетъ въ превосходныхъ силахъ. Изъ офицеровъ остались на позиціяхъ подпоручики: Поповъ и Жукъ и прапорщ. Криницынъ.

3-ій баталіонъ съ пулеметами долженъ былъ отойти на дер. Даркеменъ и тамъ ожидать полкъ. 1-й баталіонъ, бывшій въ дивиз. резервѣ, еще въ

9 ч. утра выступилъ въ дер. Шестокенъ и поступилъ въ распоряженіе командира 108-го Саратовскаго полка полковника Бѣлолипецкаго—начальника арріергарда.

Нѣмцы, словно догадываясь о нашемъ намѣреніи отойти съ позицій, въ сумерки открыли по всему фронту 20-го корпуса сильный артиллерійскій огонь, а въ болѣе важныхъ, въ тактическомъ отношеніи пунктахъ, перешли въ наступленіе. Но, встрѣченные нашимъ мѣткимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и штыковымъ боемъ, были отброшены съ огромными потерями. Здѣсь я говорю о нашей 27-ой дивизіи (3 полка), что отмѣчено и нѣмецкой военной печатью того времени (см. книгу: „Winterschlacht in Mazuren").

Какъ только стемнѣло, роты снялись со своихъ позицій, подъ прикрытіемъ огня остающихся частей, собрались въ баталіоны и двинулись къ д. Ваннагиненъ.

Нѣмцы продолжали насѣдать на оставшіяся прикрытія. Въ этотъ день они совершенно прорвали фронтъ 56-ой пѣх. дивизіи на участкѣ Спулленъ—Генкишкенъ. Положеніе создавалось весьма тревожное. Нужно было скорѣе занять тыловую позицію у Тольмилькеменъ, чтобы нѣмцы не могли на нашихъ плечахъ ворваться въ нее. Крайне непріятные часы и минуты провели мы у Ваннагинена, слыша отголоски боя у Даркемена, пока не прибылъ 105-й пѣх. Оренбургскій полкъ. Начальникъ колонны ген.-маіоръ Беймельбургъ (нашъ бывш. команд. полка), только дождавшись

его, повелъ колонну къ Тольмилькемену черезъ Даркеменъ—Вальдаунабель.

Дорога была невѣроятно тяжелая. Послѣдніе дни шли снѣжные бураны и нанесли массу снѣга, образовавъ „пробки“ въ шоссейныхъ выемахъ.

Полотно жел. дороги было занесено и движеніе поѣздовъ прекратилось еще съ 26-го янв. Въ снѣжныхъ заносахъ тонули орудія, повозки. Люди, сами измученные тяжелой дорогой, увязая по колѣно въ рыхломъ снѣгу, тащили и то и другое по снѣжнымъ сугробамъ на собственныхъ плечахъ. Тамъ, гдѣ лошади не могли тащить, выступали на сцену силы человѣка и побѣждали стихію. Борьба была невѣроятная! Начавшаяся съ вечера снѣжная метель, къ полночи превратилась въ настоящую снѣжную бурю. Масса песку и снѣга сѣкла и жгла лица и руки, а ураганный вѣтеръ прямо сбивалъ съ ногъ измучившихся людей, пронизывая ихъ своимъ ледянымъ дыханіемъ.

Все это, вмѣстѣ съ сознаніемъ оставленія безъ боя укрѣпленной позиціи, породило тяжелое моральное состояніе въ теченіи этой мучительной ночи.

29 января. Въ Тольмилькеменъ полкъ прибылъ въ 7 ч. утра и занялъ, указанныя въ приказѣ по дивизіи позиціи: 3-мъ и 4-мъ баталіонами; а 1-й и 2-й баталіоны составили дивизіонный резервъ, ставъ въ дер. Гр. Повгалленъ. Между прочимъ, моей ротѣ достался отлично устроенный редутъ съ 2-хъ ярусной обороной, крытыми ходами сообщенія, проволочными загражденіями,

помѣщеніемъ для отдыха съ желѣзными печками и нарами и даже окнами! Обстрѣлъ былъ великолѣпный! Какъ мы мечтали у Даркемена о такой сильной и благоустроенной позиціи!

Вправо отъ нашего полка занималъ позицію 108-й полкъ, влѣво—105-й полкъ (два баталіона), штабъ полка расположился въ дер. Повгалленъ. Въ раіонѣ этой деревни была расположена и артиллерія. До 3-хъ ч. дня о противникѣ ничего не было слышно. Въ началѣ 4-го ч. дня, на фронтѣ 3-го баталіона, обнаружена была развѣдка противника (пѣшая и конная), но, встрѣченная ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ,—разсѣялась.

Съ 7 ч. утра и до 4-хъ ч. дня мы, безъ отдыха, заняты были очисткой окоповъ отъ громадныхъ сугробовъ снѣга. Офицеры и солдаты, послѣ тяжелаго, ночного похода, мечтали, окончивъ эту работу, отдохнуть въ удобныхъ окопахъ... но, около $4^1/_2$ ч. дня былъ полученъ приказъ о дальнѣйшемъ отступленіи на Нассавенъ, гдѣ приказано занять позицію фронтомъ на сѣверъ, лѣвымъ флангомъ у Нассавена (включ.), а правымъ у Гр. Кальвейтшенъ (включ.). Съ какимъ сожалѣніемъ покидали мы, усталые и голодные, Тольмилькеменскую позицію!

Въ головѣ шелъ 105-й полкъ съ артиллеріей, за нимъ 106-й полкъ съ артиллеріей. Путь слѣдованія колонны былъ намѣченъ ген.-маіоромъ Беймельбургомъ на дер. Гр. Шакуменъ—Гр. Швентишкенъ—Нассавенъ. 3-й батал. составлялъ арріергардъ. Въ $8^3/_4$ ч. веч. полкъ двинулся на дер. Шакуменъ, куда прибылъ около $9^3/_4$ ч. в. 105-й

полкъ и артиллерія уже были на сборномъ мѣстѣ. Здѣсь людямъ былъ выданъ ужинъ. Офицеры тоже закусывали изъ ротнаго котла, потому что въ офицерской походной кухнѣ ничего не варилось за отсутствіемъ продуктовъ.

Вблизи остановки полка горѣлъ большой домъ, неизвѣстно кѣмъ подожженный. Сзади, въ направленіи на Ваннагиненъ, тоже стояло огромное зарево пожара.

Въ началѣ 12-го часа ночи полкъ двинулся по указанной дорогѣ за 105-мъ полкомъ. Походъ былъ очень трудный, такъ какъ въ предыдущую ночь люди сдѣлали тяжелый переходъ и, проведя весь день въ усиленной работѣ по расчисткѣ позиціи отъ снѣга, безъ отдыха пошли далѣе, въ новый, не менѣе тяжелый переходъ. Шли всю ночь. Природа, какъ и наканунѣ, была противъ насъ: метель и настоящій буранъ — на встрѣчу намъ,—не прекращались.

30-го января. Къ 9½ ч. утра полкъ прибылъ въ дер. Нассавенъ. Указанныя приказомъ начальника дивизіи позиціи Нассавенъ — Гр. Кальвейттшенъ уже были заняты сторожевымъ охраненіемъ отъ 2-го баталіона, прибывшаго съ 1-й батареей наканунѣ около 7 час. веч.

Начальникомъ колонны, ген.-м. Беймельбургомъ приказано было занять 105-му полку позицію у Нассавена, а правѣе—2-му батал. нашего полка, еще правѣе до Гр. Кальвейтшенъ — 1-му баталіону. 9-я и 10-я роты были назначены въ резервъ 105-го полка, а 11-я и 12-я роты—въ резервъ ген.-маіора Беймельбурга. 4-й баталіонъ

былъ назначенъ въ полковой резервъ и слѣдовалъ со штабомъ полка въ д. Грюнвальде, гдѣ и долженъ былъ расположиться. Командиръ полка со штабомъ поѣхалъ впередъ къ д. Грюнвальде. Въѣхавъ въ Ромминтенскій лѣсъ и проѣхавъ по дорогѣ до поворота на д. Грюнвальде, услышали ружейную перестрѣлку. Зная, что позиція по сѣверной опушкѣ лѣса до д. Кальвейтшенъ (включ.) должна быть занята 1-мъ баталіономъ и желая выяснить обстановку, а также поставить въ извѣстность командира 1-го баталіона о приходѣ полка, командиръ полка послалъ пор. Нечаева и подпор. Курдюмова къ полк. Крикмейеру. Подъѣхавъ къ опушкѣ лѣса, офицеры обнаружили сильный кавалерійскій разъѣздъ нѣмцевъ, направлявшійся, подъ прикрытіемъ пѣхотной цѣпи въ сѣв.-вост. направленіи, къ опушкѣ лѣса. Параллельно опушкѣ, по дорогѣ съ зап. на вост. въ направленіи на Гр. Кальвейтшенъ, двигалась колонна противника, имѣя въ головѣ кавалерію около полъ-эскадрона. Составъ и силу колонны точно опредѣлить не удалось, такъ какъ наши офицеры были замѣчены кавалерійскимъ разъѣздомъ и подверглись ружейному обстрѣлу. Часть кавалеристовъ отдѣлилась для преслѣдованія.

Тѣмъ временемъ штабъ полка прибылъ въ дер. Грюнвальде, куда прибыли и посланные командиромъ полка офицеры и доложили о сложившейся обстановкѣ. На сѣверѣ продолжался рѣдкій огонь, а вскорѣ послышался огонь и съ сѣв.-вост. стороны.

Объѣзжая деревню, штабъ полка продви-

нулся къ вост. части деревни и выѣхалъ на горку. Тотчасъ же огонь съ сѣв. и сѣв.-вост. усилился, направленъ былъ и по штабу. Дальнѣйшее наблюденіе обнаружило цѣпи противника въ сѣв. и сѣв.-вост. направленіяхъ. 4-му баталіону было послано приказаніе идти какъ можно скорѣе.

Прибывши, 4-й баталіонъ занялъ позиціи, по личному приказанію командира полка, громко командовавшаго: „Уфимцы, впередъ!“ 13-я и 14-я роты фронтомъ на с.-вост. Почти одновременно заняли позицію и пулеметы у дер. Грюнвальде: 7 пулеметовъ фронтомъ на востокъ, а 2 пулем.— на западъ, на случай обхода. Тотчасъ же завязалась съ обѣихъ сторонъ сильная пулеметная и ружейная стрѣльба. Артиллерія наша не успѣла занять позицію и участія въ бою не принимала. Нѣмцы усиленно стрѣляли изъ легкихъ гаубицъ; но зато наши пулеметы, искусно устроивъ свои гнѣзда на двухъ горкахъ и на чердакѣ одного дома дер. Грюнвальде, долгое время парализовали намѣреніе нѣмцевъ окружить насъ и наносили имъ своимъ огнемъ огромныя потери.

Главнымъ героемъ пулеметной обороны здѣсь былъ начальникъ пулеметной команды пор. Нечаевъ. Общее же руководство боемъ исходило отъ самого командира полка полк. Отрыганьева, открыто подъ градомъ пуль и шрапнели находившагося среди ротъ 4-го баталіона.

Около $11^1/_2$ ч. дня командиромъ 13-ой роты капит. Блехертомъ было обнаружено появленіе противника въ юго-западномъ направленіи. Тотчасъ же приказано было 13-ой ротѣ перемѣнить

фронтъ на юго-западъ. Почти одновременно съ симъ, получено было донесеніе командира 14-ой роты шт.-кап. Олешкевича объ обходѣ противникомъ лѣваго фланга его роты. Для противодѣйствія обходу выдвинута была 15-ая рота. Одновременно съ симъ посланъ былъ къ генер. Беймельбургу подпор. Курдюмовъ съ докладомъ объ обстановкѣ. Вскорѣ для усиленія боевой линіи была выдвинута мною полурота подъ командой подпор. Врублевскаго, причемъ одинъ изъ этихъ взводовъ составилъ прикрытіе пулеметовъ пор. Нечаева и, такимъ образомъ, въ баталіон. резервѣ осталась одна знаменная полурота.

Бой разгорался и принималъ для насъ все болѣе угрожающій характеръ. Въ 12½ ч. дня командиръ 15-й роты шт.-кап. Кирилловъ донесъ, что противникъ большими силами обходитъ нашъ лѣвый флангъ. Вскорѣ получено было такое же донесеніе отъ командира 13-ой роты капитана Блехерта объ обходѣ противникомъ нашего праваго фланга. Обоимъ этимъ командирамъ ротъ, въ виду отсутствія резервовъ, приказано противодѣйствовать обходу всѣми имѣющимися у нихъ средствами.

Около 2 ч. 30 м. дня подпор. Жукъ лично доложилъ командиру полка о движеніи новой колонны противника съ артиллеріей и кавалеріей по шоссе съ сѣвера на Гр. Кальвейтшенъ, на югъ. Одновременно съ симъ отъ всѣхъ ротъ поступили донесенія объ израсходованіи патроновъ. Такое же донесеніе поступило и отъ пулеметной команды. Въ виду такой угрожающей обстановки, не

имѣя возможности, за отсутствіемъ обоза, пополнить патроны, около 3-хъ часовъ дня командиръ полка отдалъ приказъ объ отступленіи на Нассавенъ. Въ это время нѣмецкія цѣпи уже пробирались лѣсомъ къ знаменной полуротѣ 16-й роты. Я донесъ объ этомъ командиру полка. Получивъ приказаніе послѣдняго, скорѣе выйти со знаменемъ изъ раіона боя, я, для прикрытія отхода, разсыпалъ одинъ взводъ въ цѣпь по двумъ угрожающимъ направленіямъ. Патроны у насъ еще были и, когда этотъ взводъ открылъ частый огонь по быстро наступающимъ съ двухъ сторонъ нѣмцамъ, я съ послѣднимъ знаменнымъ взводомъ, перебѣжавъ лощину, углубился въ лѣсъ къ западу. Во время этой перебѣжки по лощинѣ, убито шрапнельнымъ и ружейнымъ огнемъ 5 челов. и нѣсколько челов. ранено. Раненъ былъ въ руку съ раздробленіемъ плеча самъ знаменщикъ, шедшій рядомъ со мной, и кровью его обрызгано было самое знамя!..

Углубившись сначала въ лѣсъ (чтобы не нести лишнихъ потерь), я потомъ взялъ направленіе на дер. Нассавенъ. По дорогѣ здѣсь догналъ насъ командиръ полка со штабомъ, присоединились къ знамени и, укрываясь лощинами отъ выстрѣловъ противника, благополучно вышли всѣ на шоссе къ дер. Нассавенъ. Здѣсь же встрѣченъ былъ подпор. Курдюмовъ, везшій письменный приказъ ген.-маіора Беймельбурга объ отступленіи на Нассавенъ—Шинкуленъ. Командиръ полка уѣхалъ впередъ на позицію ко 2-му баталіону.

Въ бою подъ Грюнвальде, полкъ потерялъ

изъ своего состава, изъ офицеровъ: убитымъ — доблестнаго командира пулеметной команды поруч. Нечаева и ранеными: ком. 13-ой роты кап. Блехерта и младшихъ офицеровъ подпор. Затрапезнаго, Кострицу и прапорщ. Криницына и захваченнаго нѣмцами въ плѣнъ при отступленіи — шт.-кап. Кириллова и около $^2/_3$ состава нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными во всѣхъ 4-хъ ротахъ 4-го баталіона; такъ, напримѣръ, моя рота въ бою подъ Грюнвальде потеряла убитыми и тяжело ранеными, оставшимися на полѣ боя — 98 человѣкъ и безъ вѣсти пропавшими (т. е., какъ потомъ выяснилось, захваченными во время боя въ плѣнъ) 28 чел. Прибавивъ сюда 32 чел., погибшихъ въ бою при отходѣ роты съ Даркеменской позиціи, всего выбыло изъ строя роты 158 чел., т. е. почти $^2/_3$ роты, въ томъ числѣ фельдфебель подпрап. Нагулевичъ и 6 унт.-офицеровъ! Такимъ образомъ, отъ роты осталось человѣкъ — 40—50, при мнѣ — ротномъ командирѣ, одномъ младш. офицерѣ — подпор. Врублевскомъ и 3-хъ унт. офицерахъ (ст. унт. офиц. Афанасьевъ и два запасныхъ); при этомъ почти половина — раненые или больные!

Скорбью сжималось сердце отъ такихъ незамѣнимыхъ, тяжелыхъ потерь любимой роты! Но и другія роты 4-го баталіона пострадали не меньше моей.

Особенно отличилась и пострадала, въ этомъ бою подъ Грюнвалѣде, пулеметная команда: пулеметы ея мужественно работали подъ страшнымъ огнемъ противника до конца, до потери убитыми

и ранеными всего офицерскаго состава и наводчиковъ и нанесла противнику огромныя потери!

Душою обороны здѣсь былъ доблестный начальникъ пулеметной команды — поруч. Н. Н. Нечаевъ, который смертельно раненый въ животъ, продолжалъ командовать и распоряжаться стрѣльбой, причемъ на его глазахъ убиты были лучшіе наводчики, замѣняемые по его приказанію другими людьми. Чувствуя приближеніе смерти, онъ не позволилъ командѣ вынести себя, чтобы не прекращать обороны; когда же увидѣлъ, что всѣ наводчики убиты и нѣтъ больше патроновъ, приказалъ отступать, благословляя солдатъ слабѣющей рукой. Когда онъ скончался, оставшіеся въ живыхъ пулеметчики при помощи взвода моей роты (какъ прикрытіе), подъ сильнымъ огнемъ противника, неся потери убитыми и ранеными, вынесли всѣ пулеметы, оставивъ на мѣстѣ боя только два совершенно разбитыхъ пулемета.

Не надо забывать, что въ этомъ бою, при совершенномъ отсутствіи у насъ артиллеріи, только благодаря пулеметамъ поруч. Нечаева и его личной, исключительной доблести, полкъ не былъ окруженъ и уничтоженъ. Вѣчная память герою!

Подойдя со знаменемъ и взводомъ къ дер. Нассавенъ, я услышалъ къ с.—в. близкую канонаду и ружейную стрѣльбу. Войдя въ деревню, я полка уже не засталъ. Полкъ спѣшно ушелъ впередъ, и я догналъ только хвостъ 105-го полка (2-хъ бат. состава), также спѣшившаго впередъ, къ нему я и присоединился, идя самъ со знаменщикомъ. Младшаго офицера подпор. Врублев-

скаго я послалъ на своемъ конѣ скорѣе доложить командиру полка о благополучномъ прибытіи со знаменемъ.

Въ это время боевая обстановка измѣнилась. Противникъ обошелъ нашу дивизію съ востока въ направленіи на мѣст. Вижайны, тогда какъ онъ ожидался съ запада и всѣ распоряженія ген.-маіора Беймельбурга, такимъ образомъ, оказались ненужными. 108-му Сарат. полку приказано отбросить противника и прикрывать дальнѣйшій отходъ дивизіи на востокъ на дер. Шиткеменъ. Занявъ позицію у озера Виштынецъ, саратовцы задерживали наступленіе нѣмцевъ съ востока; но пѣхотныя колонны противника съ артиллеріей, замѣченныя во время боя у Грюнвальде, двигающимися съ сѣвера на Кальвейтшенъ, оказались другой, свѣжей нѣмецкой дивизіей, обрушившейся теперь на нашъ и 105-й Оренб. полки у Нассавена, въ то время, когда эти части уже снялись съ позиціи и стянулись въ колонну. Артиллерія успѣла сняться съ позиціи еще раньше. Такимъ образомъ противникъ оказался въ превышающихъ силахъ не только съ востока, но и съ сѣвера. Шоссе на Шиткеменъ сильно обстрѣливалось перекрестнымъ пѣхотнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противника.

Нѣмцы густыми цѣпями наступали на наше прикрытіе. 1-ая, 2-ая, 7-ая и 8-ая роты нашего полка заняли позиціи и частымъ, мѣткимъ огнемъ сдерживали атаку нѣмцевъ. Оба полка у Крагинена, неся потери убитыми и ранеными, успѣли свернуть на западъ въ лѣсъ, а эти четыре слав-

ныя роты, своимъ огнемъ задержавъ нѣмцевъ, сами почти цѣликомъ погибли здѣсь въ неравномъ бою! Во главѣ ихъ погибъ командиръ 2-го баталіона, георг. кавалеръ японской войны, подполковникъ Симоненко.

Въ то время, когда 9-ая и 10-ая роты нашего полка (бывшія на позиціи въ резервѣ 105-го полка) и моя 16-ая рота со знаменемъ, пройдя мимо Выштинецкаго озера, начали втягиваться въ лѣсъ (при переходѣ по мостику черезъ ручей), нѣмцы устроили здѣсь засаду и открыли по насъ близкій огонь залпами. Знаменный взводъ, окруживъ знамя, побѣжалъ въ лѣсъ, убитые и раненые падали тутъ же. Въ это время, скакавшій мнѣ навстрѣчу казакъ крикнулъ; „Ваше высокоблагородіе, нѣмецкая кавалерія!“ Дѣйствительно, вдали вправо (по нашей рукѣ) на шоссе показался эскадронъ нѣмецкихъ кирасиръ со своими пиками съ флюгерами. Одновременно оттуда же „затакалъ“ ихъ пулеметъ. Наши 9-ая и 10-ая роты застряли въ глубокомъ снѣгу, но мы все-таки успѣли открыть вправо по кавалеріи огонь. Залпы слѣва и пулеметный огонь справа продолжались. Видимо, нѣмцы насъ окружали и я, боясь за цѣлость знамени, крикнулъ тому же казаку 3-го Донского полка Ив. Захарову: „Стой, привези мнѣ сейчасъ знамя!“ и тутъ же крикнулъ знаменщику—унт.-офиц. Романову (изъ запасныхъ) „передай мнѣ знамя!“ Они быстро исполнили мое приказаніе и Захаровъ привезъ мнѣ знамя.

Нѣмцы продолжали окружать насъ. Въ этотъ

моментъ, я при помощи подоспѣвшаго ко мнѣ подпоруч. Врублевскаго и казака Захарова, срѣзалъ знамя съ древка, спряталъ его въ своей шинели подъ подкладку, георгіевскія ленты далъ на храненіе подпор. Врублевскому, а древко казаку Захарову, вскочилъ на коня и поскакалъ впередъ, стараясь скорѣе уйти изъ огня и догнать полкъ. Провожавшія насъ пули жужжали все рѣже и рѣже. Скоро въ лѣсу я догналъ свой полкъ.

О снятіи знамени съ древка первому доложилъ я ген.-маіору Беймельбургу, а затѣмъ и командиру полка. Послѣдній одобрилъ мои дѣйствія и приказалъ мнѣ хранить знамя непосредственно при себѣ, до наступленія болѣе спокойной обстановки.

Стало темнѣть. Мы все болѣе углублялись въ лѣсъ. Выстрѣлы вдали становились все глуше. Полкъ остановился, поджидая 105-й п. Оренб. полкъ; скоро подошли 9-ая и 10-ая роты, сообщившія, что Оренб. полкъ пошелъ по другой параллельной дорогѣ. Пулеметная команда его еще раньше, при отступленіи, присоединилась къ нашему полку.

Около семи съ половиной часовъ веч. нашъ полкъ прибылъ къ фольварку Неу-Пилькаленъ (въ лѣсу). Совершенно изнемогающимъ отъ усталости и безсонницы, ротамъ дали оправиться. Я замѣтилъ, что солдаты не шутили и не балагурили, какъ обыкновенно это бывало на привалахъ, а большинство сейчасъ же въ снѣгу при

дорогѣ легли и... заснули, такъ велико было ихъ изнуреніе!

Всѣ офицеры, во главѣ съ ген.-маіоромъ Беймельбургомъ, собрались въ домѣ хозяина (нѣмца) фольварка на совѣщаніе. По предложенію нашего командира полка полковника Отрыганьева рѣшено было идти по лѣсу сначала на югъ, чтобы выйти изъ возможнаго обхвата противника и затѣмъ уже повернуть на востокъ къ границѣ. Взятъ былъ проводникъ-нѣмецъ, подняли отдыхавшія въ темномъ лѣсу роты и полкъ пошелъ дальше. Долго блуждали. Наконецъ, на одномъ перекресткѣ дорогъ мы замѣтили, что проводникъ повелъ полкъ не по той дорогѣ, куда было намѣчено по картѣ на совѣщаніи. Вдали послышались отдаленные выстрѣлы. Очевидно, проводникъ хотѣлъ вывести полкъ на нѣмецкіе аванпосты. Пригрозили ему револьверомъ и, повернувъ обратно, пришли опять къ тому же фольварку Неу-Пилькаленъ. Здѣсь взяли проводникомъ случайно проходившую женщину—литвинку и та вывела полкъ на дорогу къ югу на д. Шиткеменъ.

Нервы наши были напряжены до невозможности еще съ вечера: тяжелымъ боемъ съ неравнымъ противникомъ, сознаніемъ, что нѣмцы насъ окружаютъ, что потеряна связь со штабомъ дивизіи и другими полками; кромѣ того чисто физическое изнуреніе отъ усталости, безсонницы и голода (полное отсутствіе горячей пищи)—давало себя сильно чувствовать!

31-го января. Проплутавъ почти всю ночь

по лѣсу, къ восьми съ половиной час. утра полкъ вышелъ у мѣст. Шиткеменъ и перешелъ границу въ раіонѣ дер. Правый Лясъ. Видъ пограничныхъ столбовъ съ русскими гербами приподнялъ наше настроеніе. Намъ казалось, что мы уже вырвались изъ огромной петли окружающихъ насъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ дивизій, что мы уже на своей землѣ, дома... Мы съ надеждой и бодростью стали смотрѣть туда—впередъ, къ востоку, гдѣ были (какъ мы думали) только наши войска! Но... это былъ горькій самообманъ, въ чемъ мы скоро и убѣдились!

Около 10 ч. утра, у дер. Буцки полкъ остановился на отдыхъ, поджидая 105-й полкъ, оторвавшійся въ лѣсу. Предполагалось сдѣлать отдыхъ до 2-хъ ч. дня, но какъ разъ въ это время наша развѣдка дала знать о появленіи значительныхъ силъ противника у насъ въ тылу и около 11 ч. у. полкъ двигается дальше на Еленево черезъ Врубель—Баханово — Рудки — Казиміровка. Поручикъ Курдюмовъ посланъ отыскать штабъ 27-й дивизіи и доложить начальнику дивизіи о вчерашнемъ боѣ и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда. Часовъ въ 7 веч. полкъ прибылъ въ Еленево и расположился на ночлегъ, выставивъ во всѣ стороны сторожевое охраненіе. Мѣстные жители сообщили намъ, что нѣмецкіе разъѣзды недавно были здѣсь и разспрашивали ихъ, не проходили ли здѣсь русскіе?..

На мой вопросъ о дальнѣйшемъ храненіи знамени, командиръ полка приказалъ продол-

жать хранить знамя мнѣ лично, до прихода полка въ Сувалки.

Шелъ мелкій непрерывный дождь. На душѣ было невесело. Несмотря на страшную усталость, я въ эту ночь заснуть не могъ въ той хатѣ, гдѣ пришлось ночевать, настолько нервы мои были напряжены. Забота о полковомъ знамени, зашитомъ у меня въ шинели, не давала мнѣ покою. Я снялъ съ себя эту шинель, повѣсилъ ее въ углу около иконъ и самъ не отходилъ отсюда. Всѣ тѣ статьи закона, на которыхъ мы офицеры и солдаты были воспитаны, о храненіи и спасеніи знамени, какъ полковой святыни и о страшной отвѣтственности, какъ моральной, такъ и юридической, за потерю знамени, — неотступно стояли въ моемъ умѣ. Почему командиръ не снялъ съ меня этой отвѣтственности вчера послѣ окончанія боя? Почему не охранять знамя карауломъ какъ всегда, а не потайно однимъ человѣкомъ? Мысленно упрекалъ я командира полка. —„Вѣдь, вотъ, сейчасъ ночью, когда полное изнуреніе и глубокій сонъ объяли весь полкъ, нѣмцы могутъ ворваться въ эту хату и что я тогда смогу сдѣлать?!“ Я нервничалъ, волновался, хотѣлъ опять идти къ командиру полка... но, въ то же время, начиналъ оправдывать распоряженіе командира полка, упрекать себя въ малодушіи и трусости... и такъ до разсвѣта, въ полубреду провелъ всю эту ночь!

1-ое февраля. Въ 4 ч. утра нашъ полкъ изъ Еленево двинулся въ направленіи на Сувалки черезъ Прудзишки—Бялороги. Снѣжный буранъ—

вьюга смѣнился оттепелью и дождемъ. Движеніе (послѣ хорошихъ нѣмецкихъ шоссе), по размытымъ, деревенскимъ глинистымъ дорогамъ, а то и цѣлиной, по болотистымъ низинамъ, стало еще тяжелѣе, но зато скоро налажена была связь со штабомъ дивизіи. Въ Прудзишкахъ оказался 108-й Саратовскій полкъ во главѣ со своимъ командиромъ полковн. Бѣлолипецкимъ, а въ Бялорогахъ и самъ начальникъ дивизіи.

Полученъ приказъ свыше, двигаться на Сувалки, занять казармы и отдыхать. Этотъ приказъ пріятно подѣйствовалъ на наше самочувствіе: разъ отдается такой мирный приказъ о занятіи казармъ и объ отдыхѣ, значитъ мы вырвались изъ охватывающихъ насъ лапъ противника и нѣмцы отстали...

Около 11 ч. утра полкъ вошелъ въ Сувалки и расположился въ казармахъ. Здѣсь присоединился къ полку 1-й баталіонъ. Настроеніе наше улучшилось. По приказанію командира полка полковое знамя было, въ его присутствіи, полковымъ адъютантомъ шт.-кап. Цихоцкимъ и мною опять прикрѣплено къ древку и привязаны ленты.

Мы начали хлопотать о приготовленіи горячей пищи для солдатъ. Въ городѣ, оставленномъ жителями, ничего нельзя было достать, но гдѣ-то въ усадьбѣ у одного крестьянина нашли вола Просили за него большія деньги. Между прочимъ для этой покупки полку далъ 100 рублей генер.-маіоръ Филимоновъ — командиръ 27-ой артиллер. бригады, такъ какъ у насъ на рукахъ денегъ не было. Покупка все же не состоялась. Полученъ

приказъ командира 20-го корпуса ген. Булгакова — корпусу оборонять Сувалки, для чего немедленно нашей и другимъ дивизіямъ корпуса выступить на указанныя въ приказѣ позиціи.

Взамѣнъ супа (— кипяченой воды съ говядиной — продуктовъ не было), купили на эти 100 рублей для полка у того же крестьянина сала и раздѣлили его по-баталіонно солдатамъ. Такимъ образомъ, вмѣсто отдыха и горячаго обѣда для солдатъ, полкъ уже въ 1-мъ часу дня выступилъ изъ казармъ на свою позицію (на фронтъ дер. Полюли, высота ▲ пунктъ у дер. Бялороги), куда и прибылъ около 6 час. веч. Когда колонна втягивалась въ лѣсъ, надъ нею кружилъ нѣмецкій аэропланъ, а вдали, въ направленіи къ Тартаку, слышалась артиллерійская канонада и сильная ружейная и пулеметная стрѣльба. Въ боевую линію назначены были 3-й и 4-й баталіоны. 4-й баталіонъ (т. е. двѣ сводныя роты), занимаетъ позицію отъ высоты до шоссе, лѣвѣе высоты — 108-й Саратовскій полкъ и 3-й баталіонъ отъ шоссе до дер. Полюли (включительно). Въ резервѣ 1-й баталіонъ, т. е. 3-я и 4-я роты. Знамя было передано мною по приказанію командира полка изъ 16-ой роты, назначенной въ боевую линію, — въ 3-ью роту, оставшуюся въ резервѣ.

Когда мы, уже въ темнотѣ занимали свои участки и рыли окопы, по шоссе на Сувалки мимо насъ начался отходъ 115-го Вяземскаго и 116-го Малоярославскаго полковъ. На саняхъ везли много раненыхъ послѣ боя этихъ полковъ у

д.д. Рудка—Тартакъ—Марьянка. Проходившіе мимо насъ офицеры вяземцы сообщили, что нѣмцы въ этомъ раіонѣ послѣ тяжелаго боя — отброшены.

Около 9-ти час. веч. полученъ новый приказъ свыше объ отступленіи нашей дивизіи обратно къ г. Сувалки. Около 11-ти час. веч. полкъ въ темнотѣ стянулся съ позиціи и началъ отходъ къ Сувалкамъ.

2-го февраля.

Около часа ночи полкъ прибылъ въ Сувалки. Была темная тихая ночь. Дождь прекратился. Долго, долго, чуть ли не до разсвѣта формировали на главной улицѣ-шоссе колонну въ 3 ряда. Вся артиллерія и обозы — по серединѣ шоссе, а по обѣимъ сторонамъ шоссе — пѣхота вздвоенными рядами. Предполагали, что сейчасъ же за Сувалками непріятель атакуетъ насъ и такой штурмовой колонной хотѣли пробиваться, спасая артиллерію и обозы. Въ такомъ порядкѣ „тройная колонна“ и двинулась съ разсвѣтомъ изъ Сувалокъ къ югу на Августово. Городъ былъ тихій и совершенно пустой; дома — большинство съ заколоченными ставнями. Я вспоминалъ пустоту нѣмецкихъ городовъ, оставленныхъ жителями. Недоставало только пожара! Настроеніе у насъ было подавленное: всѣ мы боялись, что напрасно потерявъ въ Сувалкахъ цѣлыя сутки, мы не успѣемъ вырваться изъ окружающихъ насъ лапъ нѣмецкихъ дивизій.

Какъ только вышли изъ города, пошли нормальнымъ порядкомъ, а не „тройной“ колонной, причемъ нашъ полкъ скоро свернулъ съ Августов-

скаго шоссе въ лѣсъ на Юрыздыка — Вальне. *) Не доходя Вальне, мы услышали впереди сильную орудійную и ружейную стрѣльбу. Полкъ остановился. Полученъ приказъ занять дефиле между озерами у дер. Данявске и Копаницы. Цѣлый день прошелъ въ занятіи полкомъ этихъ пунктовъ и ожиданіи здѣсь противника. Но нѣмцы здѣсь себя не обнаружили.

Проходя и останавливаясь въ это время по деревнямъ и усадьбамъ Сувалькіи, я видѣлъ страданія бѣдныхъ литовцевъ-бѣженцевъ. Часто приходилось заставать такую картину: цѣлая семья, состоящая изъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, узнавъ о приходѣ нѣмцевъ и слыша гулъ орудій, спѣшно снимается съ родного, насиженнаго гнѣзда. На дворѣ стоитъ подвода и въ нее быстро бросаютъ нужные и ненужные пожитки; въ самой хатѣ — хаосъ, все разбросано! Блѣдныя, растерянныя лица, суета, крики и бѣготня старшихъ, плачъ маленькихъ дѣтей: „мамите, вокіечай"! (т. е. мамочка — нѣмцы!) Какое сердце не дрогнетъ при видѣ этого горя!

Нѣкоторымъ литовскимъ семьямъ, вернувшимся къ себѣ домой послѣ ухода нѣмцевъ изъ предѣловъ Литвы (въ сентябрѣ), теперь приходилось второй разъ бросать родную землю и спасаться въ бѣженствѣ отъ снарядовъ, пожаровъ, а мужчинамъ и отъ нѣмецкаго плѣна. Понятенъ былъ ужасъ, написанный на ихъ лицахъ при словѣ „вокіечай". Другія же литовскія семьи, не поже-

*) См. схему № 4.

лавшія покинуть свой родной очагъ, укрывались во время боя въ заранѣе вырытыхъ ими окопахъ, или погребахъ около своей усадьбы или хаты, или въ лѣсу. Здѣсь впроголодь и подъ постояннымъ страхомъ увѣчья, или смерти отъ взрывающихся снарядовъ и проживали они, пока бой не переносился отъ нихъ дальше.

Среди этихъ страданій и лишеній, а часто и потери всего имущества, не подозрѣвали тогда литовцы, что ровно черезъ 4 года (тоже 16 фев. н. с. 1918 г.) ихъ вожди-патріоты объявятъ независимую Литовскую Республику и что, послѣ признанія ея всѣмъ міромъ, снова возродится и окрѣпнетъ славное государство Литовское!

X.

Бой у Махарце (3 февр.):

будучи сами окружены, разбиваемъ свѣжую нѣмецкую дивизію. Дальнѣйшій отходъ съ боями (4—7 февр.). Полное окруженіе нѣмцами. Ночной совѣтъ въ хатѣ лѣсника—рѣшеніе пробиваться... Послѣдній бой и гибель 20-го корпуса.

3 февраля около 2-хъ ч. ночи былъ полученъ приказъ объ атакѣ 108-мъ полкомъ д. Сервскій Лясъ, занятой нѣмцами (схема № 4). Нашему полку приказано поддержать его энергичной атакой. Роты начали стягиваться изъ разныхъ участковъ позиціи (дефиле между озерами у Копаницы и Данявске и съ дороги на Таболово) и къ 7 ч. утра полкъ построился въ походную колонну. Около 8 ч. 15 м. у. полкъ пришелъ къ опушкѣ лѣса у дер. Серски-Лясъ. 108-й Сарат. полкъ уже ждалъ насъ тамъ. Оторвавшіяся отъ своего полка во время боя въ Роминтенской пущѣ, двѣ роты ирбитцевъ, по приказанію командира полка, влиты въ нашъ полкъ въ составъ 1-го баталіона. Такимъ образомъ 3-я и 4-я роты и эти двѣ роты—составили уже 4-хъ ротный баталіонъ—подчиненный полковн. Крикмейеру (быв.

командиръ роты юнкеровъ Виленскаго военнаго училища, прибывшій въ нашъ полкъ въ концѣ декабря).

Вскорѣ послѣдовалъ приказъ начальника отряда полковн. Бѣлолипецкаго (команд. 108 полка), обоимъ полкамъ атаковать дер. Серски Лясъ и Махарце, занятыя нѣмцами (53 пѣх. дивизія). Въ боевую линію назначенъ былъ 3-ій бат. (полковн. Соловьевъ). Въ резервѣ оставались 1-й бат. полк. Крикмейера и остатки 4-го бат. подъ моей командой. 3-й бат., продвинувшись къ опушкѣ лѣса, принялъ боевое расположеніе, имѣя въ боевой линіи 9, 10 и 11 роты, а 12-ую въ резервѣ. 2 роты ирбитцевъ—правѣе 3-го баталіона.

Одновременно, въ виду полученныхъ свѣдѣній о движеніи противника изъ Августово къ д. Серски-Лясъ, начальникомъ отряда приказано было выставить на шоссе, фронтомъ къ Августово, отрядъ изъ 2-хъ ротъ при орудіи. Отрядъ этотъ былъ сформированъ изъ 12-й и моей роты и расположенъ по обѣимъ сторонамъ шоссе (12-ая рота — капит. Соловьева лѣвѣе, а моя правѣе шоссе) и на самомъ шоссе поставлено одно орудіе 3-й батареи.

Въ это время, по личному приказанію командира полка, командиромъ 3-й роты поруч. Кульдверомъ снова было снято съ древка полковое знамя. Древко съ серебряной Георгіевской скобой было зарыто здѣсь же у опушки лѣса, а знамя вручено было командиромъ полка на храненіе поруч. Кульдверу подъ его личную отвѣтственность на все время до прихода полка въ

Гродно. Если же полку не суждено будетъ пробиться къ Гродно, то поруч. Кульдверу вмѣнялось въ обязанность употребить всѣ средства къ сохраненію знамени.

Саратовцы первые завязали бой. 3-й баталіонъ выдвинулся впередъ и залегъ въ лощинѣ, не доходя отдѣльнаго домика у шоссе въ западн. опушкѣ дер. Серски-Лясъ. Наша 3-я батарея, стоявшая у опушки лѣса, открыла шрапнельный огонь по дер. Серски-Лясъ и вскорѣ зажгла нѣсколько строеній. Нѣмцы отвѣтили артиллерійскимъ огнемъ по нашей опушкѣ лѣса. Здѣсь былъ раненъ поруч. Лагутчикъ, находившійся при командирѣ полка у батареи.

Какъ только наша батарея начала обстрѣливать деревню, 3-й баталіонъ (3 роты съ 4-мя пулеметами) всталъ и подъ сильнымъ ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, безъ выстрѣла двинулся въ атаку на деревню. Несмотря на сильный огонь нѣмцевъ, баталіонъ быстро овладѣлъ западной опушкой деревни и ихъ опорнымъ пунктомъ и черезъ полчаса деревня Серски-Лясъ была уже въ нашихъ рукахъ.

Въ этомъ славномъ бою отличились командиры 11-й и 9-й ротъ. Командиръ 11-й роты капитанъ Баллодъ взялъ лично пулеметъ правѣе шоссе (№ 1116), а командиръ 9-й роты—шт.-кап. Млодзинскій взялъ пулеметъ на самомъ шоссе за дер. Серски-Лясъ (№ 1115). При этомъ 11-й ротой капит. Баллода взяты были въ плѣнъ 5 офицеровъ, 2 врача, нѣсколько сверхсрочныхъ офицеровъ и 138 нижнихъ чиновъ, а 9-й ротой шт.-

кап. Млодзинскаго 2 офицера и 168 солдатъ и много снаряженія. Всего взято въ плѣнъ нашимъ полкомъ въ этомъ бою 8 офицеровъ и болѣе 500 челов. солдатъ, а обоими полками — болѣе 1000 человѣкъ. Среди офицеровъ попалъ въ плѣнъ нѣмецкій командиръ полка. Онъ ѣхалъ со своимъ адъютантомъ, въ сопровожденіи двухъ ординарцевъ, въ экипажѣ изъ Августово къ дер. Серски-Лясъ къ своему полку. На шоссе, около деревни, нашъ полевой караулъ, сидѣвшій въ канавѣ, увидавъ ѣдущихъ нѣмцевъ, открылъ огонь по экипажу и конвою, и сразу ранилъ этого командира полка въ грудь. Наши солдаты окружили экипажъ, обезоружили и захватили въ плѣнъ этихъ двухъ офицеровъ, 2-хъ ординарцевъ и солдата-кучера. Нападеніе было для нихъ такимъ неожиданнымъ, что они даже не успѣли взяться за оружіе. Нѣмцы никакъ не ожидали встрѣтить здѣсь у себя, въ тылу своей дивизіи, русскихъ.

Овладѣвъ дер. Серски-Лясъ, нашъ Уфимскій полкъ, не задерживаясь, лично вдохновляемый громкой командой командира полка полковника Отрыганьева: „Уфимцы, впередъ!“—двинулся на дер. Махарце. Командиръ хотѣлъ скорѣе развить успѣхъ и на плечахъ отступающихъ нѣмцевъ — ворваться въ Махарце. При этомъ наступленіи, на шоссе въ самыхъ цѣпяхъ 9 и 11 ротъ, полковникъ Отрыганьевъ у перваго моста на шоссе былъ раненъ шрапнелью въ правую ногу съ раздробленіемъ колѣна, отъ каковой раны скоро и умеръ въ Гольдапскомъ госпиталѣ, уже находясь въ плѣну. Тамъ и похороненъ. Вѣчная ему па-

мять! Такъ погибъ нашъ любимый, доблестный командиръ полка, образецъ мужества и терпѣнія, на войнѣ славный рыцарь чести и долга!

Между прочимъ, при этомъ наступленіи, когда адъютантъ шт.-кап. Цихоцкій, оберегая его жизнь, сталъ просить его: „Господинъ полковникъ! Поберегите себя, здѣсь уже цѣпи", онъ отвѣтилъ: „Если вы боитесь, не идите за мной!" Конечно, адъютантъ молча послѣдовалъ за нимъ.

По выбытіи изъ строя полк. Отрыганьева, въ командованіе полкомъ вступилъ командиръ 1-го баталіона полк. Крикмейеръ; въ командованіе 1-мъ батал.—подполк. Гензель, а 4-мъ батал.—я. Въ это же время былъ раненъ въ ногу подпоручикъ Биретто.

Пройдя болото, полкъ залегъ на горкѣ и открылъ огонь по наступавшимъ изъ дер. Махарце нѣмцамъ. Ихъ цѣпи остановились и залегли, открывъ огонь. Бой разгорался...

Замѣтя стремленіе противника охватить нашъ правый флангъ со стороны оз. Сервы, кап. Баллодъ выслалъ къ озеру полуроту подъ командой подпрапорщ. Гринюка. Когда къ нѣмцамъ подошли ихъ резервы, они поднялись и двинулись въ атаку. Мѣстами дѣло дошло до штыкового боя, котораго нѣмцы не выдержали и здѣсь. Въ этомъ бою изъ револьвера нѣмецкимъ офицеромъ смертельно былъ раненъ въ голову подпор. Шаломицкій. Нѣмецкій офицеръ тутъ же былъ заколотъ нашимъ солдатомъ, бывшимъ для связи при подпор. Шаломицкомъ.

Какъ разъ въ это время прибыли, слѣдовав-

шіе сзади наши пулеметы и заняли позицію у шоссе: два правѣе, два лѣвѣе. Пулеметы открыли огонь по наступающимъ нѣмцамъ, нанеся имъ огромныя потери. Нѣмцы не выдержали и, очистивъ позицію, начали перебѣгать въ самую дер. Махарце. Сейчасъ же они открыли сильный артиллерійскій огонь по нашимъ наступающимъ цѣпямъ и резервамъ съ батареи, стоявшей у опушки юго-восточнѣе Махарце.

Въ это время былъ раненъ командующій полкомъ полковн. Крикмейеръ и въ командованіе полкомъ вступилъ командиръ 3-го батал. полковн. Соловьевъ.

Видя отступающаго противника, нашъ полкъ подъ ружейнымъ и особенно сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ нѣмцевъ, двигается впередъ и занимаетъ новую позицію, продолжая обстрѣливать пулеметнымъ, а когда окопались, то и ружейнымъ огнемъ дер. Махарце.

Къ этому времени наша артиллерія, перемѣнивъ позицію, открыла сильный огонь по деревнѣ. Къ ней вскорѣ присоединился огонь 2-хъ ротъ Ирбитскаго полка, занявшихъ позицію въ дер. Серски-Лясъ.

Одна изъ нѣмецкихъ батарей, расположенная къ ю.-в. отъ дер. Махарце, будучи обнаружена нашими цѣпями, подверглась сильному фланговому огню 9-ой роты и пулеметовъ. Скоро батарея, потерявъ свою прислугу, замолчала. Попытка нѣмцевъ снять орудіе съ позиціи, не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ появившіеся передки были также засыпаны нашимъ сильнымъ

огнемъ и всѣ ѣздовые и лошади были перебиты. Такимъ образомъ, при атакѣ д. Махарце, эта батарея была взята какъ трофей 9-й ротой подъ командой шт.-кап. Млодзинскаго.

Наконецъ, въ началѣ 4-го часа дня все боевое расположеніе полка переходитъ въ атаку и занимаетъ дер. Махарце. Въ штыковомъ бою на улицахъ Махарце взяты въ плѣнъ 5 строевыхъ офицеровъ и 3 санитарныхъ, болѣе 500 солдатъ, 6 орудій, 2 пулемета, много снаряженія и нѣсколько обозныхъ повозокъ.

Овладѣвъ дер. Махарце, полкъ занимаетъ позицію восточнѣе деревни и окапывается, продолжая вести ружейный и пулеметный огонь по отступающему къ лѣсу противнику.

Расположеніе полка было таково: вправо отъ шоссе были 9, 11, 4 роты и части 3-й роты, еще правѣе 2 роты Ирбитскаго полка. Влѣво отъ шоссе расположились, перемѣшавшіяся во время боя части 11, 4 и 3-й ротъ подъ командой подпор. Врублевскаго и дальше части 108-го Саратов. полка.

Два пулемета, передвинувшись по опушкѣ лѣса въ направленіи шоссе, заняли новую позицію и открыли огонь по правому флангу противника, занимавшаго западную опушку лѣса за дер. Махарце. Съ наступленіемъ темноты, оба эти пулемета вернулись къ 9-й ротѣ и заняли позицію лѣвѣе шоссе. Части 4-го бат. и 12-я рота съ однимъ орудіемъ стояли на шоссе въ Августово. Спусти полчаса послѣ занятія дер. Махарце, по-

дошли двѣ роты 105-го полка и заняли участокъ лѣвѣе 106-го полка.

Около 5 час. веч. былъ полученъ приказъ полк. Бѣлолипецкаго о смѣнѣ 106-го полка 209-мъ полкомъ. Въ 5 ч. 30 м. веч. къ дер. Махарце подошелъ 116-й полкъ (полк. Вицнуда). Часамъ къ 10 веч. прибылъ для смѣны полка—209-й полкъ и въ 12 ч. ночи полкъ, кромѣ 4-го бат. подъ моей командой и 12-ой роты, получившихъ задачу вмѣстѣ съ орудіемъ (3-й батареи) отражать противника, въ случаѣ наступленія его со стороны Августово, былъ смѣненъ и пошелъ къ дер. Серски-Лясъ.

Къ 1 часу ночи полкъ прибылъ въ дер. Серски-Лясъ и расположился на ночлегъ, частью по сараямъ и чердакамъ, а частью у костровъ—подъ открытымъ небомъ, потому что вся деревня была переполнена ранеными въ бою нашими и нѣмецкими и обратилась въ сплошной лазаретъ! Крики и стоны неслись изъ многихъ хатъ.

Интересно, что врачебную помощь оказывали и нѣмецкіе врачи—наши плѣнные! Своихъ врачей было у насъ очень мало. Такъ, въ нашей дивизіи на всѣ 3 полка—только 3 врача: въ 105 Оренбургскомъ — 2 и въ 108 Саратовскомъ—1. Остальные или вмѣстѣ съ лазаретами попали въ плѣнъ, или „успѣли уѣхать“ съ послѣднимъ поѣздомъ изъ Сувалокъ.

Ожидая противника со стороны Августово, я съ остатками 4-го бат. и кап. Соловьевъ со своей 12-й ротой заняли позицію и окопались по обѣимъ сторонамъ шоссе изъ дер. Серски-Лясъ.

Впередъ выслали развѣдку. Орудіе поставили на самомъ шоссе и такъ провели всю ночь на 4-ое февраля. Было морозно, огня не разводили и грѣлись въ окопахъ на листьяхъ и вѣтвяхъ. Изрѣдка раздавались отдѣльные выстрѣлы изъ лѣса, а въ общемъ ночь прошла спокойно.

4-го февр. утромъ, когда разсвѣло, знакомясь съ мѣстностью, мы замѣтили недалеко у холма, вправо на опушкѣ лѣса, какъ-то странно-одиноко торчащее орудіе. Подойдя къ нему ближе, мы увидѣли жуткую и печальную картину: у совершенно разбитой пушки лежали въ разныхъ позахъ убитые и всѣ со штыковыми ранами: командиръ батареи 28 артил. бригады капитанъ и орудійная прислуга.

Оказалось, (какъ потомъ я узналъ) здѣсь 2 февраля (т. е. наканунѣ нашего боя у Махарце) былъ бой съ нѣмцами одного изъ нашихъ авангардовъ (110-го Камск. и 111 Донск. полковъ съ одной батареей 28 арт. бр.). Нѣмцы во время боя изъ лѣса съ тылу ворвались на батарею и успѣли заколоть самого командира батареи и 5 артил. солдатъ. Изъ орудій пострадало и осталось разбитымъ на мѣстѣ боя только одно.

Углубясь въ этомъ мѣстѣ въ лѣсъ далѣе, мы набрели еще на трупы убитыхъ: 3-хъ солдатъ 111-го Донского полка и одного офицера того же полка, лежащаго ничкомъ въ лѣсу около шоссе. Это былъ начальникъ команды развѣдчиковъ 111-го Донск. полка поруч. Мих. Алекс. Ивановъ. Очевидно, всѣ погибли въ этомъ же бою 2-го февраля.

Я распорядился всѣхъ убитыхъ офицеровъ и солдатъ перенести къ самому шоссе и здѣсь на 14 верстѣ отъ Августово, гдѣ верстовой столбъ, мы ихъ всѣхъ похоронили въ общей братской могилѣ, помолившись за души убіенныхъ. Вѣчная имъ память!

Полкъ съ утра занялъ позицію у д. Серски-Лясъ. Мы продолжали стоять у шоссе на Августово. Въ три съ половиной часа дня наша развѣдка дала мнѣ знать о наступленіи противника со стороны Августово. Я донесъ объ этомъ командиру полка.

4-й баталіонъ и 12-я рота при одномъ орудіи приготовились къ оборонѣ противъ нѣмцевъ.

Между тѣмъ въ это время противникъ повелъ новое наступленіе со свѣжими силами со стороны Глембоки Бродъ—Францка на нашу дивизію и полки (113-й и 114-й) 29-й дивизіи, и западная часть дер. Махарце опять очутилась въ рукахъ нѣмцевъ (см. схему № 4), и мы получаемъ приказаніе сняться съ позиціи и присоединиться къ полку. Мы уходимъ съ Августовскаго шоссе

Полученъ приказъ командира корпуса: 27-й дивизіи продолжать отходъ далѣе на Сухаржечку —Микашевку. Прикрывая отходъ нашей дивизіи, на позиціи остается 116-й Малоярославскій полкъ (полковн. Вицнуда).

Ровно въ 4 ч. дня, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ нѣмцевъ, нашъ полкъ втягивается въ лѣсъ по дорогѣ, огибающей оз. Сярвы.

Доблестный 116-й Малоярославскій полкъ во главѣ со своимъ командиромъ, прикрывая отходъ нашей дивизіи, послѣ упорнаго боя, самъ перешелъ въ наступленіе, выбивъ нѣмцевъ изъ ихъ окоповъ и, на плечахъ отступающаго врага, ворвался въ дер. Махарце. Здѣсь завязался уличный бой, причемъ малоярославцы штыками выбивали нѣмцевъ изъ каждой хаты.

Преслѣдуя врага, полкъ окончательно овладѣлъ всей деревней Махарце и даже продвинулся до д. Глембокій Бродъ.

Въ этомъ славномъ бою Малояросл. полкъ, самъ потерявъ два баталіона, задержалъ непріятеля настолько, что всѣ другіе полки корпуса смогли присоединиться къ общей колоннѣ, причемъ полкъ захватилъ 5 орудій, взялъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и 400 солдатъ.

Штабомъ корпуса приказано всему корпусу двигаться одной колонной на Сервы—Сухаржечку—Микашевку—Рудавку и далѣе вдоль Августов. канала на Сапоцкинъ—Гродно.

Пѣхота, артиллерія, обозы, парки и огромная колонна, болѣе 1300 чел., плѣнныхъ нѣмцевъ, направлялись по одной дорогѣ! Шли безъ всякаго порядка, строевыя части перемѣшивались съ парками и обозами и часто, произвольно проталкиваясь, опережали другъ друга...

Воображаю, съ какимъ удивленіемъ и злорадствомъ смотрѣли на насъ—своихъ побѣдителей, наши плѣнные нѣмцы, видя у насъ такой безпорядокъ!

Шли мы усталые, измученные безсонницей,

голодные, всю ночь на 5 февр., утро и день 5 февр. до вечера. Вмѣстѣ съ собой везли на саняхъ и нашего тяжело раненаго командира полка.

Какъ сейчасъ вижу—двое узкихъ крестьянскихъ саней: на однихъ лежалъ блѣдный съ заострившимися чертами лица нашъ командиръ, а на другихъ—толстый нѣмецкій командиръ полка, тоже раненый. По опредѣленію врачей нашему командиру грозила смерть отъ зараженія крови, если не сдѣлать сейчасъ же операціи.

И вотъ, чтобы спасти его жизнь, рѣшено было сдѣлать такъ: обоихъ раненыхъ командировъ и нашего и нѣмецкаго, въ саняхъ при докторѣ и сигналистѣ съ бѣлымъ флагомъ, направить въ сторону нѣмцевъ (6 февраля, когда нѣмцы охватили насъ уже съ 3-хъ сторонъ). Такъ и сдѣлали. Нѣмцы молча встрѣтили эту печальную процессію: впереди ѣхалъ верхомъ съ бѣлымъ флагомъ сигналистъ, играя на рожкѣ маршъ, за нимъ верхомъ же докторъ съ повязкой Краснаго Креста и двое саней съ двумя лежащими ранеными полковниками. Докторъ на нѣмецкомъ языкѣ изложилъ старшему нѣмецкому генералу нашу просьбу: „Пропустите въ Россію нашего тяжело раненаго командира для скорѣйшей операціи, а взамѣнъ примите своего раненаго командира". И что же?! Начальникъ нѣмецкой дивизіи въ отвѣтъ на эту просьбу, съ усмѣшкой отвѣтилъ: „Нѣтъ, везите къ себѣ обратно обоихъ! Все равно вы отъ насъ не уйдете! Вы окружены!"

Докторъ привезъ обоихъ раненыхъ обратно

въ раіонъ нашего боевого расположенія въ лѣсу.

Такъ и не удалось спасти жизнь нашего доблестнаго командира полка! Умеръ онъ черезъ 3 дня послѣ этого отъ зараженія крови во время слишкомъ поздней операціи, уже въ плѣну у нѣмцевъ!—Но я опередилъ событія. Продолжаю.

5-го февр. въ 4 ч. веч. наша колонна была остановлена нѣмцами пулеметнымъ огнемъ при выходѣ изъ лѣса у дер. Тартакъ. Произошло смятеніе, главнымъ образомъ въ идущихъ рядомъ обозахъ. Развернули боевой порядокъ. Въ боевой линіи были нашъ и 108-й полкъ, занявъ позицію къ югу отъ Тартакъ. Послѣ упорнаго боя нѣмецкія цѣпи были отброшены. Противникъ отступилъ, но недалеко.

Тихо, уже въ темнотѣ снимались мы съ позиціи, подбирая своихъ раненыхъ и втягиваясь опять въ лѣсъ очень медленно, по направленію къ д. Рудавка—Липины.

Почему-то крѣпко врѣзалась мнѣ въ память картина: снѣжная поляна въ лѣсу, морозная ночь, плывущая въ облакахъ луна... Нашъ полкъ медленно выстраиваетъ походную колонну. Всѣ команды подаются вполголоса. Ввиду темноты и холода, чтобы перевязать раненыхъ, зажгли костеръ; на его огонь, чтобы погрѣться, изъ темнаго лѣса, какъ призраки, подходятъ ближайшіе офицеры... Пламя костра на мгновеніе освѣщаетъ ихъ блѣдныя, изнуренныя лица. Докторъ (младш. врачъ Сарат. полка) перевязываетъ у костра наиболѣе тяжело раненыхъ солдатъ и ругаетъ „во

всю“ вслухъ свой лазаретъ, подло „удравшій“, какъ онъ говоритъ, изъ Сувалокъ 30-го января съ послѣднимъ поѣздомъ. Нѣтъ теперь ни лѣкарствъ, ни инструментовъ для самой простой операціи... Даже легко раненые обречены на гибель! Мы вполнѣ понимали его возмущеніе, въ нашемъ полку даже и младшаго врача не осталось, а между тѣмъ почти всѣ мы больные!

Вотъ явилась наша развѣдка. Я слышалъ докладъ офицера начальнику отряда полковнику Бѣлолипецкому, что дорога на Марковъ мостъ—Марковце уже занята нѣмцами, значитъ мы обойдены уже съ 3-хъ сторонъ.

Отдѣльные выстрѣлы въ лѣсу все время провожали нашу колонну. Часы были жуткіе. Голодъ, изнуреніе отъ безсонницы и усталость отнимали послѣднія силы у офицеровъ и солдатъ. Прямо не вѣрится, но многіе изъ насъ на ходу спали... При малѣйшей остановкѣ почти всѣ валились на снѣгъ и засыпали нервнымъ сномъ, вскакивая и иногда спросонокъ безумно крича... Въ глазахъ стоялъ туманъ, въ головѣ кошмаръ... Намъ казалось, что мы идемъ не лѣсомъ, а черезъ какой то большой городъ съ огромными, причудливой архитектуры домами съ балконами и освѣщенными окнами... Уютъ, тепло и свѣтъ чуялись въ этихъ домахъ и манили неотразимо къ себѣ насъ голодныхъ и замерзающихъ... Несчастныя лошади страдали отъ безкормицы и изнуренія не меньше насъ...

Не забыть мнѣ этой ужасной ночи, когда я, сидя верхомъ, спалъ, при остановкѣ сваливался

съ коня прямо въ снѣгъ и сейчасъ же опять засыпалъ мертвымъ сномъ, положивъ голову на спину какого нибудь лежащаго солдатика... Вотъ сквозь сонъ слышу, какъ говоритъ мнѣ кто-то изъ моихъ солдатъ: „Ваше В-іе, вы бы приняли ноги-то съ дороги, орудія поворачиваютъ назадъ, чтобы не отдавили", и, видя, что я не шевелюсь, онъ нѣжно беретъ мои ноги и, стараясь не разбудить меня, кладетъ меня вдоль дороги... О, русскій солдатъ! Какъ не любить тебя за твою привязанность къ своему офицеру!

6-го февраля. Только около 2-хъ час. ночи подошли мы къ хатѣ лѣсника, недалеко отъ деревни Волькуши, сдѣлавъ въ теченіи 10 часовъ этой ночи только 8 верстъ! Нѣмцы, кольцомъ своихъ, все новыхъ прибывающихъ дивизій, окончательно окружили насъ, потому что всѣ деревни къ юго-западу отъ Волькушъ заняты ими и развѣдка дала знать, что дальше двигаться уже нельзя... (Схема № 3).

И вотъ, въ лѣсу, въ 2 ч. ночи въ хатѣ лѣсника, подъ предсѣдательствомъ начальника отряда полковника Бѣлолипецкаго (ком. 108-го п.), было устроено совѣщаніе. На совѣщаніе прибыли, оставшіеся въ живыхъ, командиры полковъ, батарей, баталіоновъ и ротъ.

Какую странную и рѣдкую картину представлялъ изъ себя этотъ „совѣтъ въ Филяхъ" сильно переутомленныхъ боями и походами въ лѣсу голодныхъ офицеровъ! Хата была переполнена настолько, что было трудно повернуться, тѣмъ болѣе, что на полу, подъ столомъ и лавка-

ми, ранѣе пришедшіе въ эту хату на совѣтъ офицеры, заснули, сильно храпѣли и стонали во снѣ... и нельзя было ихъ обвинять за этотъ, неумѣстный на совѣтѣ чрезвычайной важности, сонъ, а только съ большимъ трудомъ разбудить! Вновь прибывшіе сами, съ неимовѣрнымъ усиліемъ боролись со сномъ, попавъ въ теплую хату послѣ пронизывающаго ночного холода! Маленькая жестяная лампа надъ столомъ слабо освѣщала переполненную офицерами комнату.

Въ виду донесенія разъѣздовъ и развѣдки о наступленіи противника со стороны Старожинце —Богатыри на Млынскъ, послѣ докладовъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ начальниковъ и всесторонняго обсужденія, совѣщаніе постановило: съ разсвѣтомъ занять позицію у дер. Млынекъ и Волькуши и затѣмъ, перейдя въ наступленіе, отбросить непріятеля, чтобы пробиться къ Гродно!

Къ этому времени силы наши сильно порѣдѣли... Послѣ боевъ у Носсавенъ, Грюнвальде, Серски-Лясъ, Махарце и Тартаки, напр. въ нашемъ полку (два съ половиной баталіона) было въ большинствѣ ротъ не болѣе 40 чел.! Мысль о невозможности пополнить патронныя двуколки, приводила въ отчаяніе; питаться людямъ было нечѣмъ; походныя кухни, бывшія при нѣкоторыхъ ротахъ, подѣлили поровну, но варили въ нихъ воду съ очень малымъ количествомъ сберегаемаго масла, безъ продуктовъ, а главное безъ соли, и—ни кусочка хлѣба!

Настроеніе было тяжелое отъ сознанія, что мы окружены... но героическое рѣшеніе на совѣ-

тѣ въ хатѣ лѣсника „съ боемъ пробиваться дальше“, ободрило всѣхъ насъ!

Разбудили и подняли колонну людей, спавшихъ на снѣгу въ лѣсу, и двинулись въ 4 ч. утра занимать позицію у Волькуши — Млынекъ (схема № 4).

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда мы вышли изъ лѣсу. Нѣмцы сейчасъ же открыли по насъ, рѣдкій пока огонь, изъ своихъ батарей со стороны д. Волькуши. Нашъ полкъ занялъ позицію противъ этой деревни по обѣимъ сторонамъ дороги изъ д. Грушки.

Нѣмцы своей пѣхотой занимали командующія высоты на томъ правомъ берегу рѣки Волькуши у дер.: Волькуши, Богатыри и Бартники.

Не успѣли мы окопаться, какъ нѣмецкіе пулеметы и пѣхота открыли по насъ огонь. Наши батареи, занявшія высоты глубже въ лѣсу, отвѣчали нѣмцамъ рѣдкимъ, но мѣткимъ огнемъ. Мы всѣ знали, что это—стрѣльба послѣдними снарядами! Также и свои роты мы предупредили беречь патроны: патронныя двуколки были уже пустыя!

Бой разгорался. Скоро, подъ прикрытіемъ усиленнаго огня своей артиллеріи, наши цѣпи двигаются впередъ, мѣстами переходятъ вбродъ черезъ р. Волькуши и выбиваютъ нѣмцевъ изъ ихъ окоповъ. Недавняя побѣда надъ нѣмцами у Махарце, еще воодушевляла, физически совершенно измученныхъ уфимцевъ!

Но вотъ, со стороны Бартники идутъ къ нѣмцамъ свѣжіе резервы. Новыя нѣмецкія бата-

реи со стороны Марковцы, шлютъ намъ во флангъ свои гранаты. Наши потери и убитыми и ранеными—ужасны!

Я, съ остатками 4-го батал. въ началѣ боя былъ въ резервѣ, но, когда на нашемъ лѣвомъ флангѣ наши роты стали отступать, я, по приказанію командующаго полкомъ полк. Соловьева двинулся вперѣдъ „перебѣжками". На первой остановкѣ, на горкѣ съ окопами, мои цѣпи открыли огонь по открыто идущимъ въ атаку нѣмцамъ; тѣ наши люди, которые уже отступали намъ навстрѣчу, мною еще ранѣе были остановлены; они залегли на нашей линіи и тоже открыли огонь по наступающимъ нѣмцамъ; послѣдніе понесли здѣсь огромныя потери, какъ отъ нашего огня, такъ и особенно отъ огня нашихъ батарей. Наконецъ нѣмцы остановились и тоже залегли. Въ этотъ моментъ я былъ сильно контуженъ въ правое ухо разорвавшимся надъ головой бризантнымъ снарядомъ, причемъ, взлетѣвшій отъ этого взрыва, мерзлый комъ земли ударилъ меня по головѣ (какъ потомъ сказали мнѣ видѣвшіе это нижніе чины связи) и я потерялъ сознаніе...

Пришелъ я въ себя уже на перевязочномъ пунктѣ 105-го Оренб. полка. Были сумерки. Я узналъ, что бывшіе при мнѣ солдаты для связи (батал. сигналистъ Карповичъ и рядовой Арсеньевъ) долго поливали мою голову водой изъ ручья и, буквально, притащили меня безъ чувствъ на перевязочный пунктъ. Да, если бы не эти мои солдаты, я не жилъ бы теперь на свѣтѣ! Здѣсь, въ присутствіи командира 105-го полка полк.

Рахнера, старшій врачъ этого полка надв. сов. Керсновскій, промылъ и перевязалъ мнѣ рану на головѣ и далъ лѣкарство, чтобы прекратить мучительную рвоту. Бой въ это время почему то стихъ.

Изъ разговоровъ на перевязочномъ пунктѣ я узналъ, что, несмотря на огромныя потери, прорваться намъ не удалось, наши оба полка (105-й и 106-й) опять стянулись съ невыгодной у д. Волькуши позиціи, обстрѣливаемой съ трехъ сторонъ нѣмцами. Приказано, въ виду недостатка патроновъ, занять ночью прежнюю позицію—окопы на опушкѣ лѣса и продолжать отходъ на Марковскій мостъ —Лехновцы, гдѣ нѣмцевъ еще нѣтъ.

Я поблагодарилъ доктора Керсновскаго за помощь и уже направился къ своему баталіону, какъ услышалъ сзади голосъ командира 105-го полка:—Капитанъ, что же вы не взяли перевязочное свидѣтельство?—Я вернулся, врачъ записалъ меня въ свой журналъ и выдалъ мнѣ полевое свидѣтельство о контузіи и ранѣ.

На лѣсной опушкѣ нашелъ я въ окопахъ жалкіе остатки нашего полка. Настроеніе у насъ, оставшихся въ живыхъ, было крайне тяжелое: прорваться у Волькуши—Богатыри намъ не удалось, а потери въ этомъ бою мы понесли огромныя, въ ротахъ оставалось по 30—40 чел., а главное, патроновъ почти не было.

Ѣсть нечего. Голодъ и безсонница отнимали послѣднія наши силы. Весь тотъ вечеръ и ночью у меня продолжалась, окончательно меня изнурившая, рвота. По приказанію командующаго

полкомъ, мнѣ опять сдѣлали перевязку уже въ 108-мъ Сарат. полку: у насъ не было даже и фельдшера!

Ночью полкъ уходитъ на юго-зап. къ дер. Лехновцы, которая тоже оказалась занятой противникомъ. 7 февр. съ ранняго утра, остатки полка развертываются въ боевое расположеніе у Маркова моста и до 2-хъ час. дня ведутъ оборонительный бой на этой позиціи, сдерживая нѣмцевъ.

Съ 2-хъ ч. дня настало затишье, но, когда окончательно стемнѣло, нѣмцы открыли артиллерійскій огонь изъ орудій малаго калибра по нашимъ тыламъ со стороны д. Рубцово, именно по деревушкѣ, гдѣ были наши перевязочные пункты. Здѣсь, между прочимъ, лежали раненые: нашъ командиръ полка полк. Отрыганьевъ; тяжело раненый утромъ въ бою, командиръ 110-го Камскаго полка полк. Рябенко (бывшій нашъ уфимецъ и герой японской войны) скоро здѣсь скончавшійся, и другіе раненые офицеры полковъ 20-го корпуса. Въ одной хатѣ разорвавшимся здѣсь снарядомъ были вторично смертельно ранены уже раненые солдаты! Какая жестокая судьба! Въ этой же деревушкѣ (забылъ ея названіе) въ 2-хъ хатахъ помѣщались подъ карауломъ нѣмецкіе офицеры и врачи, взятые нами въ плѣнъ подъ Махарцами. Они съ трудомъ скрывали свою радость отъ приближенія „своихъ".

Изъ подслушанныхъ у нихъ разговоровъ мы узнали, что стрѣльба со стороны Рубцова (съ запада) означаетъ, что нѣмцы успѣли занять

Липскъ, а отъ мѣстныхъ жителей мы еще утромъ узнали, что нѣмцы густыми колоннами быстро подвигаются изъ Сейнъ къ Сопоцкину. Въ тылу Грушки и Рудавка, послѣ вчерашняго кроваваго боя, уже нами оставлены.

Высланная въ сторону артиллерійскаго огня развѣдка выяснила, что и Рубцово уже занято нѣмцами. Значитъ, полное окруженіе!.. (Схема № 4).

Въ это время всѣ приказы и распоряженія штаба корпуса передавались только устно, многое не доходило до насъ младшихъ начальниковъ. Полной оріентировки о нашемъ положеніи не было, но по послѣднимъ тяжелымъ боямъ съ огромными потерями убитыми и ранеными, а главное по невозможности пополнить патроны, мы сознавали, что можемъ вырваться изъ кольца свѣжихъ нѣмецкихъ дивизій только благодаря искусному маневрированію. Мы, напр., знали, что начальникъ 29-й дивизіи ген.-лейт. Розеншильдъ-Паулинъ на послѣднемъ совѣщаніи у командира корпуса въ лѣсу, предложилъ бросить всѣ обозы, а полк. Бѣлолипецкій (командующій нашей дивизіи) предложилъ, зарывъ и побросавъ въ рѣку замки и панорамы отъ орудій, бросить артиллерію и пробиваться ночью лѣсами и оврагами черезъ нѣмецкое сторожевое охраненіе у Бортники, но этотъ планъ, къ сожалѣнію, былъ отвергнутъ командиромъ 20-го корпуса. Приказано, несмотря на исключительно трудную обстановку, обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ идти по одной дорогѣ (!) на Жабицке—Курьянки и прорваться на Гродно (схема № 4). Для этого, предваритель-

но, всѣмъ полкамъ и артиллеріи приказано стянуться къ фольварку Млынекъ, откуда двинуться въ такомъ порядкѣ: авангарду, т. е. 113, 114 и 115 полк. въ 12 ч. ночи (на 8 февр.); за авангардомъ—главнымъ силамъ, т. е. 3-мъ полкамъ нашей 27 дивизіи подъ командой полк. Бѣлолипецкаго, 116 Малоярославскому полку (отъ него осталось только 40 чел. со знаменемъ!) и 209 полку; за ними—артиллеріи и паркамъ (ген. Филимоновъ). Арріергарду же (начальн. штаба 27-й див. полк. Дрейеръ): 110, 112, 210, 211 и 212 полкамъ съ ихъ артиллеріей — прикрывать отходъ частей корпуса на фол. Млынокъ.

Приказъ этотъ до насъ въ тотъ день, когда онъ писался—не дошелъ, но именно, въ такомъ порядкѣ и двинулся 20-й корпусъ (жалкіе его остатки) съ фольварка Млынекъ на встрѣчу своей судьбѣ!

Несмотря на сильное переутомленіе и солдатъ и офицеровъ отъ непрерывныхъ, днемъ и ночью, походовъ и постоянныхъ боевъ, при полномъ отсутствіи горячей, да и всякой пищи и крова, ночлегахъ на снѣгу, въ грязи съ мокрыми одеждой и обувью—чувство долга не покидало нашъ полкъ и въ этотъ послѣдній моментъ тяжелой драмы 20-го корпуса!

Мысли каждаго изъ насъ были сосредоточены на томъ, какъ пробиться въ Гродно и какъ спасти полковую святыню—знамя?

Командующій полкомъ полк. Соловьевъ уже передъ самымъ выступленіемъ полка для прорыва, рѣшилъ для спасенія знамени, зарыть его

тайно въ лѣсу, что и было исполнено ночью имъ, адъютантомъ шт.-кап. Цихоцкимъ, командиромъ знаменной роты поручикомъ Кульдверомъ и двумя знаменосцами. Древко съ Георгіевскими лентами и скобой было зарыто въ лѣсу еще 3-го февраля по приказу командира полка во время боя у Махарце.

Въ 12 ч. ночи на 8-е февраля нашъ авангардъ—1-ая бригада 29-й пѣх. дивизіи подъ командой своего доблестнаго командира ген.-м. Россійскаго, двинулся изъ фольварка Млынекъ. Онъ удачно измѣнилъ свой маршрутъ, вмѣсто Жабицке—Куріянки, на Бартники и безъ дорогъ, оврагами и лѣсами, бросивъ коней и повозки, благополучно прошелъ мимо нѣмцевъ! 8-го февраля утромъ эта счастливая бригада была уже въ Гродно!

Главныя же силы, къ сожалѣнію, пошли обыкновенными дорогами на Жабицке. Кольцо нѣмецкихъ дивизій изъ армій Эйхгорна, Фалка и Лицмана съ двухъ фланговъ при преслѣдующей насъ сзади арміи Бѣлова (схема № 3), въ это время уже замкнулось: всѣ дороги, пересѣкающія шоссе Липскъ—Сопоцкинъ на Гродно, были нѣмцами заняты (схема № 4). Такимъ образомъ насталъ послѣдній роковой часъ страшной трагедіи 20-го корпуса!

Я помню, какъ въ ночь на 4-ое февр. остатки нашего полка (178 нижн. чин. при 11 офиц.) тихо двигались въ лѣсу въ общей колоннѣ главныхъ силъ. Отдѣльные выстрѣлы съ фланговъ, а

иногда съ тылу сопровождали насъ. На эти выстрѣлы уже никто не обращалъ вниманія.

Слабый утренній разсвѣтъ освѣтилъ блѣдно-зеленыя, измученныя лица моихъ солдатъ. Они въ это время на ходу со вниманіемъ слушали разсказъ ѣхавшаго рядомъ старшаго унт.-оф. пулеметной команды о послѣднихъ минутахъ и геройской смерти его начальника поруч. Н. Н. Нечаева въ бою подъ Грюнвальде (30-го янв.). Смертельно раненый въ животъ поруч. Нечаевъ, когда солдаты хотѣли вынести его изъ огня, не позволилъ имъ этого сдѣлать и продолжалъ распоряжаться... Когда же былъ полученъ приказъ объ отходѣ, онъ приказалъ сначала вынести пулеметы и, умирающій, слабѣющей рукой, благословилъ ихъ уходить—„но мы,—говорилъ унт.-офицеръ,—не могли его умирающаго такъ оставить—и мы не ушли отъ него, пока онъ не скончался на нашихъ глазахъ". Глаза разсказчика были полны слезъ!..

Вотъ и мостикъ черезъ рѣку Волкуши у фольварка Млынекъ. Я вижу командира 27-й артиллерійской бригады генерала Филимонова, стоящаго у мостика. Онъ поджидаетъ свои батареи. На вопросъ послѣдняго, проѣзжающаго черезъ мостъ командира полка: „Какъ, ваше пр-ство, думаете, пройдемъ мы здѣсь или нѣтъ?" генералъ въ отвѣтъ молча осѣняетъ его большимъ крестнымъ знаменіемъ!

Кончается лѣсъ... И вотъ, какъ только стали видны просвѣты опушки, сразу застучали нѣмецкіе пулеметы; и спереди и съ фланговъ засвистѣ-

ли пулеметныя струи и на разные тона запѣли ружейныя пули. Падаютъ убитые и раненые, но мы продолжаемъ движеніе, только тѣснѣе смыкаемся въ своей полковой колоннѣ.

Опушка лѣса...! и сразу забухали нѣмецкія гаубицы, заскрежетали и завыли, разрываясь въ воздухѣ, шрапнели и гранаты. Быстро, быстро, теряя убитыхъ и раненыхъ, мы переходимъ въ боевое расположеніе и, выйдя изъ опушки на большую широкую поляну, окруженную холмами, цѣпями продолжаемъ наступленіе. Огонь нѣмецкой артиллеріи и пѣхоты усиливается и уже буквально со всѣхъ сторонъ... Кольцо противника все уже сжимается, но вотъ, наша артиллерія заняла позицію на холмахъ опушки лѣса, сзади насъ и открыла свой огонь тоже во всѣ стороны! Часть ихъ снарядовъ летитъ черезъ наши головы. Мы почти бѣжимъ по болотистой равнинѣ съ кочками, наивно думая, скорѣе достигнувъ впереди лежащаго лѣса, вырваться изъ объятій смерти, но... навстрѣчу намъ, стрѣляя на ходу, уже идутъ нѣмецкія цѣпи, ихъ пулеметы вырываютъ у насъ цѣлые ряды убитыхъ и раненыхъ, а нѣмецкія батареи, съ разстоянія 700 шаг., потомъ 400 шаг., бѣглымъ огнемъ гранатой на ударъ и, наконецъ, дождемъ картечи, встрѣчаютъ наше безумное, безъ патроновъ наступленіе по болоту!.. Всѣ части наши перемѣшались. Нѣкоторые изъ насъ громко, нервно кричатъ все время: „Уфимцы сюда!“ „Камскіе ко мнѣ!“ Какъ въ калейдоскопѣ промелькнула гдѣ-то въ сторонѣ, мчавшаяся въ атаку, сотня казаковъ

(прикрытіе штаба корпуса). Видно было, какъ раненые и убитые казаки и ихъ лошади, отставали и падали на землю.

Артиллеристы, когда разстрѣляны были всѣ снаряды, пристрѣливали лошадей, бросали въ рѣку Волькушекъ или въ болото замки и панорамы отъ орудій и присоединялись къ нашимъ цѣпямъ, пытаясь, какъ и мы, прорваться, но уже было поздно: кольцо сжалось! Со штыками на перевѣсъ бросились они на насъ...

Лично я, барахтаясь по поясъ въ болотѣ и, теряя послѣднія силы отъ возобновившейся боли контуженной головы, не успѣлъ вынуть револьверъ, какъ нѣмцы вырвали его у меня изъ рукъ, окружили насъ офицеровъ и отдѣлили отъ нашихъ нижнихъ чиновъ;.

Подошелъ нѣмецкій гауптманъ, лицо его было страшно блѣдное, онъ весь дрожалъ, отдалъ намъ честь и прежде всего потребовалъ сдать ему наши полевыя сумки и карты. Мы отдали. Еще передъ атакой эти сумки были опустошены нами отъ всего, что могло бы пригодиться нѣмцамъ; мы уничтожили даже дорогія для насъ письма съ родины!

Маленькая, но трогательная подробность: конюхъ мой, всегда на войнѣ заботившійся, чтобы во-время подать мнѣ коня, въ эту „послѣднюю изъ послѣднихъ“ минуту, вынырнулъ откуда-то съ „Янусомъ“, подбѣжалъ съ нимъ ко мнѣ и наивно доложилъ: „Ваше высокоблагородіе, садитесь, быть можетъ нѣмцы далеко поведутъ!“ Слово „поведутъ“ оскорбительно отозвалось въ моемъ сознаніи, но въ это время нѣмецкій фельд-

фебель (должно быть понимавшій по-русски), грубо вырвалъ у конюха поводъ и крикнулъ: „verboten, das ist unsere Kriegsbeute!“ (нѣльзя, это нашъ трофей!).

Тогда конюхъ обратился ко мнѣ: „Ваше высокоблагородіе, попросите нѣмцевъ, чтобы позволили мнѣ въ плѣну быть съ вами!“ Нѣмцы на эту просьбу, преданнаго мнѣ простодушнаго солдата, только усмѣхнулись и грубо отогнали его отъ офицерской группы.

Послѣдній прощальный взглядъ кинулъ я на солдатъ уфимцевъ, оставшихся въ живыхъ, и на моего любимаго „Януса“, на котораго уже взобрался толстый нѣмецкій фельдфебель.

Черезъ нѣсколько минутъ мы присоединились къ общей группѣ, попавшихъ въ плѣнъ, офицеровъ 20-го корпуса. На опушкѣ лѣса, всѣхъ насъ встрѣтилъ, окруженный офицерами, старшій изъ нѣмецкихъ генераловъ (кажется командующій арміей) напыщенной рѣчью: „Все возможное въ человѣческихъ рукахъ вы, господа, сдѣлали: вѣдь, несмотря на то, что вы были окружены (руками онъ показалъ полный обхватъ), вы все-таки ринулись въ атаку, на встрѣчу смерти! Преклоняюсь, господа русскіе, передъ вашимъ мужествомъ!“ Онъ при этомъ отдалъ намъ честь, держа руку подъ козырекъ.

А черезъ нѣсколько дней послѣ этого печальнаго финала трагедіи 20-го корпуса, въ нѣмецкой ежедневной газетѣ „Schlesische Volkszeitung“ отъ 2 марта н. ст. 1915 г. № 117, появилась статья извѣстнаго военнаго корреспондента Роль-

фа Брандта, съ описаніемъ послѣдняго сраженія русскаго 20-го корпуса.

Вотъ она: „Въ густыхъ августовскихъ лѣсахъ безъ всякой внѣшней поддержки, шелъ, оставленный всѣми, русскій 20-й корпусъ, по всѣмъ тропинкамъ и дорогамъ лѣса на востокъ, на встрѣчу судьбѣ. Съ юга дорога была заперта вдвойнѣ. Съ одной стороны—нѣмецкими отрядами, которые преграждали дорогу на Липскъ; съ другой стороны рѣкою Бобромъ, прикрываясь которымъ 20-й корпусъ могъ бы быть спасенъ, но переходъ этотъ подъ огнемъ противника былъ немыслимъ.

Единственная возможность, которая оставалась, это прорваться изъ Августовской пущи въ нѣсколькихъ мѣстахъ и прорвать нѣмецкую линію на Сопоцкинъ—Голынка—Бартники, какою угодно цѣной и тѣмъ пробить дорогу на Гродно. Это было героическое рѣшеніе, къ которому пришелъ генералъ Булгаковъ: спасти свой корпусъ, хотя и въ грезахъ, для своей арміи.

У Волькуши—Сблоевскъ—Жабицке окруженныя русскія колонны выступили изъ опушки лѣса быстро впередъ. Они отбросили свои прежніе способы борьбы, какъ можно больше окапываться, и искали прикрытіе въ холмистой мѣстности между Волькуше—Бартники—Марковцы—Старожинце. Тогда нѣмецкіе пулеметы открыли свой огонь, гаубицы и пушки стрѣляли на 800 метр. и подъ конецъ на 450 метр. по густымъ массамъ, которыя послѣ пораженія заполнялись новыми колоннами.

Все это избіеніе, котораго не знаетъ военная исторія, разыгралось на площади въ 2000 м., что даже простымъ глазомъ можно было видѣть, какъ цѣлыя кучи людей оставались лежать и какъ батальонъ за батальономъ былъ уничтожаемъ подъ трескъ пулеметовъ. Подъ бѣглымъ огнемъ легкой полевой артиллеріи новыя и новыя колонны выступали впередъ, все болѣе и болѣе поле усѣивалось трупами на этомъ узкоограниченномъ участкѣ боя и нѣмецкій огонь наносилъ все новыя большія потери въ колоннахъ, въ ихъ безумной атакѣ!

Послѣ 2-хъ часового бѣглаго огня всѣ дѣйствія русскаго отряда были приведены къ полному его пораженію. Принесенныя въ жертву тысячи людей на жертвенникъ войны были напрасны, такъ какъ прорвать нѣмецкое желѣзное кольцо было невозможно и послѣдняя отчаянная попытка ген. Булгакова прорваться на Гродно — рухнула! Но какая картина представлялась при наблюденіи изъ Волькушъ!

Другъ на дружкѣ лежало безчисленное количество труповъ, которыми были усѣяны впереди лежащія высоты, но честь 20-го корпуса была спасена и цѣну этого спасенія представляли 7000 убитыхъ, которые пали въ атакѣ въ одинъ день битвы на пространствѣ 2-хъ километровъ, найдя здѣсь геройскую смерть!

Попытка прорваться была полнѣйшее безуміе, но святое безуміе—геройство, которое показало русскаго воина въ полномъ его свѣтѣ, котораго мы знаемъ со временъ Скобелева, вре-

менъ штурма Плевны, битвъ на Кавказѣ и штурма Варшавы!

Русскій солдатъ умѣетъ сражаться очень хорошо, онъ переноситъ всякія лишенія и способенъ быть стойкимъ, если даже неминуема при этомъ и вѣрная смерть!"

Итакъ, ядовиая, а для нѣкоторыхъ и смертельная „пилюля плѣна" и встрѣчной рѣчью нѣмецкаго генерала и этой газетной статьей была подслащена...

Далѣе—въ теченіи 7 дней, мы испили до дна горькую чашу „пути въ плѣнъ", а затѣмъ насталъ и самый плѣнъ. Но объ этомъ слѣдующая книга моихъ воспоминаній.

КОНЕЦЪ.

Каунасъ. 1931.

Библиотека
К.П.(б.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Мобилизація	5
II.	1-й бой—Сталупененъ	21
III.	Гумбиненскій бой	38
IV.	Движеніе къ Кенигсбергу	61
V.	Оборона моста подъ г. Алленбургомъ .	71
	Отступленіе	100
VI.	Второе наступленіе въ Вост. Пруссію .	108
VII.	Бой 25 октября у Герритена. Ангерапская позиція	126
VIII.	Въ дивизіонномъ резервѣ. Бой у Скроблиненской рощи. Рождество Христово въ окопахъ. Встрѣча Новаго Года . .	142
IX.	Отходъ съ Ангерапской позиціи (29-го янв. 1915 г.) въ составѣ 20-го корпуса	170
X.	Бой у Махарце (3 февр.) Дальнѣйшій отходъ съ боями (4—7 февр.). Полное окруженіе нѣмцами и гибель 20 корп.	197

Авторъ этой книги А. А. УСПЕНСКІЙ готовитъ къ печати вторую книгу своихъ воспоминаній:

„ВЪ ПЛѢНУ“,

которая выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

Вслѣдъ за воспоминаніями „Въ плѣну“ выйдетъ въ свѣтъ третья книга воспоминаній А. УСПЕНСКАГО:

„ВЪ ЛИТВѢ“.

Складъ изданія книги „На Войнѣ“ — у автора, полковника А. А. Успенскаго: Lietuva, Kaunas, Kalniečių g-ve 10, but. 4. Ats. Pulkininkui A. Uspenskiui.

Съ требованіями на книги обращаться по этому адресу.

In Masuren 10-15 Febr. 1915 J.

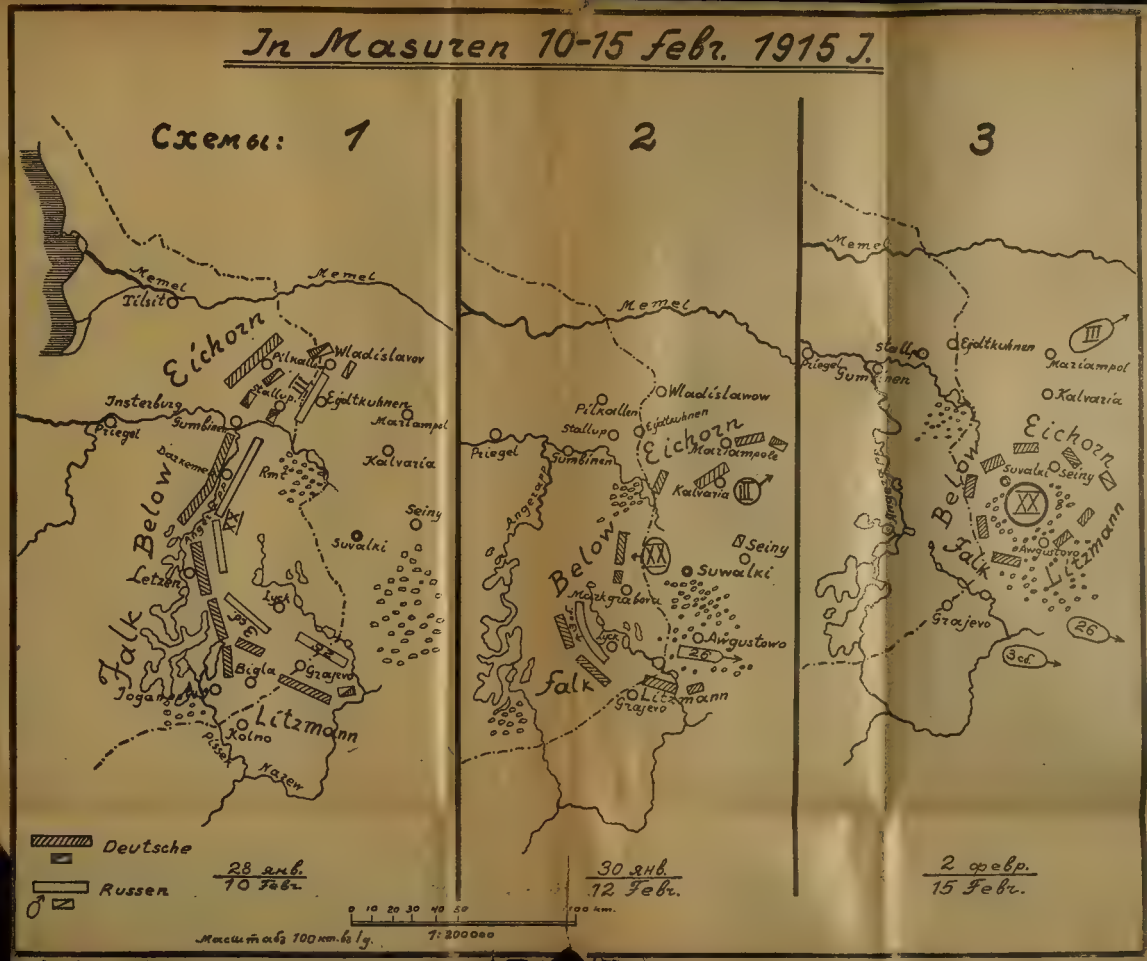
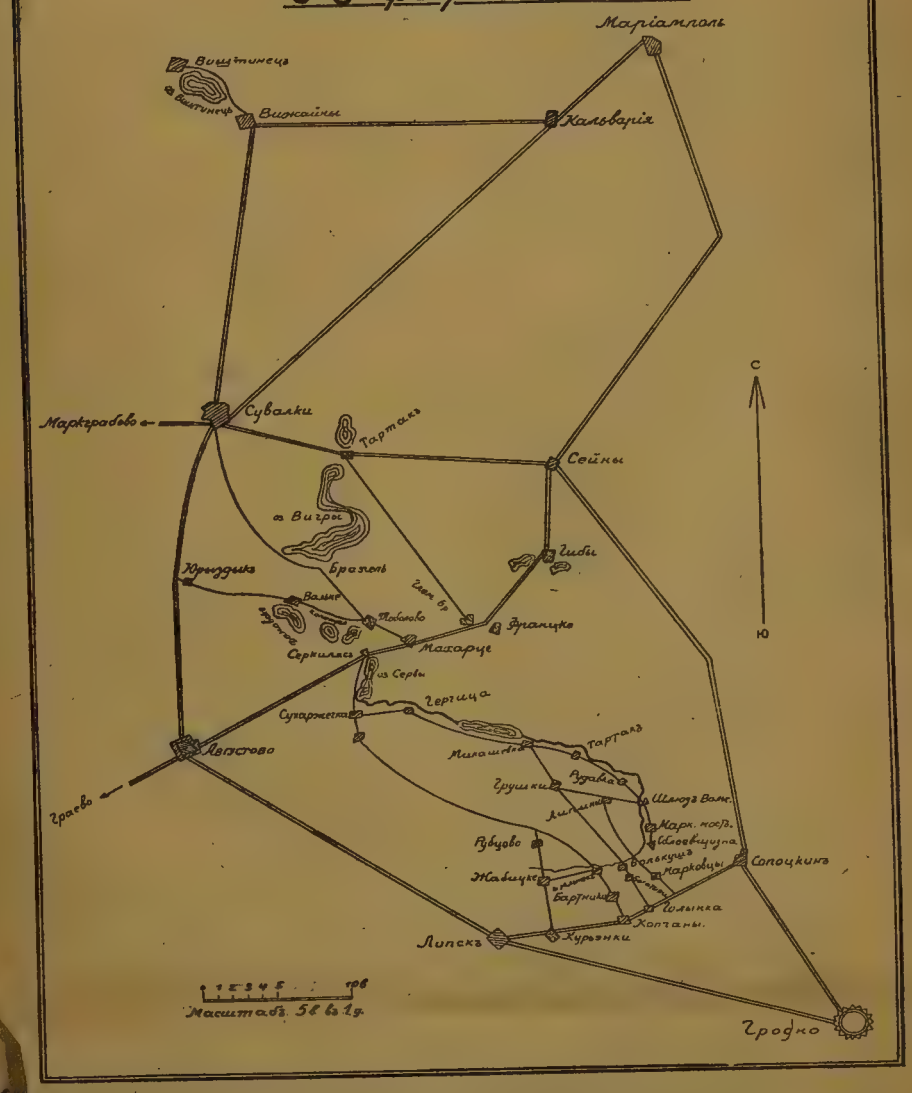


Схема № 4

6-8 февраля 1915 г.



IV
П-82

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ШКОЛА ЖИЗНИ»
В·Ѳ·БУТЛЕРА
КАУНАСЪ (ЛИТВА)

5

Цѣна для Литвы 4 лита
„ „ Латвіи 3 лата
Въ прочихъ странахъ 1 амер. долл.

10p